

НА ОДОУ — 75! БОЕВОМ ПОСТУ

Не пасовать
перед
трудностями

Возродить
авторитет
дивизии

Интервью номера

В канун юбилея с командиром трижды орденоносной Отдельной дивизии оперативного назначения генерал-майором Николаем Турапиным беседовал наш корреспондент.

НЕ ПАСОВАТЬ ПЕРЕД ТРУДНОСТЯМИ

— Товарищ генерал-майор, прежде чем начать беседу, позвольте передать вам поздравления от редакционного коллектива и многочисленных читателей журнала с юбилеем — 75-летием прославленного трижды орденоносного соединения.

— Большое спасибо.

— Николай Дмитриевич, с вступлением в новую должность вам, помимо всех прочих обязанностей, пришлось вплотную заниматься вопросами подготовки к предстоящим торжествам. Как говорится, с корабля на бал.

— Да, это действительно так. И

должен вам заметить, что сразу столкнулся с массой проблем. Программа празднования довольно обширная, мероприятия рассчитаны не на один день, поэтому вопросов, связанных с их подготовкой и проведением, возникает очень много. На наш юбилей в качестве почетных гостей мы пригласили Президента России, председателей правительства и обеих палат Федерального Собрания, министра внутренних дел, главнокомандующего внутренними войсками, мэра Москвы и других официальных лиц. Придут они или нет, это личное дело каждого из них. Но мы, как говорится, не должны ударить в грязь лицом. По традиции на плацу бу-

дет проведен торжественный парад личного состава частей и подразделений дивизии, боевой техники. Свое ратное и профессиональное мастерство покажут воины-спецназовцы и разведчики, военные оркестранты, солдаты и сержанты роты почетного караула, конники и парашютисты. Что касается культурной программы, то в гарнизонном Доме офицеров состоится большой праздничный концерт, в котором примут участие многие известные исполнители. В честь 75-летия ОДОНа выпущен памятный знак, который будет вручен военнослужащим и гостям.

— Кстати о гостях. Офици-

ОДОНу – 75 ЛЕТ

альных лиц вы назвали. А кто еще приглашен для участия в юбилейных торжествах?

— Людей на празднике будет очень много. Приглашения разосланы командирам соединений и частей Российской армии, губернатору Московской области, главам администраций подмосковных городов, директорам предприятий и, конечно, ветеранам. Ветеранская организация дивизии насчитывает более 650 человек, но на юбилей их будет гораздо больше — около 2 тысяч. Бывшие дзержинцы приедут не только из российской глубинки, но и из стран СНГ.

— Николай Дмитриевич, согласитесь, что многочисленные гости и ветераны будут судить о состоянии дел в родном соединении не только по внешнему виду военнослужащих и чистоте убранной территории, а прежде всего по ратным показателям.

— Полностью с вами согласен. Такие большие и славные юбилеи, как наш, принято встречать высокими показателями в службе, боевой учебе, укреплении воинской дисциплины. Их достижения, как известно, во многом зависят от боевой выучки и профессиональной подготовки каждого военнослужащего, его отношения к выполнению должностных

обязанностей, своего воинского долга. Поднять качество боевой подготовки и состояние воинской дисциплины на более высокий уровень — вот над чем сейчас напряженно трудятся командование дивизии и офицеры подразделений. Задача сложная, но вполне выполнимая, если каждый из нас, командиров любого ранга, будет с душой относиться к порученному делу.

— **К большому сожалению, состояние дел в ОДОНе сегодня оставляет желать лучшего, и в канун своего 75-летия личный состав дивизии не может похвастаться стабильными успехами в служебно-боевой деятельности. В преддверии славного праздника, наверное, не стоило бы говорить о проблемах, стоящих перед соединением. И все-таки, какие из них, на ваш взгляд, наиболее болезненные и трудноразрешимые?**

— Предстоит распутать целый клубок проблем. К сожалению, те передовые позиции, которые всегда занимала дивизия, во многом утрачены. Я человек в ОДОНе новый, поэтому судить, когда и почему это произошло, не могу. Но в одном уверен, проблемы нужно решать, а не пасовать перед ними. Даже в такое трудное время, как сегодняшнее. За три месяца нахождения в должности, конечно, не во всем разобрался доско-

нально, но кое-какие выводы уже могу сделать. Считаю, что с тем отношением к делу и настроением, с которым работают отдельные офицеры, вряд ли удастся изменить ситуацию к лучшему. Их пассивность в работе негативно отражается на общем положении дел в коллективе. Сумеет устранить этот недостаток, настроим командиров на конструктивную и кропотливую работу с подчиненными, значит, очень скоро сможем вполне реально рассчитывать на успехи.

— **Но заниматься воспитанием личного состава, добросовестно выполнять свои должностные обязанности офицер, да и не только он, будет лишь тогда, когда для него и других военнослужащих будут созданы более или менее нормальные условия жизни и службы.**

— Совершенно верно. Но, опять же к большому сожалению, проблем, связанных с бытоустройством военнослужащих, членов их семей, за последние годы накопилось очень много. Хотя надо отдать должное моим предшественникам. Они не сидели сложа руки и делали все от них зависящее, пытались решить эти вопросы.

На сегодня свыше 600 военнослужащих не имеют жилья. Большинство из них вынуждены снимать его на стороне. Причем сум-

Визитная карточка. *Генерал-майор Турапин Николай Дмитриевич родился 20 января 1956 года. Окончил Омское высшее танковое командное училище и Академию бронетанковых войск. С 1978 по 1994 год проходил службу на различных командно-штабных должностях в Вооруженных силах, командовал полком специального назначения КГБ СССР. Во внутренних войсках с мая 1995 года. Служил в штабе ГУКВВ МВД России, Северо-Кавказском округе, командовал бригадой, возглавлял штаб соединения. До назначения в феврале 1999 года командиром ОДОНа командовал дивизией оперативного назначения в городе Владикавказе. Награжден орденом «За военные заслуги», медалью «За боевые заслуги» и другими наградами. Женат, имеет двоих детей.*

мы, которые они платят владельцам квартир, значительно превышают установленный размер пособия за поднаем жилья. И если учесть, что зачастую военнослужащий является единственным кормильцем, то отдельные семьи впадают просто жалкое существование.

Многие здания военного городка, системы отопления, водоснабжения и канализации нуждаются в ремонте. Несмотря на все принимаемые меры и помощь, которую оказывают нам главнокомандующий и министр внутренних дел, быстро и безболезненно устранить эти недостатки мы просто не в состоянии. Нужны время и средства. Денег же на эти цели выделяется крайне недостаточно. Все то, что дивизия получает из федерального бюджета, идет на выплату денежного довольствия и социальных пособий. Естественно, что такое отношение державы к своим вооруженным защитникам не придает им бодрости и оптимизма в преодолении бытовых невзгод и тягот военной службы.

— И где искать выход из создавшегося положения?

— Прежде всего нужно не опускать руки и даже в такой сложной ситуации пытаться решать эти проблемы, рассчитывая прежде всего на собственные силы, изыскивать неиспользованные резервы и возможности. А они, поверьте, есть в каждом воинском коллективе.

Лето только началось, а основные усилия наших хозяйственников уже направлены на подготовку к зиме. Конечно, скудное финансирование не позволит нам полностью решить все бытовые вопросы, но надеемся, что удастся привести в порядок систему

отопления, частично канализацию, казармы и хозяйственные помещения.

В минувшем году сумели капитально отремонтировать и переоборудовать столовую второго и учебного полков. Аналогичные работы ведутся сейчас на пищеблоке пятого полка, в здании гарнизонного Дома офицеров, заложили фундамент под строительство еще одной солдатской столовой, заканчиваем возведение новой казармы.

Пытаемся решить и жилищную проблему. Весной был сдан в эксплуатацию многоквартирный дом. В июле начнется строительство еще двух высотных домов. Вся необходимая проектная документация уже подготовлена, министерство выделяет на эти цели значительную сумму. Пытаемся создать в дивизии фонд служебного жилья для офицеров и прапорщиков. Для этих целей ищем в Балашихе, Кучино, Никольском здания, которые можно выкупить, отремонтировать и оборудовать в них общежития для многоквартирных военнослужащих. Сейчас ведутся переговоры о передаче нам пустующих помещений военного городка Российской армии. Если удастся договориться, то сумеем обеспечить еще двести семей временным служебным жильем. Для холостяков переоборудовали под общежитие помещение банно-прачечного комбината. В августе должны прибыть 200 молодых лейтенантов. Если не удастся найти помещения для их проживания, переоборудуем под временное общежитие одну из новых казарм. Сегодня более двухсот военнослужащих и членов их семей живут в пяти общежитиях, находящихся на балансе дивизии, и еще 416 семей в 11 общежитиях различных организаций города Москвы и области. Но, несмотря на все принимаемые

меры, решить жилищную проблему собственными силами мы просто не в состоянии.

— Товарищ генерал-майор, а какие направления в служебно-боевой деятельности вы считаете приоритетными?

— Конечно же, боевая учеба и состояние воинской дисциплины. Иначе теряется весь смысл службы.

— Отдельные командиры многие проблемы, связанные с повышением качества боевой учебы, укреплением воинской дисциплины, внутреннего порядка во вверенных им частях и соединениях, пытаются решить за счет чрезмерной требовательности к своим подчиненным...

— Требовательность должна всегда сочетаться с заботой о подчиненных. Без этого любое доброе дело обречено на провал. Людей нужно изучать, вынырнуть в их нужды, заслужить доверие. Чтобы они видели в офицере не только строгого командира, а прежде всего человека, способного понять и поддержать их в трудную минуту. О каком качестве боевой службы может идти речь, если видишь, что поставленную задачу боец пошел выполнять с плохим настроением или затаенной обидой на командира. Нет, отношения с подчиненными должны строиться на доверии и взаимопонимании. Если эти требования соблюдены, тогда отношение военнослужащих к порученному делу будет совершенно иным. Любую задачу солдат будет выполнять, уверенный в том, что требования командира верны и справедливы. Такова моя позиция. Перед подчиненными нужно ставить ре-

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 6 ♦ 1999

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — МВД России

ИЗДАТЕЛЬ — Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,

Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обращивать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений —
рекламодатели, за качество печати —
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ОДОНу — 75 ЛЕТ

Н. ТУРАПИН

Не пасовать перед трудностями. 1

А. КИРИЛЕНКО

Полку «витязей» прибыло. 7
Военнослужащие отряда были всегда на самом острие
смертельных схваток с вооруженными преступниками, по-
сягнувшими на жизнь мирных жителей. Около 200 бойцов
отряда «Витязь» награждены орденами и медалями, а пол-
ковникам Сергею Лысюку, Александру Никишину, Олегу
Кублину присвоено звание Героя Российской Федерации.

В. НИКОЛЬСКИЙ

«Расчеты, к бою!» 11

Совершенствовали свое мастерство и минометчики из ба-
тарей старшего лейтенанта Олега Гнездилова. В реальном
бою огневая поддержка, которую они оказывают мото-
стрелкам, очень помогает подразделениям оперативного
назначения успешно выполнить поставленные задачи.

Г. КОРЯК

Возродить авторитет дивизии 13

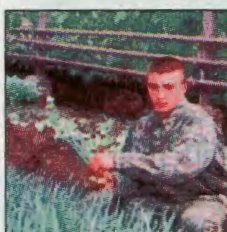
И. МУЧАК

Четыре пункта аттестации 16

Почти восемь лет в составе 1-го Краснознаменного полка
ОДОН просуществовала учебная рота специального назна-
чения «Ягуар». Полтора года командовал ею нынешний на-
чальник штаба отдельного батальона оперативного назна-
чения подполковник Виталий Иванчук.

Б. КАРПОВ

Этих парней взяли в разведку. 20

А. МАКАРОВ

...А обед — по распорядку 24

Солдат должен быть одет, обут и накормлен. Ему надо во-
время поменять белье, дать помыться и дать место, где мо-
жно приклонить на ночь голову. Только тогда солдат здоров,
весел и способен выполнить поставленные перед ним бое-
вые задачи.

А. КУДРЯШОВ

Между молотом и наковальней 27

В установленное время полк стоял на плацу в полной бое-
вой готовности, с вещмешками. На улице было холодно, и
солдатам приказали надеть валенки. Из автопарка уже вы-
тягивалась колонна машин. Никто, даже комбат, не знал по-
ка дальнейших действий...

Г.КАЗАКОВ

Здесь и танцуют, и поют... 34

*Практически весь театральный и эстрадный бомонд Москвы выступал на сцене Дома офицеров.***Н.СЫСОЕВ**

Неизвестный энша Павел Смирнов 36

А.ТАРАСОВ

Снайперы «болотного» фронта 41

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ**И.СЕМЕНЧИК**

Достойны уважения и памяти 43

С.БЕЛЬЧЕНКО:

«Войну я встретил на западной границе...» 48

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ**К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина****В.ГУСЕВ**

Бессмертие веселого имени 53

В.КОСТРОВ

Обещая прощать и любить (стихи) 55

Ю.СЕМЕНОВ

Головной эсбист (повесть, окончание) 57

События повести происходят в первые послевоенные годы на Западной Украине.

От ясного дня до ненастного дня (стихи) 71

КАЛЕЙДОСКОП**Г.ШАХОВ**

Он все спешит за чудесами... 73

— Если честно, в молодости я был очень шустрым парнем. Иногда любил в самоволочку через забор махнуть... Вот после очередного «самохода» меня и перевели в роту.

Шахматный клуб 77

Сапоги всмятку (сатира, юмор) 78

Кроссворд 80

**Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.****Редакционная
коллегия:**АРТЮХОВ Е.А., ДОМОЖИРОВ В.К.
(зам. главного редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЕРМИЛОВ А.М. (зам. главного редакто-
ра), ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАРЕВ А.Н. (ответ-
ственный секретарь), КАРПОВ Б.В.,
КИСЛЫЙ Ю.П., КУДРЯШОВ В.И.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СЫСОЕВ Н.Г., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ФАТЕЕВ К.К., ШАРАПОВ Н.С.,
ШЕРЕМЕТА В.А., ЮРЧЕНКО С.П.**Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.****Верстка**ГЕРАЩЕНКО В.П.
ПЕТРОВОЙ Л.А.**Корректоры**БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.**На 1-й странице обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА****Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-
методических материалов
"Войсковой вестник"**При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна**© Журнал
"На боевом посту", 1999**Сдано в набор 5.05.99 г.
Подписано к печати 31.05.99 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 3300Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 1121
Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175**Ордена "Знак Почета" типография
"Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38**

альные задачи, постоянно контролировать их выполнение, не забывая при этом оказывать конкретную помощь. Уверен, нам удастся решить те проблемы, о которых я говорил раньше, повысить личную ответственность каждого военнослужащего за состояние дел в родном подразделении, добиться, чтобы все служили не за страх, а за совесть.

— Николай Дмитриевич, одну из причин нестабильного положения дел в ОДОНе видят в некачественной подготовке призывников к военной службе. Многие из новобранцев просто физически не способны справляться с той нагрузкой, которая ложится на их плечи.

— Станут или не станут новобранцы настоящими бойцами, во многом зависит от терпения и упорства командиров. С молодыми воинами нужно работать. Особенно офицерам подразделений. Если они будут оказывать молодежи должное внимание, постоянно заниматься с бойцами боевой учебой, совершенствовать их физическую закалку, заботиться о них, то очень скоро многие из новобранцев достигнут нужной формы и станут настоящими бойцами. Ну а что касается отбора для службы в ОДОНе, то министр внутренних дел и главнокомандующий определили регионы, откуда будет осуществляться призыв на военную службу.

— Когда-то дивизия носила имя Ф.Дзержинского и воины с гордостью называли себя дзержинцами. Недавно совет ветеранов вышел с ходатайством к министру вернуть дивизии прежнее название...

— Этот вопрос не в моей компетенции.

— Какую помощь оказывает совет ветеранов дивизии в решении насущных проблем? Не секрет, что многие из бывших военнослужащих успешно занимаются бизнесом, достигли определенных высот на политическом олимпе и способны оказывать соединению не только моральную, но и материальную помощь.

— Они и оказывают. В меру сил и возможностей. Взаимоотношения с ветеранами самые тесные. Особенно сейчас, в ходе подготовки к юбилею. Не считаясь со временем, бывшие дзержинцы приезжают на заседания оргкомитета, активно обсуждают возникающие проблемы, помогают решать многие материальные вопросы. Особенно хочется отметить генерал-лейтенантов Дмитрия Алексеевича Наливалкина, Александра Ивановича Гриенко, Игоря Николаевича Рубцова, полковника Сергея Ивановича Лысюка и других ветеранов. Благодаря им на расчетный счет дивизии для проведения торжественных мероприятий поступили десятки тысяч рублей от различных спонсоров. Совет ветеранов ведет большую переписку с многими бывшими военнослужащими, активно участвует в патриотическом воспитании воинов. Огромное ему спасибо за это.

— Николай Дмитриевич, в преддверии юбилея отдельные издания, особенно «Московский комсомолец», выступали с довольно критическими публикациями в адрес соединения. Как реагируют на них в воинских коллективах?

— Равнодушных к публикациям в прессе нет. Особенно болезненно офицеры воспринимают необъективную критику. Большинство из них считают, что она

приносит больше вреда, нежели пользы. И я согласен с ними. Одно дело, когда нас справедливо ругают за недостатки в работе с подчиненными, особенно по предрейтинговому неуставщине и казарменному жулиганству, но когда подробно и со вкусом пишут о разбитых и неработающих унитазах, неприглядном внешнем виде казарм, плохом питании, холодных котлах в котельных, отсутствии жилья у офицеров, обвиняя во всех этих бедах командиров, ничего, кроме возмущения, подобные статьи не вызывают. Более того, после каждой подобной публикации часть буквально засыпает жалобами родители военнослужащих. Многие из них настоятельно рекомендуют своим чадам убежать из расположения дивизии. О каком же патриотизме и престиже военной службы можно говорить после этого! В конце концов многие офицеры просто перестали реагировать на подобные публикации: собака лает — ветер носит.

— И последний, традиционный вопрос. Что бы вы пожелали своим подчиненным?

— Прежде всего терпения и веры. В любых обстоятельствах человек в погонах должен честно и добросовестно служить Отчизне и своему народу.

Беседу вел подполковник
Николай КАМШЕКИН

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА

«Чечен-Лукойл» понес убытки

Работать «витязям» пришлось много и напряженно. Особенно бойцам из группы боевого обеспечения под командованием капитана Тамерлана Гусова.

Итогом служебно-боевой деятельности стало обнаружение и уничтожение двух мини-заводов по переработке нефтепродуктов, нескольких тайников с охотничьими обрезам и ружьями, перехват и сдача сотрудникам местных правоохранительных органов неучтенных ни в каких официальных документах «левых» бензовозов.

Подпольный бизнес «Чечен-Лукойла», как спецназовцы шутивно окрестили сеть самопальных заводиков по переработке сырой нефти, расцвел пышным цветом сразу же после окончания боевых

действий. Качество производимого ими бензина не выдерживает никакой критики, но цены, по которым сбывали его чеченские предприниматели, вполне приемлемы для жителей приграничных с Чечней районов Ставрополя, Северной Осетии и Ингушетии. Поэтому проблем с реализацией горючего у бензиновых дельцов не было. Ну а доходов, получаемых от продажи левого товара, хватало не только на кусок хлеба. По оперативным данным, отдельные полевые командиры, контролирующие этот незаконный бизнес, на вырученные деньги приобретают оружие, боеприпасы, снаряжение для своих боевых отрядов. Вот почему командование войсковой группировки и руководство МВД вели жесткую и решительную борьбу с бензиновыми королями.

В один из дней по указанию штаба ВОГа группа боевого обеспечения отряда во главе с капитаном Тамерланом Гусовым и сотрудники ОМОНа выезжали на операцию по уничтожению левых нефтяных мини-заводов.

Путь по горным грядам был тяжелым и долгим. Наконец недалеко от селения Малый Малгобек военнослужащие наткнулись на вполне добротные кирпичные постройки. Возле одного здания было установлено несколько больших цистерн со сложной конструкцией из переплетенных железных труб и резиновых шлангов. Людей на территории не было. Скрылись, увидев приближающуюся колонну БТРов и милицейских «уазиков»

— Товарищ капитан, полная, — открыв верхнюю крышку одной

из цистерн, доложил снайпер рядовой Денис Заварухин.

Точным выстрелом из гранатомета огромная бочка была уничтожена, а растекшаяся горячая нефть ярким огненным факелом довершила разрушение завода.

«Витязи» спешили, в любой момент могли прибыть «хозяева» с вооруженной охраной. И тогда хочешь не хочешь, а придется вступить с ними в бой. В планы спецназовцев это не входило. Тем более что район, в котором они находились, уже успел «прославиться». Несколько месяцев раньше недалеко от этого поселка в засаду попали армейская колонна и сопровождавшие ее милиционеры. Боевики подбили бэтээри и «уазик» местного ОМОНа. И хотя нападавшие получили достойный отпор, это селение они по-прежнему считали своей вотчиной.

После убийства военнослужащих

«хозяева» все-таки заявили. За причиненный ущерб и понесенные убытки вооруженные бородачи пообещали жестоко наказать военных. Узнав об этом, спецназовцы только улыбнулись. К подобным угрозам они привыкли.

От «горных волков» осталось одно название

Обеспечение разведывательно-поисковых мероприятий было еще одной прерогативой спецназовцев. Как правило, проводились они по просьбе местных правоохранительных структур или распоряжению начальника штаба временной группировки.

Почти месяц группа капитана Гусова занималась сбором разведывательных данных. Особенно на тех участках границы, откуда из соседней Чечни в Дагестан или в Северную Осетию — Алаанию

могли доставляться оружие, боеприпасы, взрывчатка и наркотики. Ценная информация тут же передавалась в штаб. Это позволило командованию группировки разработать и успешно осуществить несколько боевых операций против отряда боевиков, называвших себя «горными волками». При их проведении основная нагрузка легла на плечи бойцов «Витязя».

Кстати, любопытный факт. Когда местные жители узнали о прибытии военнослужащих, то стали слезно просить «витязей» уйти из их района:

— Вы приехали и уехали, а нам здесь жить!

Бойцы прекрасно понимали опасения сельчан, но приказ есть приказ. Тем более что с каждым набегом боевики вели себя все наглее и безжалостнее.

Совершив многокилометровый марш, спецназовцы вышли в

район высокогорного селения Хурикау.

Впереди продвигался разведдозор во главе с лейтенантом Александром Патрикеевым, а сзади, чуть отстав, — командир с группой огневого прикрытия. Позади группы саперы устанавливали сигнальные мины, чтобы прикрыть тылы спецназовцев.

Вскоре разведчики обнаружили наблюдательный пункт боевиков. Старший дозора доложил, что видит в бинокль пятерых бордачей в камуфляже. Вооружение — автоматы и РПК.

На принятие решения ушли считанные минуты. Заняв господствующие высоты, бойцы пошли на штурм. Бой был скоротечным. Убедившись, что перевес сил на стороне бойцов спецназа, «горные волки» с поля боя бежали быстрее ланей.

Левак, который не позолотил руку

Ранним утром вблизи дагестанского города Хасавюрт сотрудники ОМОНа попытались остановить бензовоз, мчащийся на высокой скорости. Из кабины грузовика по милиционерам преступники открыли автоматный огонь. Только по счастливой случайности никто не пострадал. А бензовозу удалось уйти в сторону Чечни.

Чтобы подобные опасные инциденты больше не повторялись, руководство внутренних дел разработало операцию по отлову топливозаправщиков с левым бензином. Наряду с бойцами из отряда милиции особого назначения к участию в ней привлекли и «витязей». Уж кто-кто, а они за время своей командировки приобрели большой опыт в задержании машин с подобным грузом. На «автомобильные операции» спецназовцы выдвигались на бронетранспортерах, при полном бое-

вом снаряжении, готовые дать достойный отпор любому нарушителю пропускного режима на приграничном КПП.

За время проведения операции «витязям» удалось задержать и препроводить в местный райотдел милиции 10 бензовозов. Пытаясь откупиться, хозяева левого горючего предлагали парням из «Витязя» любые деньги. Но любителей поживиться за счет ворованного среди спецназовцев не нашлось. Честь отряда для них дороже любой валюты.

Сильна рать не только воеводой

В один из светлых апрельских дней спецназовцы капитана Гусова обнаружили на маршруте своего движения возле станицы Галюгаевской две установленные растяжки из гранат Ф-1 и РГД-5. Видать, крепко насолили «витязи» своим недругам, вот они и решили посчитаться с бойцами. Только одного не учли бандиты. В отряде служат настоящие профессионалы, имеющие за плечами большую боевой опыт. Поэтому обе растяжки были своевременно обнаружены, сапер группы боевого обеспечения рядовой Иван Миронов аккуратно обезвредил гранаты, а затем рядовой Ильшат Муниров выстрелом из гранатомета уничтожил их.

— Весь личный состав моей группы показал себя только с хорошей стороны, — сказал капитан Тамерлан Гусов, — рядовой Александр Можавин уничтожил один из подпольных мини-заводов. Разведчик ефрейтор Виктор Смага умело и грамотно руководил бойцами из группы боевого обеспечения. Гранатометчик отряда ефрейтор Олег Корепанов огнем прикрывал отход группы, когда однажды нам на хвост сели чеченские боевики. Выстрелом из гранатомета он взорвал цис-

терну с горючим, создав на пути бандитов непреодолимую сплошную огненную полосу. Успешно справился с возложенными на него обязанностями старший сержант Александр Конищев. В общем, спецназовская рать сильна была не только опытным воеводой, но и умелыми, знающими свое дело воинами.

Возвращение домой

Оно состоялось накануне майских праздников. Длинная колонна БТРов и грузовиков втянулась в ворота военного городка и замерла на плацу. С запыленных бортов бронетранспортеров прыгнули усталые бойцы. Без лишней суеты, четко выполняя отданные офицерами распоряжения, они приступили к разгрузке техники, необходимо было сдать вооружение, спецснаряжение.

Радость от встречи с домом пришла позже, когда вернувшихся из кавказской командировки «витязей» обняли ласковые руки родных и близких, друзей и знакомых.

* * *

В полку «витязей» прибыло. Хочется верить, что создание 1-го Краснознаменного полка специального назначения «Витязь» сможет сохранить и умножить славные традиции войскового спецназа, завоеванные его бойцами честной и добросовестной службой на благо Отечества. Боевая летопись обновленного «Витязя» продолжается. А это значит, что спецназовцев снова ждут нелегкие испытания и трудности, преодолевать которые «витязям» не привыкать.

Старший лейтенант Александр КИРИЛЕНКО,
корреспондент многотиражной газеты ОДОНА

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

Полигон

«РАСЧЕТЫ,
К БОЮ!»

Подполковник Александр Муханов подал команду и нажал кнопку секундомера. Ожившая стрелка стремительно побежала по циферблату. Одна, две, три секунды... Отсчет времени для подготовки СПГ-9 к стрельбе начался. Личный состав артиллерийских расчетов действовал уверенно и грамотно. Быстрота реакции и слаженность действий — вот основные слагаемые успеха на этом этапе тренировки. Устойчивость «трубы» на станке надежная, ствол расчехлен, прицел установлен, координаты целей определены.

— Первый расчет к бою готов! Второй готов! — один за другим докладывали пушкари офицеру.

Движение возле длинноствольных СПГ замерло. Затаив дыхание воины смотрели на подполковника Муханова, ожидая одобрения или, наоборот, упрека и замечания за свои действия. Командир дивизиона, внимательно следивший за подчиненными, взглянул на секундомер и улыбнулся. Артиллеристы в нормативное время уложились. По мнению Александра Ивановича, увереннее и четче других все-таки действовали воины из расчета старшего сержанта А.Смирнова.

— Благодарю за службу! — поздравил он отличившихся бойцов.

— Служим Отечеству! — громко и дружно ответили пушкари.

А занятия по специальной подготовке в артиллерийско-зенитном дивизионе продолжались. Недалеко от места тренировок расче-

тов СПГ совершенствовали свое мастерство минометчики из батареи старшего лейтенанта Олега Пнездилова. В реальном бою огневая поддержка, которую они оказывают мотострелкам, очень помогает подразделениям оперативного назначения успешно выполнить поставленные задачи. Чтобы система огня была мощной и эффективной, воинам батареи приходится много и плодотворно учиться. Старший лейтенант Пнездилов свои знания и профессиональные навыки охотно передает подчиненным. Ефрейтор Александр Прохоров внимательно запоминает наставления офицера, как пользоваться артиллерийской буссолью ПАБ-2А.

Я наблюдал за учебой воинов-артиллеристов и вспоминал прошлогоднюю встречу с ними. Она состоялась поздней осенью в учебном центре дивизии. Проконтролировать ход занятий прибыл начальник артиллерии внутренних войск генерал-майор Михаил Рохленко. В тот день в числе лучших он отметил воинов артиллерийского дивизиона, которым командовал подполковник Муханов.

Воспользовавшись перерывом в занятиях, я подошел к Александру Ивановичу, напомнил ему о нашей прошлогодней встрече и попросил рассказать о сегодняшних буднях воинов артдивизиона.

Мой интерес к данному коллек-

тиву был не случаен. По итогам прошлого месяца дивизион был признан лучшим в части.

— Секрет успеха прост. Весь зимний период артиллеристы занимались только боевой учебой. Солдаты и сержанты были освобождены от выполнения различных хозяйственных работ, все внимание командования части и нашего подразделения сосредоточивалось на отработке учебной программы. Это позволило выявить отстающих воинов, закрепить за ними опытных, отлично знающих артиллерийское дело офицеров и сержантов. Их помощь и поддержка помогли воинам заметно подтянуться в учебе, овладеть прочными знаниями и навыками ведения стрельбы из различного вооружения.

Подполковник А.Муханов с гордостью называет фамилии лучших специалистов. Это заместитель командира взвода старшина В.Березинский и старший сержант А.Смирнов, водители ефрейторы А.Соколовский и А.Крестинин, другие военнослужащие. Что касается офицеров, то, к большому сожалению, сегодня подразделение укомплектовано ими не полностью. Но несмотря на большую служебную нагрузку, командиры достойно выполняют свой воинский долг, активно влияют на положение дел в коллективе, состояние воинской дисциплины и внутреннего по-

рядка. Большим авторитетом и уважением среди подчиненных пользуются майоры Анатолий Шень, Владимир Ивашевич, капитаны Юрий Беленко, Сергей Костельнюк, старший лейтенант Олег Пнездилов и другие.

Добросовестное отношение к ратному труду позволяет подчиненным подполковника Муханова добиваться заметных успехов в службе. На всем протяжении зимнего периода обучения воины показывали стабильные результаты как на тренировках, так и при проведении боевых артиллерийских стрельб.

— Выполнение боевых задач, поставленных перед нашим подразделением, зависит от действий всего коллектива, — говорит Александр Иванович. — Поэтому наряду с учебой самое пристальное внимание уделяем работе по сплочению коллектива. Воспитательный процесс стараемся организовать так, чтобы на виду, в поле нашего зрения был каждый военнослужащий. В последнее время значительно активизировалась работа совета сержантов, общественности. Дисциплинарные проступки сразу же становятся предметом тщательного

разбирательства и обсуждения в коллективе. Так было с водителем рядовым С.Сорокой. На совете общественности, обсуждая его дисциплинарный проступок, солдаты поставили вопрос, как говорится, ребром — достоин ли этот военнослужащий оставаться в занимаемой должности? Критика была столь нелюбезной, что воин дал слово не нару-

шать воинскую дисциплину. Сейчас рядовой Сорока проходит испытательный срок, постоянно находится в поле зрения командиров. По его поведению чувствуется, что вину солдат осознал.

Несмотря на повседневную текучку, боевая учеба остается приоритетным направлением. К каждому занятию в подразделении готовятся творчески и ответственно. Наверное, поэтому воины-артиллеристы получают на них глубокие знания и твердые практические навыки. Занятие, которое проводил подполковник Александр Муханов, стало достойным подтверждением вышесказанному.

Чтобы не ударить в грязь лицом, воины продемонстрировали своему командиру хорошую боевую выучку и высокий профессионализм.

Владимир НИКОЛЬСКИЙ
Фото старшего лейтенанта
Альберта КУДРЯШОВА

На повестку дня

ВОЗРОДИТЬ АВТОРИТЕТ ДИВИЗИИ

В один день с командиром Отдельной дивизии оперативного назначения генерал-майором Николаем Турапиным приступил к исполнению обязанностей его заместитель по работе с личным составом полковник Григорий КОРЯК. Опыта работы ему не занимать, желания работать тоже. Вернуть авторитет прославленному соединению офицер считает делом чести. По просьбе редакции полковник Коряк рассказывает о том, как идут оздоровительные процессы в дивизии, делится своими впечатлениями о работе в новой должности.

Последнее время наша Отдельная дивизия оперативного назначения опять у всех на слуху. Но если раньше, лет десять назад, о нас говорили как об образцовом соединении, то теперь больше ругают за всевозможного рода упущения и недоработки. Что ж, критика во многом справедливая. Иначе положение дел в ОДОНе не стало бы обсуждаться на коллегии МВД, а перед Главкоматом внутренних войск не стояла бы сегодня задача превращения ее в образцовое соединение.

В дивизии меня считают человеком новым. Хотя за полгода службы здесь я успел, не считите мои слова за похвальбу, достаточно глубоко вникнуть в проблемы большого и сложного воинского коллектива. Может быть, то об-

стоятельство, что мне прежде не доводилось служить в дивизии, сыграло свою положительную роль. Как говорится, посмотрел на положение дел свежим взглядом.

Что прежде всего бросилось в глаза? Отделение по работе с личным составом соединения, а по его примеру и полковое звено увлеклись чрезмерным планированием. Например, на первое полугодие было намечено проведение 8600 мероприятий! Хотели мои коллеги того или нет, но они сами себе запланировали самообман. Действовало правило: «сделал — запиши, а не сделал — запиши два раза».

Небесспорны и некоторые требования руководящих документов, касающиеся вопросов планирования. Так, работу по укреп-

лению воинской дисциплины в роте предписывается планировать на полгода вперед. На мой взгляд, планирование в роте целесообразно на месяц, не более. Иначе план не будет соответствовать реалиям дня. Лишит офицеров возможности вносить в работу необходимые коррективы, адекватно реагировать на изменение обстановки.

Удивила меня и вольность, с которой относились к планированию морально-психологического обеспечения в воинских частях. В одном полку план МПО включал в себя девять разделов, в другом семь, в третьем одиннадцать и т.д. О чем это говорило? В соединении отсутствовал системный подход к планированию. Пришлось провести инструкторско-методическое занятие по вопросам планирования, на котором довести до офицеров единые требования в этом вопросе.

Знакомясь со стилем работы подчиненных, обратил внимание: все они, за редким исключением, пользуются одной-единственной формой педагогического воздействия на подчиненных — беседой. Спору нет, жизнью, практикой доказана действенность индивидуальной беседы, обсуждения поведения нарушителей дисциплины на собрании коллектива. Но разве одной беседой исчерпывается арсенал психолого-педагогических форм воздействия на подчиненных?

В дивизии ни разу не проводился слет солдатских матерей. КПД подобного рода мероприятий фантастическое, убедился на собственном опыте. Дни, когда проводились тематические вечера, чествование мастеров боевой службы, можно по пальцам перечесть. Почему? Ответ простой — эти формы работы требуют от офицеров больших душевных затрат, эрудиции, артистизма. Ко-

нечно, гораздо проще выставить подчиненного у позорного столба и подвергнуть его словесному бичеванию. А толку — чуть.

Методические огрехи в воспитательной работе устранимы. Людей надо учить, а тех, кто умеет работать, но не хочет, заставлять. Мое требование — мероприятия, о которых было сказано выше, должны проводиться хотя бы раз в квартал, на всех уровнях дороты включительно.

Сделать для восстановления бывшего авторитета нашей дивизии предстоит немало. Как скоро достигнем желаемого результата, во многом будет зависеть от офицеров управления соединения. Стараемся, чтобы они как можно чаще работали в частях и подразделениях, решали конкретные проблемы, оказывали практическую помощь на местах. В дивизии заведено — по вторникам проводить расширенные совещания командования. На них координируется деятельность всех отделений и служб, ставятся задачи на ближайшую перспективу, определяются наиболее эффективные способы их решения. По вторникам же в частях проводятся дни правового воспитания или единые дни информационно-воспитательной работы. В воспитательных мероприятиях обязательное участие принимают офицеры управления соединения.

Анализируя причины неблагополучного положения дел в соединении, пришел к выводу: первопричина всех бед — социальная незащищенность личного состава. Это и задержки с выплатой денежного содержания (сейчас зарплату и социальные выплаты получаем вовремя, долго ли будет продолжаться такая идиллия?), и бытовая неустроенность личного состава, и отсутствие гарантий защиты чести и достоинства военнослужащих. С пресловутой

дедовщиной в казарме смирились. На многие нарушения командиры и начальники закрывали глаза. И к чему это приводило? Незначительный дисциплинарный проступок, оставленный без внимания сегодня, завтра оборачивался воинским преступлением. Войну дедовщине объявили беспощадную. Тех, кто заслужил, отправили на скамью подсудимых. С теми, кто стал на путь систематических нарушений воинской дисциплины, провели соответствующую работу. Собрали для серьезного разговора весь сержантский состав — младшие командиры в подавляющем большинстве своем строили взаимоотношения с бывальыми сослуживцами по принципу: лишь бы меня не трогали. Хотя командир отделения, заместитель командира взвода — одни из главных фигур в воспитательной работе вообще, и в деле профилактики правонарушений в частности. Затем встретились с теми военнослужащими, кому в ближайшее время предстояло увольнение в запас. Разговор получился жесткий. Те, кто надеялся, что его противоправные деяния сойдут за детские шалости, вынуждены были задуматься над своим поведением.

Изучая статистику нарушений воинской дисциплины и воинских преступлений в соединении, был неприятно удивлен тем фактом, что половина из них пришлась на долю сержантов, прапорщиков и офицеров. Те, кто, как никто иной, должны были радоваться за воинскую дисциплину и порядок, сплошь и рядом фигурировали в материалах служебных расследований и уголовных дел. Если мы не покончим с преступностью в командирской среде, если не поднимем авторитет офицеров, прапорщиков и сержантов на должную высоту, нам не удаст-

ся изменить положение дел в соединении.

Последнее время в войсках незаслуженно принижена авторитет общественных организаций. Кто-то пытается поставить под сомнение необходимость их существования. Мол, есть в войсках институт командиров и офицеров-воспитателей, им и надлежит работать не покладая рук и нечего перекладывать ответственность на плечи общественников. Категорически с этим не согласен! Общественные организации — это большая сила. Их бездействие сразу же сказывается на положении дел в воинских коллективах.

В нашем соединении бездействовали товарищеские суды офицеров и прапорщиков, суды старших офицеров. Другие выборные общественные организации, которые должны быть в частях и подразделениях согласно требованиям руководящих документов, просто отсутствовали! Сейчас занимаемся их возрождением, налаживаем работу в них. Думаю, у нас все получится, и в лице общественных организаций командиры получают надежного союзника в борьбе за образцовый воинский порядок и крепкую дисциплину.

Незаслуженно были забыты и ветераны дивизии. Ворота КПП перед ними никто не закрывал, но их боевой, житейский опыт, желание потрудиться на благо внутренних войск и родного соединения в полной мере востребованы не были. А жаль! К нашему стыду, недостаточно внимательно относились мы и к просьбам ветеранов о помощи. Конечно, возможности наши в этом плане не те, что ранее. Но, по крайней мере, проявлять должное внимание к этим заслуженным людям мы просто обязаны.

Когда принял должность, заинтересовался, как налажено

взаимодействие с местными органами самоуправления. Оказывается, общение с представителями местных властей велось на уровне телефонных звонков. Вне всякого сомнения, такое положение дел ненормально. Мы заявили о своих намерениях жить дружно со своими соседями и даже наметили ряд совместных проектов. Некоторые из них уже превратили в жизнь — совместно с администрацией Реутово и Балашихи провели день призывника. Вместе с районной управой Ивановской провели праздник, который называется «Сыны России».

Одно время Вооруженные силы, внутренние войска не могли определиться, как относиться к комитетам солдатских матерей. Некоторые командиры и начальники их просто игнорировали, контакты с ними всячески пресекали, те, кто был подальновиднее, искали точки соприкосновения, совместные интересы. Нынешнее командование соединения за сотрудничество с комитетами солдатских матерей. Наша цель одна — благополучие их сыновей. Мы восстановили взаимодействие с Московским комитетом солдатских матерей. С целью доступности для родителей наших военнослужащих информации о жизни соединения, разумеется, не содержащей военной тайны, в дивизии открыли общественную приемную комитета солдатских матерей. Восстанавливаем такую форму общения, как телефон доверия. Теперь родители наших солдат, которые приезжают проведать своих сыновей, могут выйти на любое должностное лицо в соединении, связаться при необходимости с военной прокуратурой, переговорить с помощником командира соединения по правовой работе. У нас нет секретов от родителей, от общественности.

Конечно, говорить сегодня о том, что в Отдельной дивизии оперативного назначения все изменилось к лучшему, преждевременно. Слишком запущенно это большое и сложное хозяйство. Но то, что эти изменения не за горами, заявляю с уверенностью. На чем зиждется мой оптимизм? На вере в своих подчиненных. Большинство из них — порядочные, добросовестные люди, хорошие специалисты своего дела. Им далеко не безразлична судьба родной дивизии, которой отдано столько лет жизни, столько сил и энергии. Это офицеры отделения по работе с личным составом подполковник Андрей Александрович Мурашко, майор Игорь Иванович Джаниашвили, офицеры-воспитатели подполковники Михаил Петрович Митрофанов, Анатолий Витальевич Богоявленский, Виктор Иванович Соломка, старший лейтенант Денис Петрович Ермаков. Могу привести еще сотни — да, да сотни — фамилий достойных военнослужащих, с которыми можно и должно успешно работать на благо нашего соединения.

Конечно, в канун такого праздничного события, как юбилей ОДОНа, хотелось бы говорить о достижениях и победах нашего коллектива, но разговор придется вести больше о проблемах. Думаю, мои сослуживцы не осудят меня за это.

Пользуясь случаем, хочу поздравить всех, кто имеет и имел отношение к нашей дивизии, с праздником и пожелать им всяческих успехов в жизни.

**Полковник
Григорий КОРЯК**

Фото
Владимира КОНЬКОВА

Мужество

ЧЕТЫРЕ ПУНКТА АТТЕСТАЦИИ

Почти восемь лет в составе 1-го Краснознаменного полка ОДОН просуществовала учебная рота специального назначения "Ягуар". Полтора года командовал ею нынешний начальник штаба отдельного батальона оперативного назначения подполковник Виталий Иванчук. Но и за этот короткий срок он сумел проявить свои лучшие командирские качества, отвагу и мужество при выполнении служебно-боевых задач в горячих точках. Медаль "За отвагу" и два боевых ордена, "За личное мужество" и Мужества, на кителе подполковника — красноречивое свидетельство этому.

В военном училище Виталий Иванчук учился воевать. До поступления на учебу он даже и не подозревал о существовании в составе внутренних войск конвойных частей и подразделений. Его дядя служил в киевском оперативном полку. От Белой Церкви, где жил Виталий с родителями, до украинской столицы рукой подать. Паренек еще школьником часто гостил у него, бывал в части, присутствовал на полигоне и стрельбище. Здесь он впервые в своих руках ощутил холод вороненой стали автомата Калашникова, здесь он

впервые вышел на огневой рубеж и, зажав во вспотевших от волнения руках оружие, выпустил длинную очередь в мишень. И попал. Дядя, заметив, что племянник неравнодушен к службе ратной, посоветовал ему поступить в Орджоникидзевское военное училище внутренних войск.

Виталий не колебался ни секунды. В 1982 году, после окончания белоцерковской средней школы имени Кириленко, становится курсантом. Но каково же было его разочарование, когда спустя несколько дней на одном из занятий по инже-

нерно-техническим средствам охраны он увидел макет исправительно-трудовой колонии. "Куда я попал?" — промелькнула мысль.

Но разочарование быстро прошло. Ежедневные занятия по физической подготовке, постоянные полевые выезды, тактическая подготовка в горах все больше укрепляли его в убеждении, что здесь действительно обучают будущих офицеров, специалистов той героической профессии, чье призвание Родину защищать.

Естественно, никто из курсантов в те времена даже и не представлял,

насколько им в дальнейшей службе понадобятся полученные здесь знания. И тем более никто даже не подозревал, что очень скоро их необходимо будет применить именно здесь, на Северном Кавказе. Хотя ретивые служаки в частях потом наставляли молодых офицеров: "Лейтенант, чему тебя учили в училище — забудь. Здесь будет другая учеба".

Поначалу для лейтенанта Иванчука это было на самом деле так. Профессионализмом можно было блеснуть разве что при организации занятий с личным составом. А в службе, что называется, приходилось выполнять обязанности сержанта — возглавлять караулы. Полк дивизии им. Ф. Дзержинского, куда попал по распределению лейтенант Иванчук, в то время выполнял задачи по охране важных государственных объектов в Москве и Московской области. Основная тяжесть служебной нагрузки ложилась на плечи командиров рот и взводов. Офицеры порой неделями не появлялись в общежитии или дома: служба, выезд на стрельбище, заня-

тия, снова служба. Пока холостой — еще ничего. А когда женился, еще и бытовая неустроенность одолевала. Иванчук с молодой женой за год менял по восемь мест жительства. Иногда, бывало, возвращается со службы, жена сидит на чемоданах. Хозяева попросили в двадцать четыре часа освободить квартиру. Так что в таких условиях действительно впору забыть о том, чему учили. Главное — не сорваться, не сойти с дистанции, выдержать. Виталий Георгиевич успокаивал жену: стану командиром роты, будет легче.

Но участвовавшие с началом девяностых годов выезды в спецкомандировки легкой службы не сулили. Когда старший лейтенант Иванчук стал командиром роты, у него уже был опыт девяти месяцев выполнения служебно-боевых задач в кровотокающем Закавказье, а грудь украшала медаль "За отличную службу по охране общественного порядка".

Год в новой должности прошел более-менее спокойно. Капитаном стал, первые десять лет службы бы-

ли отмечены медалью "за потерянную молодость" — "За безупречную службу" 3-й степени.

К этому времени у командования полка появились серьезные претензии к командиру учебной роты специального назначения за организацию обучения и воспитания подчиненных. Встал вопрос об освобождении его от занимаемой должности. Необходимо было искать замену. Здесь должен быть либо фанат спецназа, либо офицер-профессионал в полном смысле этого слова.

УРСН — это специфическое подразделение. В ее состав подбираются физически развитые солдаты и сержанты, спортсмены. Особое внимание в подготовке уделяется рукопашному бою, физической выносливости. Подразделение должно быть способным вести боевые действия автономно, длительное время находиться в отрыве от основных сил полка.

Возглавить роту специального назначения капитану Иванчуку предложили не случайно. В его характеристике от 3 марта 1993 года было записано: "Хорошо ориенти-

руется и уверенно ведет себя в сложной обстановке. Девять месяцев в служебных командировках выполнял задачи по охране общественного порядка при чрезвычайных ситуациях, проявляя при этом высокие боевые и профессиональные качества. Обладает командирским мышлением и умеет проявить инициативу в непредвиденных ситуациях. Хорошо развит физически". И вывод: целесообразно назначить на должность командира учебной роты специального назначения.

Вот здесь и пришлось ему вспомнить все, чему учили: как вести разведку, в каком бою какое оружие и как использовать, как выживать в экстремальных условиях. Не без ухмылки вспоминал напутствие преподавателя физической подготовки перед изматывающим марш-броском по пересеченной местности: "Кто с ножом, тот с мясом".

Накаляющаяся обстановка на Северном Кавказе требовала уделять больше времени подготовке к действиям спецназовцев в составе подразделения в общевойсковом бою. А уже через год "ягуары" в составе двух групп выезжают во Владикавказ для решения внезапно возникающих задач на осетино-ингушской границе.

Конфликты вспыхивали внезапно и так же внезапно прекращались. Боевики периодически обстреливали территорию Осетии, регулярно совершали набеги и угоняли стада. Система расположения застав была хорошо изучена бандитами и скрупулезно учитывалась ими при совершении разбойных нападений. Такое положение, когда блокпосты и маневренные группы внутренних войск находились под прицелом боевиков, а наши военнослужащие выполняли задачи только на участках наиболее вероятного направления проникновения бандитов на соседнюю территорию, не позволяло проводить эффективную профилактику нападений и угонов. Было принято решение проводить скрытное патрулирование маневренными группами на самых уязвимых участках местности в отдалении от блокпостов и застав.

Первый раз группа капитана Иванчука вышла на такое патрулирование 21 апреля ночью. Уже пе-

ред самым отбоем из вышестоящего штаба пришла телефонограмма, в которой группе предписывалось забрать милиционеров из поселка Октябрьское, которые и должны были указать конкретный район патрулирования. В 4 часа на трех бронетранспортерах прошли КПП и двинулись в район поселков Сунжа, Комгарон, Али-Юрт.

По пути завернули на заставу, начальника поставили в известность, что группа будет работать в районе их ответственности, и попросили в случае необходимости оказать огневую поддержку. Благо усиление заставы это позволяло сделать эффективно: две «бэмпэшки», три бронетранспортера, «зушка» и два миномета были расположены на огневых позициях.

Бронетранспортеры «ягуаров» проехали реку Сунжа и пошли вдоль сопки. Только они сравнялись с горой Волчьей, как тут же с ближайшей сопки несколько трассеров ушло в ущелье. Старший маневренной группы принимает решение обойти сопку, выйти в тыл стрелявшим и провести разведку. Не успели завершить маневр в обход Волчьей горы,

командир роты заметил, как по гребню человек восемь с автоматами спешно спускаются и отходят в сторону населенного пункта Али-Юрт.

Старший отдает команду на преследование. Только бронетранспортеры поднялись на пригорок, за которым лежала дорога на Али-Юрт, по спецназовцам начали стрелять из стрелкового оружия. Пока огонь был слабым, командир роты решил продолжать преследование. Но когда навстречу боевым машинам понеслись смертоносные кегли, выпущенные из гранатометов, капитан Иванчук принимает решение спешить людей и развернуть в цепь. Бронетранспортеры отошли на безопасное расстояние, оказавшись вне зоны досягаемости гранатометов.

Огонь становился все интенсивнее, стреляли уже не только с фронта, с того места, где когда-то была застава внутренних войск и остались окопы с ходами сообщения, но и с флангов, особенно с сопки.

Бой длился около двух часов. Виталию Иванчуку снова приходилось вспоминать то, чему учили в учили-

ще. А в училище учили, что преимущество в бою в горной местности на стороне тех, чьи позиции находятся ярусом выше. Там находились бандиты, и спецназовцы у них были как на ладони. Огневой поддержки со стороны заставы “ягуары” так и не дождалась.

Пока перестрелка шла с горсткой боевиков, которые засели на бывшей нашей позиции, еще можно было держаться и что-то делать для подавления их огня. Но когда к боевикам прибыло подкрепление на двух КамАЗах, было принято решение выходить из пекла. Командир роты вызвал бронетранспортеры и отвел личный состав за пригорок, проверил. На месте не оказалось заместителя командира взвода сержанта Александра Гришко. Капитан Иванчук с наводчиком и механиком прыгают в бронетранспортер, выдвигаются к месту боя, у дороги обнаруживают сержанта в простреленной каске-«сфере» с окровавленным лицом и вывозят из под обстрела...

За решительные действия в сложной обстановке и умелое руководство личным составом в бою капитан Иванчук был награжден орденом “За личное мужество”.

До чеченских событий оставалось еще более полугодя.

Через два месяца после возвращения из Владикавказа капитана Иванчука назначают начальником группы боевой подготовки полка. Здесь он получил возможность теоретически осмыслить все предыдущие действия подразделений в спецкомандировках и с учетом недостатков выработать предложения командиру полка по организации боевой учебы. В свою очередную командировку на войну, уже в Чеченскую республику, Виталий Иванчук прибыл в качестве исполняющего обязанности начальника штаба полка.

Конец февраля девяносто пятого года для Виталия Иванчука был отмечен бурными событиями. В Чечню он приехал 22 февраля, 23-го, в День защитника Отечества, был подписан приказ о досрочном присвоении ему звания “майор”. А буквально через день, 25-го, начальник штаба полка подполковник Владимир Токарев, на смену которому

прибыл Виталий Иванчук, вывел полк для проведения операции по зачистке пригородов Грозного, поселков Алды и Черноречье.

Подразделения сосредоточились в исходном районе. Погода была туманная, за несколько десятков метров ничего не видно. Вдруг недалеко от командного пункта появился силуэт какой-то машины. По отрывкам команд, одобренных сочным русским матом, определили: свои. Спустия некоторое время от машины отделяется яркая звезда, с шипением проносится над головами солдат внутренних войск и омовцев и тянет за собой длинный шланг. Через несколько секунд светящаяся голова отрывается от этой змеи и исчезает где-то в высоте, а шланг падает прямо на головы военнослужащих. Что это заряд разминирования, Иванчук сообразил сразу. В училище проходили, правда, в реальной обстановке сталкиваться с ним не приходилось. То ли действительно Иванчук вспомнил, что перед тем, как подорвать заряд, оператор должен его немного подтянуть, чтобы выровнять. А это дает еще несколько секунд на размышления. То ли чисто интуитивно он перепрыгнул трубу, рывком сделал несколько шагов в сторону. И уже когда, сгруппировавшись, упал на землю, его настигла ударная волна мощного взрыва. Сначала на несколько секунд выключился, потерял сознание. Когда очнулся — шум в голове, запах гари, стоны и обрывки команд. Сначала боли никакой не чувствовал. Собрались уцелевшие офицеры управления, хотя и сами получили сильнейшие контузии — организовали помощь раненым, эвакуацию погибших. Тяжело раненного подполковника Токарева отправили в госпиталь, его заменил майор Иванчук. Взрыв унес жизни более тридцати военнослужащих внутренних войск и омовцев.

Позже всех пострадавших от взрыва осмотрели медики. У Виталия Иванчука было сотрясение головного мозга и множественные ушибы бедер. От госпитализации он отказался, несколько недель отлежался в расположении, продолжая исполнять обязанности начальника штаба полка.

А потом — многочисленные опе-

рации, в планировании и реализации которых принимал участие майор Иванчук, был небольшой перерыв и еще одна командировка в Грозный. А в сентябре 95-го Виталий Иванчук награжден орденом Мужества.

После возвращения в места постоянной дислокации и реорганизации полка его назначают командиром батальона оперативного назначения на БМП.

Перед началом очередной волны реорганизации в ОДОНе во всех частях проводили аттестование офицеров. Члены комиссии, изучив характеристику и отзывы о службе комбата, стали сочинять выводы: достоин выдвижения на вышестоящую должность, достоин присвоения очередного воинского звания, достоин направления на учебу...

— А можно в этот перечень добавить еще один пункт? — с улыбкой предложил Иванчук: — достоин выделения двухкомнатной квартиры.

Члены аттестационной комиссии переглянулись. И председатель в таком же шутилом тоне ответил:

— Мы вас назначим на вышестоящую должность, выделим вам большой кабинет.

— У меня и так всю службу кабинеты были в четыре раза больше комнаты в общежитии, где я живу с семьей.

Получил Виталий Иванчук и очередное воинское звание, подполковником стал. Назначен на вышестоящую должность. И даже двухкомнатную квартиру получает, уже смотровой ордер на руках, оформляются документы. Единственным невыполненным пунктом аттестационной комиссии остается направление на учебу. Пока воевал в Чечне, опоздал с подачей рапорта. Сейчас по возрасту уже вроде как и не подходит. Если только в порядке исключения. А желание учиться в академии есть, и в этом году подполковник Иванчук собирается писать рапорт. Что ж, пусть и этот пункт аттестации будет выполнен.

**Подполковник запаса
Иван МУЧАК**

Фото из личного архива
Виталия ИВАНЧУКА

По страницам Книги памяти

ЭТИХ ПАРНЕЙ ВЗЯЛИ В РАЗВЕДКУ

19 мая 1995 года. Обстановка по-прежнему сложная. Боевики, продолжая обстреливать позиции федеральных сил, пытаются проникнуть в тыл для проведения диверсий на железнодорожных и автомобильных магистралях, устраивают засады.

Вечером разведподразделение ОДОНа в районе н.п. Бачи-Юрт вступило в неравную схватку с дудаевцами. В бою погибли семь военнослужащих...

(Из сообщения пресс-службы внутренних войск МВД России).

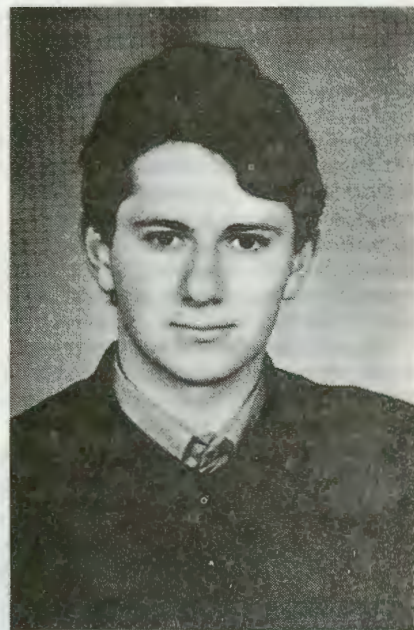
Общая картина того боя была описана в нашем журнале, что называется, по горячим следам и довольно подробно (№ 7, 1995). Очерк «С ним ходили в разведку» был посвящен майору Дмитрию Чуханову и его боевым товарищам. Он лично возглавлял разведгруппу и погиб с оружием в руках, пытаясь вывести подчиненных из волчьего капкана. Вырваться удалось не всем. Сегодня на страницах нашей Книги памяти — штрихи к портретам трех солдат из той когорты отважных. В редакцию прислали их письма из армии, воспоминания родителей и учителей, публикации из местных газет. Спасибо добрым сердечным людям, хранящим память о наших мальчишках, о храбрых бойцах из разведки. Пусть в этих строках будет меньше взрывов и выстрелов, а больше свидетельств того, какими были те русские солдаты, навеки оставшиеся девятнадцатилетними...

**Рядовой
Денис КУБАСОВ:**
*«Что касается жизни
солдата — я не буду
об этом писать...»*

Это просто строчки незатейливого стихотворения. Вообще-то Денис кое-что писал домой о своей службе.

«Вылетели самолетом в Моздок. Это перевалочная база. А от туда на вертолете вылетели в Грозный. Летели так классно! Мне понравилось. В эти дни мы ездили на БТРе по городу и на посты, которые расставлены за пределами города. Мы находимся при штабе, охраняем его. Так что вы не беспокойтесь — все нормально. Живем классно. Дружно делаем все, что нам намечает начальник. Когда ездили по городу, были около Белого дома, где был Дудаев. Там вся улица — одни развалины. Здесь я встретил земляка из Бузулука.

Здесь тихо, спокойно. Ночью слышны выстрелы, да и только. Люди здесь также подразделяют-

ся на бедных и богатых. Русских бедных больше, чем чеченов. Они ходят все ободранные, голодные. Дети бегают к солдатам, просят еды...

Бывают выезды по тревоге. В основном все здесь интересно. Вы там не беспокойтесь за меня. Все будет нормально. Нас понемногу втягивают во все дела, чтобы мы не были профанами в делах роты. Так что нас не бросают на произвол судьбы. Нас всех подготавливают, а уже потом дают какие-нибудь задания.

В общем, я не отчаиваюсь, что сюда попал. Лучше быть здесь, чем в полку носиться да летать,

не зная как. Мы здесь вообще живем все дружно, все друг за друга держатся. Так что все нормально. Правда, письма долго идти будут... Но все равно не волнуйтесь.

На той же страничке в клеточку Денис нарисовал патрон и приписал несколько отчаянно бодрых (или, напротив, зловеще горьких слов-предвестников): «Пуля — дура. Но дураков и пули не берут. Не прощаюсь, чтобы вновь увидеться». Та весточка была от 13 мая, за шесть дней до...

Не увиделся он с родными. Родным и близким остаются лишь воспоминания. Вот что пишет мама:

«Всегда был первым, во всех мероприятиях. Любил заниматься спортом. Спорт для него был главным стимулом жизни. Дома занимался гантелями, штангой, гирями. Никогда не пропускал занятий. В школе награждался почетными грамотами по спорту. Мы, родители, получали из школы похвальные листы за хорошее воспитание сына.

В училище проучился три года, и никогда не было замечаний на его счет, а там ведь все ребята разные. Он ко всем находил подход, был организатором вечеров, дискотек, походов, в которых он быстро заготавливал дрова, умело разводил костер, ставил палатку. Все ребята тянулись к нему.

Мальчишки из нашего подъезда приходили к нему в гости и видели, что он мыл посуду и полы. Сами приходили домой и тоже начинали это делать. Соседки мне говорили: «Плядя на твоего Дениса, и наши стали дома помогать». У него хватало энергии буквально на все: сделать уборку в квартире, приготовить уроки, сходить в магазин. Мне не надо было просить его о чем-нибудь дважды».

Татьяна Петровна Логинова, классный руководитель Дениса с

5-го по 9-й класс, дополняет этот рассказ своим письмом:

«Ни разу у меня с ним не было никакого конфликта, спора, ссоры. Всегда живой, быстрый, активный, он хотел быть первым во всем: убрали ли мы школьный двор, ходили ли в походы, ездили ли на экскурсии в Ленинград, Москву, Ярославль, Ульяновск. В поезде он первым раскладывал полки, разносил постельное белье, угощал девочек чаем.

Я могла положиться на него во всем. Вот готовим концерт-поздравление к 8 Марта. Денис — с самыми интересными предложениями. Он — заводила, организатор, составитель программы и ведущий.

Денис был очень любознательным, в его глазах всегда я видела какой-нибудь вопрос, и весь он был как бы устремлен в будущее.

Да, он хотел жить! Работать, приносить пользу людям. Я уверена, что из него вышел бы прекрасный семьянин (как и его отец), замечательный труженик, честный и добрый товарищ. Всегда первый, он первым и на войну эту попал из всех своих сверстников, своих одноклассников. И там, в бою, он не мог струсить, не мог подвести товарищей и командиров, не мог отступить.

Храню тетради моих мальчишек. Вот строки, написанные Денисом: «Человек всегда должен быть человеком, а не хамелеоном. И в какой бы обстановке он ни оказался, он честно должен выполнить свой долг, порученное ему дело. Я ненавижу трусов, не люблю предателей и подхалимов. Человек должен быть добрым, честным, правдивым...»

Если я окажусь в трудной ситуации или должен буду защитить Родину, я честно выполню свой долг, защищу своих родителей, помогу им в старости.»

Вдумайтесь в эти слова, написанные рукой пятнадцатилетнего

подростка. О нем уже тогда можно было сказать — растет настоящий Человек!

Он всегда приносил мне цветы. И неважно, какими они были — пусть самые простые, полевые. Но мне они были дороже самых шикарных букетов, потому что дарил он их от чистого сердца, с радостным блеском в глазах, со счастливой улыбкой».

После школы было училище. И там он ни в чем себе не изменил. В подтверждение — воспоминания классного руководителя Е.В.Пепковой:

«1 сентября 1992 года. Первокурсники стоят на линейке, несколько растерянно поглядывая на старшекурсников. Среди новичков выделялся милый сероглазый мальчик с темными вьющимися волосами. Своим спокойствием и достоинством, с которым он поглядывал на сверстников, он как бы призывал всех быть уравновешенными и благоразумными. И я не ошиблась в нем. На протяжении трех лет учебы он оставался именно таким примером — скромным, уравновешенным, рассудительным. Если в группе возникали какие-то разногласия, все знали — только Денис может наладить отношения.

Помню первый курс, 6 марта. В училище проходит день здоровья. По всем видам спорта группа № 21 выходит в победители. Решающий гол в мини-футболе забивает Денис, в армрестлинге побеждает Денис. В тот же день он устанавливает рекорд училища, который не побит до сих пор, — пудовую гирю выжал 56 раз. В награду получил огромный торт, который они с друзьями принесли мне домой.

Последний вечер в училище, в котором он принял участие, был вечер призывников. Он пригласил свою маму. Подарил ей букет цветов и прочитал стихотворе-

ние, в котором были такие строки:

*Скоро я к тебе приеду —
Рослый, шляпа набоку,
Прямо к жирному обеду,
К золотому молоку...*

Но злая судьба распорядилась по-другому...

Сейчас мы с ребятами часто вспоминаем Дениса Кубасова — его добродушный взгляд, милую улыбку, грубовато-басовитый голос, его непосредственность, умение найти общий язык с любым человеком.

Об отношении к Денису его друзей, об оценке его воинского подвига говорит тот факт, что четверо парней уже после его гибели в Чечне пошли служить в армию добровольно. Такая память дорогого стоит...

Рядовой Владимир ЧЕЛЯДНИКОВ

*Он любил рисовать
рыцарей...*

Антонина Ильинична Челядникова, мама Володи, вместе со своим письмом прислала составителям Книги памяти вырезки из местных газет. В одной из них воспоминания учительницы истории пиштенурской средней школы Г.Комаровой озаглавлены строкой из известной песни: «Знаете, каким он парнем был». Как бы отвечая на этот вопрос, классный руководитель яранского совхоза-техникума Н.Мосунова называет свою заметку о Володе Челядникове «Он был одним из лучших». И тут же задается безответно-безутешным вопросом:

«Почему же смерть выбирает всегда лучших?»

Наверное, потому, что они берут на себя самое трудное и идут впереди остальных. Парни служили в разведке. А всем известен проверенный жизненный критерий, которым руководствуются не только военные люди — «С ним в разведку пойду».

Г.Комарова помнит Володю еще четырехлетним карапузом. В многодетной семье из села Ерши, что в Кировской области, был он последним сыном, а всего детей было семеро — пятеро братьев и две сестры. Позже, когда пареню исполнилось лет тринадцать-четынадцать, классный руководитель нередко просила Антони-

ношке или баяне мог сыграть, и спортом занимался.

За чужие спины никогда не прятался, инициативу в добрых, пусть и трудных делах всегда брал на себя. Когда директор школы Н.Матвеева при ребятах посетовала на отсутствие средств для ремонта школы, Володя в числе первых взялся за дело. В кабинете истории сохранились его рисунки о рыцарских турнирах.

Все заметки о Володе Челядникове, присланные из вятской глупинки, опубликованы были под одной рубрикой «Эхо Чечни». Журналисты, не сговариваясь, высказали этим общую боль.

Долго еще это горькое эхо будет

ну Ильиничну: «Поделитесь опытом, как вам удалось привить сыну доброту, трудолюбие, уважение к старшим».

Наверное, универсальных рецептов нет. Как и старшие братья, Володя никогда не сидел без дела — все что-то мастерил, помогал матери по хозяйству, технике много времени уделял.

Всегда был в гуще школьных дел — и в походы ходил, и на гар-

отзываться в сердцах тех, кого достала трагедия кавказской войны. Пусть светлая и чистая память о русских мальчишках хоть немного залечит душевные раны их матерей...

А в последних строках своего письма мама Володи Челядникова высказывает еще одну просьбу: очень хочется ей, чтобы о солдатах, погибших в Чечне, были написаны книги и песни. Чтобы

люди знали и помнили страшные страницы своей истории.

Будем стараться выполнить эту материнскую просьбу-наказ...

Младший сержант Олег ГОРБУНОВ:

**«Мам, ты, главное,
береги себя!»**

У матери их было трое. Олежка — старший. Потому и надежды основные она на него возлагала. Думала, вернется из армии — все мужские дела в доме на себя возьмет, брату и сестренке будет примером. Письма от него шли бодрые, а на фотографии поглядеть — и вовсе не узнать: так раздался в плечах, окреп.

«Я жив, здоров. Дела у меня идут хорошо. То, что вы так опасаетесь за меня, — это все зря. Мы боевых действий не ведем (эту фразу он даже подчеркнул для вящего спокойствия родных. Да разве обманешь материнское сердце? — Б.К.). Мы находимся в резерве. Да и бои здесь стали реже. Изредка постреливают.

Насчет питания теперь. Кормят нас здесь даже лучше, чем в полку, мам. Нам выдают еще дополнительное питание: сгущенку, разные консервы и т.д. Так что насчет питания все отлично. Теперь насчет бани. Мы сами лично построили баню, так что с баней у нас все хорошо. Да, еще — с чего ты взяла, что я простыл? Со здоровьем у меня все отлично. Погода здесь, как у нас в апреле.

Так что попусту не расстраивайся там. Мам, ты, главное, береги себя. Всем большой привет.

Все, мам, целую, до свидания!!!

С наступающим 8 Марта вас — тебя, мама, тетю Валю, Иринку,

бабушку. Желаю тебе здоровья, счастья в личной жизни, долгих лет жизни».

Еще одно письмо с войны отправил он 9 мая, в День Победы. Все те же успокаивающие маму строки — об отличном питании, о том, что купаются не только в бане, но даже и в минеральном источнике. Еще сообщил, что назначают его заместителем командира взвода, поскольку прежний завтра увольняется.

Мама чувствовала: сын не рядом с войной, он на войне, хотя писал из-под Хасавюрта: «В данный момент мы находимся на территории Дагестана, а здесь войны нет. Смотришь на людей, и даже не верится, что люди живут мирной жизнью. Да и вообще мы здесь уже не мыслим жизнь без войны. Нам-то еще хорошо, мы не воюем, и вы за меня можете не беспокоиться. Мы охраняем комдива и все такое прочее...»

А «все такое прочее» — это разведка, спецоперации, сопровождения колонн. Он погибнет через десять дней после праздника Победы...

Старший в простой трудовой

семье, Олег хотел выучиться на помощника машиниста, потом, после армии, закончить институт. Младшему брату Андрею был он главным наставником, примером в учебе и спорте, сестренке Ирине — советчиком и защитником. А уж для мамы — дорогая, родная кровиночка...

Необходимое послесловие

Трое отважных разведчиков из Отдельной дивизии оперативного назначения, о которых мы рассказали, погибли в одном бою 19 мая 1995 года. Все они в равной степени проявили мужество и героизм, заслужив почет и уважение не только однополчан, земляков, но и всех честных соотечественников.

Рядовые Денис Кубасов и Владимир Челядников посмертно удостоены ордена Мужества. Награды бережно хранятся в их семьях как признание выполнения воинского долга самой дорогой ценой — ценой жизни солдата.

По неизвестным причинам наградой обошли разведчика младшего сержанта Олега Горбунова. Еще при жизни за другие боевые операции его представили к награждению медалью Суворова. Указ вышел уже после его гибели, 10 июля 1995 года. Но мужество и отвага, проявленные Олегом Горбуновым в последнем смертельном бою, отмечены не были.

Родные и близкие, сослуживцы, которые помнят младшего командира, надеются, что посправная в данном случае справедливость будет восстановлена. Храбрым нашим воинам мы обязаны воздавать по заслугам. Хотя бы посмертно...

Полковник
Борис КАРПОВ

Войсковое хозяйство

Солдат должен быть одет, обут и накормлен. Ему надо вовремя поменять белье, дать помыться и дать место, где можно приклонить на ночь голову. Только тогда солдат здоров, весел и способен выполнить поставленные перед ним боевые задачи.

Делай вывод, что, если есть у части успехи в боевой подготовке, не последняя роль в этом принадлежит службе тыла, поскольку именно она все названные в начале статьи задачи и решает.

А хозяйство в ведении службы тыла Отдельной дивизии оперативного назначения огромное. Ведь именитая дивизия сравнима с небольшим городом. И по числу «жильцов» — солдат, прапорщиков и офицеров, и по масштабам задач, которые приходится решать по их обеспечению и снабжению.

Голодное брюхо к учению глухо

Всех гостей дивизии, которых бывает немало, начальник отдела продовольственного обеспечения подполковник Василий Сойко ведет прежде всего в новую столовую учебного полка. Ее сдали полгода назад. Светлое, нарядное здание столовой рассчитано на 1600 посадочных мест. Образцовый порядок поддерживается и

внутри. На кухне со стройными рядами новых котлов хозяйничает повар-инструктор прапорщик Алла Ширшова. Ей и самой новая столовая нравится. Еще бы, ведь на новеньком оборудовании и готовить приятно.

Главное, что такая столовая хоть и образцовая, единственной в части не будет. Ведь большинство зданий в городке дивизии постройки тридцатых-сороковых годов, а денег в последние годы едва-едва наскребали на теку-

**...А обед —
по
распорядку**

щий ремонт. Положение удалось изменить лишь в прошлом году. Неподалеку идет капремонт другой полковой столовой. И еще заложена одна на две тысячи мест, строительство которой, надеются в дивизии, будет недолгим.

Но столовые столовыми, а надо еще начпроду дивизии позаботиться и о том, чтобы было что в солдатскую тарелку положить. Попробуй накормить несколько тысяч человек! А если сложить все положенные солдату в день граммы, получаются тонны одного мяса. А еще и масло, рыба, овощи, крупы.

И здесь совсем недавно удалось выйти из прорыва. Нет, пусть родители не волнуются, никто солдат на двухразовое питание не переводил. Просто снабжение зачастую шло с колес. Пришел очередной вагон и разгружается чуть ли не по столовым. Но это в прошлом. Сегодня удалось восстановить положенный месячный запас продуктов на складе, разнообразить питание солдат.

Есть у офицеров тыла и командиров особая забота.

Сегодня пришедшие с гражданки призывники деликатесами не избалованы. Да что там говорить, в осеннем призыве набралось 280 новобранцев с дефицитом веса, попросту говоря — истощенных. Их собрали в одно подразделение под опеку врачей и, разумеется, поваров. В результате за несколько месяцев 235 солдат набрали вес до нормы. Вот уж их родители вряд ли расстроены, что их сыновья попали служить во внутренние войска.

Есть у отдела продовольственного обеспечения дивизии и свой «стратегический запас». Когда 5 мая на вручении полку спецназа Боевого Знамени приехал министр внутренних дел, сопровождавшие его корреспонденты углядели на одной из дальних аллей мирно пасущихся коров. Защелкали фотокамеры, поймавшие в объектив такую экзотику. Между тем подсобные хозяйства дивизии славятся давно. Только в прошлом году от них получена 31 тонна мяса. Неплохая прибавка к солдатскому столу! Но подсобные хозяйства — это не только коровы, но и свиньи, и птица...

В начале мая московская погода «порадовала» разнообразием. Только выглянет солнышко, как

вдруг наползают тучи, и начинает валить крупный, хлопьями снег. Да еще и ветер, совсем не повесенному пронизывающий. Но стоит зайти в теплицу одной из частей соединения, как моментально оказываешься среди лета, а то и осени, в самое время сбора урожая. Здесь, под стеклянной крышей, уже созрели огурцы, тянет вверх стрелки зеленый лук, посеяна редиска.

У хозяина всего этого изобилия старшего рабочего подсобного хозяйства рядового Владислава Хакимова на столе лежит порядком затрепанная книга — «Справочник овощевода-любителя». Работать на грядках ему не привыкать — у родителей дача, но здесь, в части, масштаб куда больше. Одних только огурцов для солдатского стола за апрель сняли 160 килограммов.

Конечно, не все дается просто. Попробуй решить задачу: надо достать стекло, пленку, рассаду, удобрения, а денег на это — ни копейки. Но из положения выходят. Заключаются взаимовыгодные договоры с предприятиями. Помогают друг другу, так и выжить легче, и поставленные задачи решить. Правда, и работать офицерам отдела продовольственного обеспечения приходится допоздна. Пусть со стороны это и незаметно. Но главное, что солдат накормлен.

В классе по трассе

Долгая жизнь части имеет не только плюсы. Многие здания в дивизии были построены еще в тридцатые годы. И новых строений здесь не так много. Одно из них — казарма учебного полка. В современном пятиэтажном здании хватило места и спальным помещениям, и учебным классам. Да и сами классы здесь с современными компьютерными тренажерами...

Стоит лишь приникнуть к окуляру, и кажется, что из-за парты перенесся к прицелу боевой машины пехоты. Картинка перед тобой словно с учебного полигона. Вот лес, дорога, появилась и цель, которую надо поразить огнем. И кажется, что ты действительно в боевой машине.

Все это настолько увлекательно, что занятия на тренажерах нравятся не только солдатам. И

офицеры выкраивают свободную минуту, чтобы «пострелять» на тренажере.

Хозяйничает в классе прапорщик Людмила Патюкова. А заместитель командира учебной роты лейтенант Николай Колышев заметил, что после занятий на тренажерах солдаты, выезжая первый раз в поле, на боевых стрельбах получают оценки не ниже четверки.

Стрельба боевыми — дело дорогое, и выходит, что за пару лет компьютерный класс себя окупит. Такая вот экономика.

Эта казарма была сдана три года назад. Но напротив уже выросло такое же здание. Остались лишь отделочные работы, и в дивизии появится еще одна казарма. А в ней учебные классы будут не хуже.

Вот и получается, что свой вклад в боевую учебу вносят и тыловые службы, осуществляя строительство.

А оно сегодня в дивизии идет полным ходом. Сегодня на ее территории работает 29 подрядных организаций. К маю в соединении сдали новую двухэтажную баню. Точнее, само здание старое, вот только с 1961 года, с момента постройки, не имело капитального ремонта. Теперь же капитально отремонтированная баня решит все проблемы помывки личного состава.

Напротив бани здание прачечной, в ней удалось установить новые каландры — гладильные машины из огромных валов, пропускающие через себя разом целые простыни.

Казна досыта не накормит, но и с голоду не уморит

о вещевом довольствии, или попросту вещежке, в войсках вспоминают часто. В какую часть ни зайдешь, для офицера на вещевом складе практически ничего нет.

Солдат же и камуфляжу рад. А его в дивизии выдают как и положено: летний — раз в полгода, зимний — один комплект на два года службы. И пришедший в мае новый призыв (а он в этом году не маленький) оденут так же. А ведь по потребностям дивизии на нее должны работать целая швейная и обувная фабрики.

Все вещевое снабжение поступает в дивизию централизованно. Казалось бы, в такой ситуации от службы тыла ничего и не зависит. Получили и раздали...

Старший помощник начальника отделения вещевого обеспечения майор Геннадий Гармаш вспоминает, как пару лет назад дивизию «порадовали» сапогами костромской обувной фабрики. В течение нескольких недель восемьсот пар кирзачей пришло в негодность. Тогда тылом дивизии была создана комиссия. Пригласили представителей снабженческого органа, вызвали специалистов обувной фабрики, провели экспертизу. В результате все сапоги были отправлены назад на фабрику, а дивизия получила взамен качественную обувь.

Так что контроль за качеством вещевого имущества строгий. Конечно, хотелось бы обеспечить солдата и парадно-выходным обмундированием, но такой возможности пока нет. Впрочем, не только в дивизии.

Солдату три деньги в день, куда хочешь, туда и день

Когда солдат, отслужив два года, увольняется в запас, его провожают торжественно, на плацу, с оркестром. Когда, отслужив два года, а то и меньше, увольняется офицер, никакие трубы не звучат. И еще совсем недавно дивизию покидала едва ли не треть заключивших первый контракт лейтенантов. Можно, конечно, попенять училищам на плохую воспитательную работу. А можно и попытаться встать на место того же лейтенанта. Прибыл он в дивизию полный планов и надежд на долгую военную карьеру. Но денег в кассе на зарплату нет, жилье — поищи себе сам, куда жену с ребенком пристроить — твоя проблема. Получит он наконец свою лейтенантскую тысячу рублей — куда хочешь, туда ее и трать. Вот и уходили офицеры.

Сегодня в дивизии денежное довольствие офицеры получают вовремя. Это не только выплаты за должность и звание. Выплачиваются и деньги за поднаем жилья, задолженность по компенсациям за продпаяк составляет лишь месяц. Сделан и выплачен

перерасчет по новым должностным окладам.

Командир дивизии поставил задачу в течение лета обеспечить общежитиями всех бесквартирных офицеров. Одна из казарм дивизии будет переоборудована под общежитие и предназначена специально для выпускников училищ этого года. Так что прибывшие в этом году в дивизию лейтенанты не будут брошены на произвол судьбы. Частями дивизии заключаются договора с общежитиями других ведомств на предоставление в них мест офицерам. Будет подвижка и в общежитии для семейных. Сданный недавно дивизией жилой дом будет заселяться офицерами из этого общежития, а значит, на их места смогут прийти те, кто до этого за немалые деньги снимал жилье в Москве или пригороде.

По мнению начальника отделения кадров дивизии подполковника Александра Фурсы, новый подход к решению кадровой проблемы приведет к тому, что из офицерского пополнения дивизии этого года уволятся единицы.

Более того, уже сегодня есть случаи, когда ранее уволившиеся офицеры, хлебнув гражданской жизни, возвращаются с желанием вновь заключить контракт.

В последние годы мы слышали не раз, что знаменитая элитная дивизия в прорыве. Говорили о массовом увольнении офицеров, недостатках в снабжении, падении дисциплины. Причины этого назывались реже. А главная из них в том, что долгое время дивизия жила, лишь тратя накопленное в прошлые годы. Не вкладывались деньги в капитальный ремонт, не строили новых зданий. А сама дивизия десять лет воевала, не вылезая из горячих точек, воюя зачастую за свой счет, продолжая получать положенное по нормам мирного времени.

Сегодня министром внутренних дел, главнокомандующим внутренними войсками, командиром дивизии перед службой тыла поставлена главная задача — создать для личного состава нормальные условия жизни и службы, с которыми дивизия

шагнула бы в XXI век. А это прежде всего бытоустройство личного состава. В этом дивизии помогает в первую очередь Центральное окружное управление материально-технического и военного снабжения. Это его заслуга, что в дивизии нет перебоев с продуктами, военным имуществом, обмундированием. Можно сказать, что дивизия сегодня под опекой начальника управления генерал-майора Владимира Чеишвили. Не раз выездные заседания офицеров управления проходили прямо в дивизии.

По словам заместителя командира дивизии по тылу полковника Николая Любченко, речь идет вовсе не о подготовке к юбилею. Принята долгосрочная программа развития военного городка. Удастся решить главную проблему — жилищную. На начало года в соединении стояло в очереди на жилье восемьсот офицеров и прапорщиков. Сейчас идет заселение построенного для дивизии жилого дома на 216 квартир. Выделены две площадки для строительства новых домов. Стараются в дивизии и увеличить число мест в общежитиях. А их в соединении пять только своих, и еще в семи офицеры живут по договорам, заключенным частями соединения.

Жизнь показывает, что лучших результатов в службе удастся достичь в подразделениях, где больше внимания уделяется быту и обеспечению военнослужащих. А это в дивизии учебный полк, которым командует подполковник Геннадий Савватин, часть, в которой служит заместителем командира по тылу подполковник Сергей Переверзев. Отлично справляются со своими обязанностями офицеры тыловых служб подполковник Николай Левкович, подполковник Василий Сайко, майор Александр Малолетко, майор Геннадий Гармаш, старший прапорщик Виктор Голованов. Наверное, потому, что цель у них одна — сделать все, чтобы их дивизия восстановила былую репутацию, обеспечить достойные условия жизни и службы ее личного состава.

**Майор
Андрей МАКАРОВ**

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА

Командировки в горячие точки

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Баку-89. Солдаты ОДОНа на улицах города

1. По Сумгаиту шла «черепаха»

28 февраля 1988 года примерно в четыре утра в общежитской комнате офицера Вячеслава Иванова раздался неприятный воюще-свистящий сигнал. Зуммерила недавно установленная система вызова, внешне напоминающая портативную рацию, какие видели тогда лишь в западных фильмах. Противный звук разбудил домашних, вмиг слетели остатки сна. Через три-четыре минуты, когда офицер уже был одет по-полевому, в дверь постучал посыльный: «Товарищ старший лейтенант, тревога!»

До части — рукой подать. По дороге попадались торопящиеся офицеры из соседних подразде-

лений и частей. На бегу обменивались мнениями, недоумевали: «И чего опять подняли? На днях ведь по «Сбору» выезжали — в отличный норматив все вроде уложились...»

В полку уже было многолюдно. Строились подразделения, сновали вездесущие посыльные, что-то выносили подгоняемые старшинами погрузочно-разгрузочные команды.

В установленное время полк стоял на плацу в полной боевой готовности, с вещмешками. На улице было холодно, и солдатам приказали надеть валенки. Из автопарка уже вытягивалась колонна машин. Никто, даже комбат,

не знал пока дальнейших действий. Все ждали указаний свыше.

И вот — «По машинам!» Легковушки в гаишной раскраске, любовно именуемые в народе «жучками», красноречиво свидетельствовали о том, что ожидается выезд за пределы гарнизона.

Все поняли: вернемся в дивизию в лучшем случае не раньше обеда. За мотострелками шел и ремонтно-восстановительный батальон. Узнав привычный маршрут до аэродрома Чкаловский, смекнули: «Будем отрабатывать норматив погрузки-разгрузки». Дело не новое, только вот зря в такую рань подняли, не дали выспаться.

До позднего зимнего рассвета было еще далеко, но на аэродроме светло как днем — включены все

прожекторы. Летчики прогревали двигатели самолетов...

В возможность какого-либо вылета никто не верил. Даже когда за последним солдатом закрылась рампа Ил-76-го и самолет начал вырывать на взлетную полосу (чего раньше, если учились грузиться, никогда не было), большинство офицеров были уверены, что летчики заодно отработают какие-то свои нормативы. Но когда поднялись в воздух и набрали высоту, беспечно-игривые настроения внутри салона

испарились напрочь. Разговаривали немного. Всех занимала одна мысль: «Куда?»

Уже ближе к концу полета от пилотов стало известно, что курс держат на Кавказ.

В то время при строжайшей цензуре в средствах массовой информации сообщения об обострении отношений в южных республиках были крайне скудными. Но офицеры-дзержинцы в общих чертах знали, что отношения между армянами и азербайджанцами обострились настолько, что

возможны массовые беспорядки. Предположения о вооруженном сопротивлении войскам многими воспринимались пока с явной усмешкой. Кто ж знал, что реальность окажется гораздо страшнее.

Сели неподалеку от Баку. Уже была середина дня, и всюду светило солнце. Открылась рампа, и солдаты с офицерами неподалеку от бетонной полосы увидели... молодую зеленую траву. В шинелях и валенках (хорошо, что догадались еще и сапоги взять) наши воины вызывали у местных откровенные улыбки. На автобусах доехали до центра Баку. Там уже местные милиционеры рассказали о происходящих в Сумгаите событиях. Сразу — в эпицентр событий. Из-за баррикад и людских толп на дорогах до пункта назначения доехали только к вечеру.

Город выглядел ужасно: выпотрошены витрины магазинов, во многих домах выбиты окна и сломаны двери, вдоль улиц сожжены ларьки и заборы. От увиденного — шок. Хотелось думать, что беспорядки прекратились и придется лишь охранять общественный порядок.

Но погромы продолжались по нарастающей, избиения и мародерство особенно усилились в темное время. А тьма была крошечная — все фонари были побиты. Бесчинства шли при свете костров. В огонь летело все: книги, домашний скарб, поломанная мебель.

Азербайджанцы вымещали гнев на армянах. Как им казалось, гнев праведный. Годами скапливающаяся взаимная неприязнь переросла в кровопролитие. Азербайджанцы бандами врываются в дома, громят мебель, избивали до полусмерти даже женщин и детей. Появились жертвы. Местная милиция не горела особым желанием хоть как-то повлиять на ситуацию, да и,

ОДОНУ – 75 ЛЕТ

честно говоря, средств для этого было немного.

В первый же день военнослужащие дивизии имени Ф.Дзержинского в основном пресекли массовые беспорядки. Войска находились в местах массового скопления людей, и командиры, хоть еще не вполне владели обстановкой, предназначение свое знали четко — спасти людей от кровавой расправы.

Бандиты же вошли в раж, среди наших военнослужащих уже появились первые раненые. Как правило, это были офицеры, шедшие впереди.

Вот что рассказывает один из тогдашних лейтенантов, бывший командир роты материального обеспечения полка:

— Когда по улице двинулась войсковая цепочка наших бойцов, гул толпы несколько стих, нелестные высказывания в адрес правительства вроде бы утихли. Но потом люди, поддавшись стабильному чувству, после призывов подстрекателей стали кидать в нас камни, бутылки, банки с краской, бульжники. Сверху, из окон и с балконов, на наши головы летели банки и горшки с цветами... Причем кидали их даже женщины и дети. Бойцы поначалу спрашивали меня: «За что? Ведь мы не сделали им ничего плохого. Вот и верь теперь тому, что слышали и в школе, и в армии: «Все люди — братья в нашей многонациональной стране». Я отвечал как мог. Но это было лишь в первый день. На завтра таких вопросов уже не возникало. Подчас вид плачущей полуживой женщины с грудным ребенком на руках, убежавшей от разъяренной толпы пьяных или обкуренных ублюдков, на солдат действовал лучше, чем несколько часов политзанятий. Все мои бойцы держались молодцами.

Им приходилось спать по три часа в сутки и обходиться порою

сухаем. Но видя страдания простых людей, воины-дзержинцы несли службу не щадя сил, зачастую перед лицом смертельной опасности...

В первых стычках с бесчинствующими толпами проявились некоторые пробелы в тактике внутренних войск, которая предполагала вытеснение толпы с определенного места. Ответные же действия нарушителей не были в деталях предусмотрены.

В Сумгаите случилось так: когда в шеренгу солдат стали кидать камни, наши бойцы, естественно, поднимали щиты на уровень головы, чтобы защититься. Нападавшие тут же били солдат по ногам. Чтобы избежать ранений, в той командировке пришлось на ходу додумывать прежние и отработать на практике новые тактические приемы. Летящий в тебя град камней, палок и бутылок заставлял соображать.

Была придумана простая, но довольно-таки эффективная за-

щита. Ею стало построение солдат со щитами и резиновыми палками в три шеренги. Первая шеренга присаживалась на одно колено и ставила щиты на землю, вторая упирала нижний край щита в верхний обрез щита первой шеренги, а третья поднимала щиты вверх, прикрывая головы. Получалась своеобразная коробка из щитов. В войсках ей придумали название «черепеха». Такую же команду подавал офицер в случае, если действия толпы начинали носить агрессивный характер. Когда у нападавших заканчивались «метательные снаряды», военнослужащие перестраивались в обычный порядок и продолжали выполнение поставленной задачи.

Но техника проведения антиармейских акций становилась изощреннее с каждым днем. Уже вскоре экстремисты додумались пускать впереди себя женщин с детьми (вот вам кавказское джентльменство!). А сами бандиты, стоя сзади, за женскими спинами,

2. О «Тбилисском синдроме»

пусть рассуждают другие,

или Что случилось 9 апреля 1989 года
на проспекте Руставели

бросали в солдат камни и бутылки. Получалась такая картина: истеричные женщины плюют солдату в лицо, кричат, что он оккупант (это в лучшем случае), а из-за живого заслона тут же летит град камней.

В этом случае шеренга солдат раздвигалась, пропуская женщин и детей (их оттесняли и блокировали без применения силы), а уж с вооруженными мужиками разбирались по-мужски решительно.

Часто за цепью солдат линейных подразделений двигались спецназовцы. Толпе как бы случайно давали возможность прорвать войсковую цепочку. Когда в образовавшуюся брешь устремлялись самые буйные личности, их пыл охлаждали парни из спецназа. «Краповые береты» не сильно утруждали себя переговорами, а просто грузили зачинщиков беспорядков в милицейские машины...

Сумгаитская вспышка стала первой в своем роде. Улицы, освещаемые сполохами костров, бегущие люди, хулиганы, вооруженные железными прутьями, надолго останутся в памяти офицеров и солдат дивизии. Когда через месяц первые подразделения стали покидать Азербайджан, когда был введен комендантский час, положение можно было назвать если и не до конца стабильным, то отнюдь не критическим. Сумгаитская трагедия могла принести гораздо больше жертв, если бы на пути погромщиков не встали военнослужащие внутренних войск. И в первых их рядах были дзержинцы. Покидая красивую землю Закавказья, они очень хотели верить, что подобного рода командировок в этот южный край больше не будет.

Но с тех пор не раз еще звучал для них тревожный сигнал «Сбор»...

«9 апреля в столице Грузинской ССР на проспекте Руставели для разгона несанкционированного митинга военнослужащими внутренних войск были применены спецсредства... В результате имеются человеческие жертвы среди мирного населения...»

(Из газет)

Подчиненные капитана Вячеслава Иванова находились в Тбилиси со 2 апреля 1989 года. К этому времени Кавказ уже напоминал одну большую горячую точку: незадолго до этого войны находились в Ленинкане, где в числе первых участвовали в ликвидации последствий страшного землетрясения — разбирали завалы, спасая людей, охраняли государственные объекты, задерживали мародеров...

Поступил приказ о срочной передислокации в столицу Грузинской ССР, где несколько дней подряд проходили митинги антисоветского характера, грозящие привести к массовым беспорядкам.

Столь частые командировки того времени объяснялись просто: ОМСДОН, по сути дела, был единственным соединением в войсках, выполнявшим столь сложные оперативные задачи.

В течение ночи военнослужащие одной из частей дивизии через заторы митингующих людей добрались до указанного места. Колонна была смешанной: грузились в автобусы, ЗИЛы и КамАЗы.

Водители некоторых машин, наскоро оторванные от народного хозяйства, случалось, по полгода не сидели за рулем. Что это означает на горных серпантинах, где часты крутые повороты и обрывы, командиры рот прекрасно понимали, поэтому контроль за передислокацией был максимальный. В пригороде столицы воинво-дзержинцев уже встретила толпа экстремистски настроенных людей, выкрикивающая антиправительственные и антисоветские лозунги.

Одержимые идеей выхода из состава СССР, сепаратисты не выбирали средств для достижения этой цели. Что будет после пересмотра государственных границ, их интересовало мало, ибо каждый лидер экстремистски настроенного движения видел только себя во главе суверенного государства. В Грузии было несколько таких националистических движений и, соответственно, немало их вождей и предводителей. Основные усилия этих людей в то время в основном были направлены на создание в республике хаоса, провоцирование всеобщего возмущения правящим режимом.

Особенно острым нападкам подверглась Коммунистическая партия Советского Союза. Из всех сил экстремисты стремились убедить народ республики в необходимости создания партии, оппозиционной КПСС. Главная ставка в борьбе за «всенародную поддержку» делалась на молодежь и интеллигенцию. С этими

категориями населения постоянно проводилась соответствующая работа, результаты которой не заставили себя долго ждать.

Экстремистски настроенная часть молодежи организует митинг у Дома правительства, где зачитывает обращение к президенту и конгрессу США с просьбой приурочить одно из заседаний ООН к дню «суверенной» Грузии, официально признать 25 февраля 1925 года «днем оккупации Грузии большевистской Россией», оказать помощь республике по выходу из состава СССР. Организаторы митинга не забыли позаботиться и об освещении мероприятия западными средствами массовой информации. Для этого были специально заготовлены крайне экстремистские плакаты на английском и немецком языках.

Утром 8 апреля обстановка накалилась. С Дома художников на проспекте Руставели был сорван флаг Грузинской ССР. Начались

столкновения митингующих, с одной стороны, и военнослужащих и милиционеров, которые обеспечивали порядок, — с другой. Несколько оголтелых молодчиков захватили патрульный автомобиль «Нива» и зверски избили старшину (своего соотечественника). У Дома правительства толпа также издевалась над милиционерами: с безоружных работников милиции срывали погоны и фуражки, на них рвали кителя, а некоторых просто избивали.

К полудню молодчики захватили несколько автобусов и троллейбусов, поставили их поперек проспекта. Он уже был перегорожен самосвалами с щебенкой со стороны площади Ленина. Около тридцати грузовых машин препятствовали проходу сил правоохранительных органов. Чтобы затруднить работу по расчистке улицы, у захваченных автомобилей протыкали шины. Под вечер неподалеку от места стихийного

митинга остановился грузовик, с которого стали бесплатно раздавать водку. Алкоголь подогрел толпу, и митинг продолжился уже при свете костров.

В ночь на 9 апреля к митингующим присоединились еще около тысячи человек. Люди шли со всех сторон. Автомашин с дармовой водкой стояли уже на многих углах. Собравшиеся зверели прямо на глазах. После очередной порции горячительного все громче звучало: «Захватчики, убирайтесь вон!», «Долой московский террор!»

В рядах митингующих появилось много молодых людей крепкого телосложения. Как стало известно потом, то были спортсмены, призванные стать ударной силой боевиков.

Всю ночь к толпе через громкоговорители обращались милиционеры, засевшие на ДOME правительства. Требование было одно — мирно разойтись. Поначалу эти призывы вызывали лишь смех, затем на слова стражей порядка просто перестали реагировать, а потом в сторону громкоговорителей полетели камни и бутылки. Всю ночь демонстранты жгли советские флаги, выкрикивали антиправительственные лозунги, били стекла домов и витрины магазинов.

Около трех часов ночи военнослужащие при помощи своей бронетехники стали растаскивать баррикады. Тут и начались столкновения солдат с экстремистами.

Еще на подходе к месту предстоящей схватки (это было примерно в половине третьего ночи) солдатам капитана Вячеслава Иванова было заявлено, что за состыкованными поперек проспекта самосвалами и автобусами находится территория «суверенной Грузии» и проход «захватчикам» туда запрещен. Грозили расправой.

Боевому офицеру и его подчиненным не впервой было слышать такого рода ультиматумы. Поэтому, невзирая на грозные предупреждения, солдаты прошли на территорию «суверенной Грузии», где уже стояли шеренги батальона тбилисского оперативного полка внутренних войск.

Ближе к утру толпа, подогреваемая экстремистами, дошла до своей точки кипения и стала штурмовать Дом правительства. Подошедшая военная техника, а вместе с ней военнослужащие воздушно-десантных войск стали помогать в расчистке проспекта. Выполнить эту задачу удалось лишь частично: озверевшая толпа всячески мешала военным. Дорогу удалось разблокировать лишь с одной стороны. В образовавшуюся брешь и вошли подразделения внутренних войск, в авангарде которых были воины-дзержинцы.

Роте капитана Вячеслава Иванова приказали вытеснять толпу. Солдаты, в такт ходьбе стуча палками по щитам (одно из проверенных эффективных средств для демонстрации серьезности намерений), медленно двинулись вперед.

Толпа на миг притихла. Но лишь на миг. Потом боевики подняли с земли камни, палки, железные пруты и колья (все было заранее припасено). По мере продвижения солдат в глубь площади сопротивление возрастало. Впереди, как это и было предусмотрено по сценарию зачинщиков, были те самые крутоплечие ребята. Они с завидной прытью врुбались в солдатский строй, трубами и кольями прокладывая себе

путь. Бронежилеты и каски выручили не всех. Появились раненые.

Краем глаза капитан Иванов увидел, как здоровенным куском бордюрного камня ударили заместителя командира взвода старшего сержанта Полякова. От мгновенной смерти младшего ко-

мандира спасло только то, что на нем был шлем-«сфера». От страшного удара сержант рухнул как подкошенный. Подоспевший санитар, прикрываемый щитами, оттащил пострадавшего в безопасное место.

(Старший сержант Поляков в тяжелом состоянии сразу был доставлен сначала в тбилисский госпиталь, затем был перевезен в Главный клинический госпиталь внутренних войск, откуда выписался спустя несколько месяцев. А через полгода после увольнения в запас он умер от последствий тяжелейших повреждений голо-

вы и позвоночника, полученных в Тбилиси.)

С самого начала столкновений поступил приказ беспрепятственно пропускать через шеренги тех, кто добровольно хочет покинуть площадь. Вскоре под прикрытием сослуживцев из первой шеренги пронесли к медикам еф-

рейтора Виноградова. Все лицо его было в крови. Пропуская из толпы женщину, ефрейтор получил из-за ее плеча удар трубой по лицу. Были повреждены глаза... Стоящим в задних шеренгах также приходилось нелегко: под видом добровольно покидающих место событий через строй просачивались те люди, которые наносили удары сзади.

Между тем толпа продолжала бесчинствовать, забрасывая солдат градом камней. Недостатка в них не было: стоящие сзади живого щита ломали выворачивали камни из брусчатки.

Одно из подразделений внутренних

войск, выдвигающееся на проспект Руставели, было окружено превосходящими силами экстремистов. Пьяные бандиты хватывали солдат по одному и, повалив на землю, избивали ногами и кольями.

На самом проспекте у воинов первых шеренг практически все щиты были поломаны или разбиты. Но толпу продолжали понемногу вытеснять. Митингующих старались вывести за пределы проспекта и рассеять на близлежащих улицах. Сделать это удалось лишь в некоторых местах.

Дрались врукопашную. Боеви-

ки орудовали металлическими прутами-булавами, заостренными пиками. Длинные колья были уже не нужны, и нападавшие орудовали небольшими по длине, но толстыми в диаметре металлическими прутами. Удар таким прутком по голове, даже несмотря на то, что трехкилограммовая «сфера» компенсировала его, был весьма существенным. Но, к сожалению, «сферы» были не у всех. Большинство военнослужащих стояли в касках. Нападавшие уже несколько раз прорывали первые шеренги строя, но каждый раз солдаты отбрасывали экстремистов назад.

Небольшую группу омсдоновцев пришлось бросить на помощь десанникам. Те, не экипированные спецсредствами для ведения спецоперации в городе, оказывали достойное сопротивление, но лавина нападающих грозила опрокинуть даже крылатую гвардию. Позже, когда толпу удалось рассеять, находившиеся на площади солдаты-десантники о солдатах-дзержинцах говорили весьма уважительно, тепло, без свойственного им высокомерия.

С каждой минутой обстановка осложнялась. Разбитых щитов становилось все больше, и количество раненых военнослужащих увеличивалось. Пропуская женщин и стариков, получили ножевые ранения сержанты Богатов и Сивков. Тяжело ранен рядовой Вадим Григор, спасший офицера от удара ножом, заслонил командира собой от удара арматурным прутком рядовой Сергей Пряхин. Несколько бэтэров уже были переполнены ранеными военнослужащими и людьми, которым удалось выбиться из толпы (одной из задач молодчиков-боевиков было воспрепятствовать уходу демонстрантов с митинга). Всем пострадавшим — солдатам и местным жителям

тут же оказывалась посильная медицинская помощь.

В сложившейся ситуации необходимо было что-то срочно предпринять для достижения поставленной цели. Как видно, самые отчаянные из толпы добровольно расходиться не собирались. Физической силы оказалось недостаточно, и было принято решение о применении спецсредства «Черемуха».

Человек, назвавший так этот газ, наверняка обладал большим чувством юмора. Потому что запах этой «Черемухи» мало напоминает приятный запах цветущего в мае дерева. Общее количество примененных спецсредств составило тогда не более ста граммов.

Находящиеся на проспекте люди моментально бросились бежать в направлении своих же баррикад из автомашин. Через них не всем удавалось перелезть достаточно быстро...

Люди погибли в давке по вине подстрекателей и спортсменов, не позволявших никому уйти с проспекта. Никаких отравляющих средств на проспекте Руставели не применялось. Это подтвердила комиссия ООН. Эта же комиссия установила, что образовавшаяся при действии войск концентрация слезоточивого газа в сотни раз меньше значений, которые могли бы вызвать тяжелые поражения людей. Комиссией также было установлено, что из 19 погибших человек 17 скончались именно в результате давки...

Отдельным эпизодом обвинения проходило применение саперных лопаток военнослужащими против мирной демонстрации. Насколько демонстрация была мирной, уже говорилось. А что касается саперных лопаток, то по этому поводу также было проведено специальное расследование, в ходе которого выясни-

лось, что ни один из приведенных грузинской стороной фактов не нашел подтверждения. Некоторые из указанных в списках пострадавших людей узнавали о том, что их избили... только из уст следователя.

Организаторы «мирного митинга» преуспели в фальсификации фактов.

9 апреля на проспекте Руставели в угоду интересам кучки экстремистов пострадали невинные простые люди. В их числе и солдаты, выполнявшие приказ о восстановлении общественного порядка.

Через несколько дней весь личный состав части, принимавший участие в тбилисских событиях, прибыл в пункт постоянной дислокации, где каждый офицер и солдат давал поименные показания группе следователей. Долго шли унижительные «разборы полетов». В лице военных искали преступников...

За отсутствием состава преступления уголовное дело закрыли только спустя два года. В течение этого времени следователи неоднократно вызывали солдат и офицеров даже на место, где происходили вышеупомянутые события.

Так отблагодарила государственная казенная машина своих защитников, которые не щадя жизни пытались сохранить целостность государства.

**Старший лейтенант
Альберт КУДРЯШОВ**

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА

Досуг

ЗДЕСЬ И
И ПОЮТ... ТАНЦУЮТ.

Гарнизонный Дом офицеров отдельной дивизии оперативного назначения по праву считается центром культуры военного городка. Более трехсот мероприятий ежегодно проводится здесь с военнослужащими и членами их семей, с жителями Балашихи и Реутова, с учащимися школы № 16 имени Героя Советского Союза Серержникова и, конечно же, с малышами из детских садов.

Начальник ГДО подполковник Сергей Карташов по-настоящему болеет душой за дело. Да и как иначе, если пришел он служить в прославленную дивизию имени Дзержинского после окончания Орджоникидзевого училища внутренних войск в далеком 1983 году. Начиная взводным в 9-й роте 4-го полка. Тогда это подразделение считалось внештатным ансамблем песни и пляски соединения. Через пять лет Карташова назначают инструктором культурно-массовой работы. Затем он некоторое время исполнял обязанности помощника начальника ГДО. А с 1993 года Сергей Анатольевич возглавляет работу гарнизонного Дома офицеров.

Нет такого дня, чтобы у здания с белыми колоннами не толпились дети. Только в кружке современного бального танца, которым руководит Александр Коробка, занимается около 70 мальчиков и девочек. За последние несколько лет маленькие танцоры приняли участие более чем в 30

конкурсах, в том числе и международных, с приглашением участников из стран СНГ.

Свыше ста человек посещают занятия кружка иностранного языка, возглавляемого Еленой Тюлиной. Добро пожаловать в секции волейбола, баскетбола и ритмики. В Доме офицеров, кстати, имеется отличный спортзал, который никогда не пустует.

О музее истории и боевой славы дивизии, расположенном в ГДО, следует сказать особо. Именно здесь ведется активная работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Все солдаты, принявшие присягу на верность Родине, обязательно приходят сюда, чтобы познакомиться с бесценными экспонатами. В течение года музей принимает более 3 тысяч посетителей. Для рядового обывателя это просто четырехзначная цифра, но не для начальника музея Адольфа Михайловича Чумакова. Во многом благодаря его усилиям здесь организуются и проводятся различные мероприятия.

Библиотеку, которая тоже находится в здании Дома офицеров, считают методическим центром

ОДОНа. Основной фонд ее составляет около 18 тысяч изданий и свыше 3 тысяч экземпляров насчитывает фонд брошюрный. Библиотекари Алла Евгеньевна Абрамова и Галина Васильевна Тищенко всегда подберут для читателей необходимую литературу.

Самые добрые слова можно услышать в адрес инструктора ГДО Евгении Павловны Бакиной. Более 30 лет трудится она здесь. За это время провела не только сотни эстрадных концертов, различных тематических вечеров, но и множество интереснейших встреч с известными артистами, музыкантами и певцами, поэтами и композиторами. Благодаря ей практически весь театральный и эстрадный бомонд Москвы выступал на сцене Дома офицеров.

На базе ГДО есть свой телецентр, который возглавляет Дмитрий Васильевич Коробцов. Трансляции кабельного телевидения сейчас ведутся на все части дивизии.

Во многом результативная работа гарнизонного Дома офицеров зависит от начальника склада. Эту должность занимает вете-

ран Великой Отечественной войны, бывший военнослужащий соединения Федор Федорович Денисенко. Он не только трудолюбивый и хорошо знающий свое дело профессионал, но и честный, порядочный, уважаемый здесь человек, чуткий и отзывчивый товарищ. Вместе с председателем совета ветеранов дивизии Николаем Ивановичем Сенюшкиным принимает активное участие в военно-патриотическом воспитании молодых воинов, в пропаганде передового опыта.

Думается, несправедливо было бы не отметить вклад, который в свое время внес в развитие художественной самодеятельности бывший начальник ГДО, ныне заслуженный работник культуры России Арсен Авалян. В этом году он отпраздновал свой 50-летний юбилей. Вся тридцатидвухлетняя служба его — от рядового до подполковника — связана с дивизией.

Творческий коллектив под руководством Арсена Гайковича гремел не только на всю столицу. Выступления самодеятельных артистов из ОДОНа считали событием в культурной жизни многих городов России. По-другому, наверное, и быть не могло. Талантливый артист, Арсен Авалян сам нередко выступал не только как исполнитель, но и как автор песен, музыкальных композиций. Лучшие его воспитанники и сегодня продолжают служить искусству. Многие из них стали заслуженными и народными артистами, которых знает и любит вся страна.

Дстойную смену оставил после себя Арсен Авалян. Подтверждение тому — сплоченный коллектив, который продолжает сейчас трудиться в ГДО. И, конечно же, в первую очередь это лауреат всесоюзных и телевизионных конкурсов ансамбль песни и пляски ОДОНа. До недавнего времени его возглавлял Эдуард Биллионик, который также оставил после себя заметный след в развитии самодеятельного творчества соединения. Буквально накануне празднования 75-летия дивизии его назначили начальником ансамб-

ля песни и пляски Московского округа внутренних войск.

Сейчас творческим коллективом ОДОНа руководит дипломат всесоюзного конкурса, лауреат телевизионного фестиваля «Когда поют солдаты» майор Николай Железняк. Он закончил военномедицинский факультет при Московской государственной консерватории. В ансамбле 30 человек, средний возраст артистов 22 года. Хор, оркестр и балетная группа по казы-

русских народных песен, произведений военных лет. Особое место занимают эстрада и танцы. Свой высокий профессионализм демонстрируют артисты оригинального жанра. Зрители всегда на бис встречают выступления солисток балета Екатерины Яковенко и Екатерины Орынчанской. Сейчас в коллектив пришел молодой, энергичный и талантливый балетмейстер Дмитрий Матюнин. С ним артисты связывают большие надежды.

Хормейстера Людвигу Иосифовну Носович хорошо знают не только в этом военном гарнизоне. Долгое время она работала в Государственном академическом ансамбле песни и пляски внутренних войск. Вот уже третий год Носович руководит хоровой группой здесь.

Концертмейстер Вадим Борисович Юшин возглавляет оркестр. Он также пользуется у коллег заслуженным авторитетом и уважением.

Остается добавить, что 30 декабря этого года гарнизонному Дому офицеров исполнится 45 лет. Возраст, безусловно, зрелый. Однако следует заметить и другое: молодости и творческого азарта, желания работать коллективу ГДО не занимать. Так держать, друзья! С праздником вас, со славным юбилеем дивизии!

Геннадий КАЗАКОВ

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА

ва-
ли
сво
мас-
терство не только перед зрителями Балашихи, Реутова, Купавны, но и на площадках различных административных округов Москвы. Особенно коллектив гордится выступлениями на сценах Кремлевского Дворца и Государственного центрального концертного зала «Россия», а также в Президент-отеле.

В репертуаре ансамбля есть немало

Имя в истории войск

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭНША ПАВЕЛ СМИРНОВ

В истории Отдельной дивизии оперативного назначения до сих пор немало белых пятен и непрочитанных страниц. Даже судьбы тех, кто стоял у истоков создания уникального чекистского формирования, многие годы оставались неизвестными. Среди них — первый начальник штаба дивизии Павел Иванович Смирнов.

Его имени, как ни старайтесь, вы не найдете в дивизионном историческом формуляре. Не упоминалось оно и в изданиях, посвященных боевому пути соединения. И в экспозиции музея истории и боевой славы дивизии по-прежнему нет никаких материалов о жизни и деятельности первого энша ОДОНа Павла Смирнова. Причина тому — долгие годы забвения из-за ярлыка «враг народа», что навесили на него в период массовых репрессий.

В советское время старались не вспоминать имена тех, кого расстреляли по ошибке. Не принято было. Ну а в эпоху демократических «перестроек» и «перестрелок» было не до историчес-

ких изысканий. Воины дивизии гасили пламя горячих точек сначала бывшего СССР, затем России. В летописи соединения появлялись свежие страницы, вписывались боевые дела и подвиги новых героев — наших современников...

75 лет назад — 17 июня 1924 года — председателем ОГПУ Ф. Дзержинским был отдан приказ: на базе существовавшего на тот момент отряда ОСНАЗ и некоторых частей войск ОГПУ Московского гарнизона сформировать специальное соединение с особыми функциями и задачами. Дивизия особого назначения (ОСНАЗ) при коллегии ОГПУ — такое наименование получило единственное на тот период

во внутренних войсках соединения.

Основная тяжесть работы по формированию дивизии легла на плечи начальника-военкома отряда ОСНАЗ Павла Кобелева и начальника штаба Павла Смирнова. Обоих утвердили в новых должностях — один стал начдивом, другой возглавил штаб соединения.

Развертывание дивизии происходило в предельно сжатые сроки и без освобождения от выполнения возложенных ранее на отряд служебно-боевых задач. Бойцы-чекисты охраняли здания ЦК и МК ВКП (б), штаб-квартиру ОГПУ на Большой Лубянке, объекты Наркомфина, другие важные государственные

учреждения. Кроме того, оснацы привлекались к выполнению оперативно-чекистских мероприятий, проводимых ОГПУ, обеспечивали охрану общественного порядка на массово-политических мероприятиях — съездах Советов, конгрессах Коминтерна, митингах, парадах, демонстрациях.

Но несмотря на огромные служебные нагрузки на личный состав, формирование соединения прошло успешно. Немалая заслуга в этом принадлежала Павлу Смирнову. Его самоотверженная, порой без сна и отдыха, работа по становлению и совершенствованию дивизионного штаба, сколачиванию подчиненных частей и подразделений не осталась незамеченной. Вот, например, что говорилось в первой аттестации молодого начштаба: «Обладает достаточной теоретической и практической подготовкой. Хорошо знает как штабную, так и строевую службу. Дисциплинирован сам и может привить дисциплину подчиненным. Должности начальника штаба вполне соответствует и для дальнейшей службы в дивизии желателен».

Одобрительный тон служебной характеристики свидетельствовал о том, что Смирнов находился на своем месте, умел организовать работу подчиненных, обладал достаточными военными знаниями, имел необходимую теоретическую и практическую подготовку. А опыта ему было не занимать. За плечами — около десяти лет военной службы, две войны — империалистическая и гражданская...

Февраль 1918 года... Старая русская армия расформирована. Бывший прапорщик Павел Смирнов в потрепанной офицерской шинели со споротыми погонами — новая власть отменила все чины и звания — приехал на

родину, в деревню Филиппцево Даниловского уезда Ярославской губернии.

Давно не был Павел в родных местах, с самого детства. Здесь, в русской глубинке, в крестьянской семье он появился на свет в августе 1895 года. Пол-округи носили обыкновенную русскую фамилию Смирновы. Все были работящими. Жили небогато, но в достатке, не бедствовали. А один из Смирновых — Иван, отец будущего комбрига, отличался еще и предпринимательской хваткой. Вот и порешили — всей семьей ехать в столицу и открывать свое дело.

Крестьянская сметливость и природный ум главы семейства помогли создать, говоря современным языком, коммерческое предприятие. Отец открыл в Питере булочную, а оставшиеся в деревне многочисленные родственники стали поставщиками сырья. Выпекаемые Смирновыми булки, калачи и баранки славились на всю округу. Предприятие процветало. Появился достаток и вместе с ним возможность дать образование детям. На семейном совете постановили — учиться Павлу. Бог его умом не обидел, ему и быть образованным. Сын не подкачал. В 1913 году успешно окончил торговую школу и устроился на службу в Русско-Английский банк счетоводом.

Гадать о том, как могла бы сложиться дальнейшая судьба Павла Смирнова, занятие бесполезное. Возможно, из него вышел бы преуспевающий бухгалтерский работник или даже банкир. Чем черт не шутит. Но грянула империалистическая война, и в самом начале 1915-го Павел надел солдатскую шинель. На фронте воевал храбро, стал ефрейтором, потом унтер-офицером. После окончания Ораниенбаумской школы прапорщиков

получил офицерские погоны. И снова — фронт.

Сырые окопы, бессмысленность жестокой несправедливой войны, агитаторы различных политических окрасок, затем известие о взятии в Питере власти какими-то большевиками — все это промелькнуло, словно кошмарный сон...

После возвращения с фронта Павел несколько месяцев жил в родной деревне. Сюда из голодного революционного Питера вернулось все семейство Смирновых. Но мирно пожить довелось недолго. Разгоралась гражданская война. Новой власти нужны были люди с фронтовым опытом. И Павла мобилизовали в Красную Армию. Сражался с белогвардейцами в составе 61-го стрелкового Рыбинского полка, затем в рядах 5-й армии на Восточном фронте, был начальником гарнизона города Кокчетова. А в середине 1920 года оказался в Белоруссии. В 16-й армии командовал батальоном, участвовал в боях с белополяками, сражался с бандами Булак-Балаховича.

Крутой поворот в военной службе краскома Павла Смирнова произошел в 1921 году — он стал чекистом. Охранял западную границу советской России, дослужился до начальника штаба 20-й погранбригады войск ВЧК. В самом начале следующего года неожиданный вызов в Москву, на Лубянку. После беседы с самим Дзержинским Смирнов получает назначение на должность адъютанта (начальника штаба) 1-го отдельного батальона войск ВЧК.

Служить здесь считалось большой честью. Воины-чекисты, являясь резервом «железного» Феликса и охраняя здание ВЧК на Лубянке, были всегда под рукой. По первому сигналу они готовы были подняться по трево-

ОДОНу – 75 ЛЕТ

ге и немедленно пресечь любую вылазку «контры».

Здесь Смирнов познакомился с Павлом Кобелевым — командиром батальона. Комбат и его энка сошлись характерами, крепко подружились. Оба были фронтовиками, даже с немцами воевали где-то недалеко друг от друга в Прибалтике. Теперь им вместе предстояло создавать первые чекистские формирования,

Между тем служба шла своим чередом. Батальон переформировали в 1-й отдельный полк войск ГПУ. Смирнов возглавил его штаб. Реорганизация части прошла успешно. Боевая учеба и служебная деятельность не пострадали, были по-прежнему на высоте. Иначе нельзя. Первый полк потому и первый, что он лучший в чекистских войсках. Об этом свидетельствуют архивные документы. Среди них — приказ заместителя председателя ОГПУ И. Уншлихта от 2 марта 1923 года: «За плодотворную и неутомимую работу, редкую энергию, проявленную в деле поднятия на должную высоту боеспособности, дисциплины и сознательности красноармейцев, и в высокой степени честное отношение к делу награждаются: золотыми часами... коман-

П.И. Смирнов с женой и сыном (30-е годы)

дир-военком 1-го отдельного полка войск ГПУ Московского округа тов. Кобелев П.Г. и начальник штаба этого же полка тов. Смирнов П.И.»

явившиеся основой будущих внутренних войск. Здесь же, на Лубянке, Павел Иванович встретил свою судьбу. Молодая и красивая девушка Елена Лаппе, из семьи революционных моряков, работала в секретариате Дзержинского. Полюбили друг друга с первого взгляда, поженились. Вскоре родился сын Владимир. Родители мечтали, чтобы он, как и отец, стал военным. Но судьбе было угодно распорядиться иначе...

дир-военком 1-го отдельного полка войск ГПУ Московского округа тов. Кобелев П.Г. и начальник штаба этого же полка тов. Смирнов П.И.»

Положительная оценка его работы со стороны высокого чекистского руководства вызывала у Смирнова желание трудиться еще лучше, еще больше отдавать сил и энергии совершенствованию штабной деятельности. Полк стал образцовым в войсках. Не случайно именно воинам этой части было доверено пер-

выми пройти торжественным маршем по Красной площади на параде войск ГПУ, посвященном 5-летию ВЧК-ГПУ. Принимал парад сам Ф. Дзержинский — наркомвнудел и предВЧК. Командовал праздничным смотром чекистских войск командир-военком 1-го полка П. Кобелев. А подготовку парадных расчетов осуществлял его энка и первый помощник П. Смирнов. Бывший офицер, в совершенстве овладевший строевыми приемами еще в школе прапорщиков, он обучил подчиненных чеканить шаг не хуже царских лейб-гвардейцев.

Тем временем в войсках продолжался поиск оптимальных организационно-штатных структур, наиболее эффективных способов управления частями и подразделениями, принципов их подчиненности. В середине 1923 года полк вошел в состав отряда ОСНАЗ при коллегии ОГПУ. Штаб отряда возглавил Смирнов. Воины-осназцы охраняли особо важные объекты и учреждения столицы, привлекались к чекистским операциям по ликвидации бандитизма и обезвреживанию политической оппозиции, обеспечивали общественный порядок на улицах города при проведении массовых мероприятий. В январе 1924 года им была поручена чрезвычайно ответственная задача — сопровождение и охрана траурного поезда, доставившего из Горок в Москву гроб с телом «вождя мировой революции» В.И. Ленина.

Спустя полгода отряд был развернут в дивизию. Вопрос, кого назначить начальником штаба соединения, в верхах не возник. Только Смирнова, с его пятилетним опытом штабной работы в войсках. Вместе с тем функции частей и подразделений дивизии, взявших на себя задачи бывшего отряда ОСНАЗ,

продолжали расширяться. Это накладывало на энша Смирнова дополнительную нагрузку и ответственность за боевую подготовку личного состава.

Немало времени воины-чекисты проводили в летних лагерях и на полевых учениях. Совершенствовались боевое и оперативное мастерство. В сентябре 1925 года дивизия приняла активное участие в маневрах частей Московского гарнизона. Как известно, планирование и подготовка учений является одной из главных обязанностей штаба. Смирнов с этой задачей справился великолепно. Маневры показали, что личный состав соединения тактически подготовлен не хуже бойцов и командиров армейских частей. Что и было отмечено в приказе по итогам полевых учений: «По данным разбора проведенных операций и по общему заключению главного руководства маневрами, командования и штаба, действия и поведение войсковых частей дивизии ОС-НАЗ являлись... образцовыми и примерными».

Однако, несмотря на достигнутые успехи, награды не сыпались на Смирнова как из рога изобилия. В верхах, видимо, полагали, что сама служба в дивизии имени первого чекиста уже является самой высокой наградой. И лишь в декабре 1927 года в ознаменование 10-летия ВЧК-ОГПУ Смирнову вручили именное огнестрельное оружие — пистолет системы «маузер» с надписью в духе революционной патетики тех лет — «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Более шести лет возглавлял П.И. Смирнов штаб дивизии имени Дзержинского, чье имя она получила после смерти «железного» Феликса. В начале 1931 года Павла Ивановича откомандировали в Центральную школу ОГПУ. Был помощником началь-

ника учебно-строевого отдела. Затем, возглавив основной курс чекистского учебного заведения, щедро делился со слушателями своим богатым боевым опытом. В этот период Смирнов удостоен знака «Почетный чекист». Статус награды был очень высок. Он давал право свободного прохода во все здания ОГПУ и возможность лично обращаться к самому высокому чекистскому руководству по любому вопросу.

В конце 1935 года военная судьба вновь свела Смирнова с бывшим комдивом и хорошим другом П. Кобелевым, командовавшим войсками НКВД Московского округа. Смирнов возглавил штаб округа. Ему было присвоено персональное воинское звание — «полковник». Успехи в службе отразились и в очередной аттестации, датированной 1937 годом: «Работая в должности начальника штаба войск НКВД Московского округа, т. Смирнов провел большую работу по боевой подготовке частей, которые 1936 — 1937 гг. закончили с вполне удовлетворительными результатами. Кроме того, т. Смирновым в 1937 г. была проделана большая работа по реорганизации частей округа».

Положительные характеристики, большой опыт самостоятельной работы по руководству крупными воинскими коллективами открывали перед Смирновым новые перспективы служебного роста. Последнее повышение в должности состоялось в марте 1938 года. На этот раз Павла Ивановича назначили начальником управления пограничных и внутренних войск НКВД, дислоцировавшихся на территории Азербайджанской ССР. На петлицах его гимнастерки появились малиновые ромбы комбрига. Местные жители избрали депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Павел Иванович с головой уходит в работу. Предстояло упорядочить всю оргштатную структуру войск округа, укрепить пограничные рубежи, совершенствовать боевую и служебную подготовку личного состава. Но в начале 1939 года комбрига Смирнова неожиданно отстраняют от должности и выводят за штат. Следует вызов в Москву. Павел Иванович в недоумении. На просьбы объяснить, что происходит, кадровики Главного управления пограничных и внутренних войск отвечали уклончиво: «Ждите нового назначения».

Шли месяцы, наступила весна, а обещанного назначения все не было. Неизвестность и вынужденное безделье утомляли, наводили на нехорошие мысли. В конце концов Павел Иванович, не выдержав такого отношения к себе, обращается к руководству ГУПВВ НКВД с рапортом, в котором пишет: «Моя общевойсковая подготовка сильно устарела, в связи с этим работать в дальнейшем на руководящей военной работе мне трудно... Прошу Вашего распоряжения об увольнении меня в запас».

Излагая свою просьбу об отставке, комбриг Смирнов покривил душой. Его военные знания и опыт были на соответствующем уровне. Еще год назад в очередной аттестации говорилось, что Смирнов «много работает над собой, активно пополняет свои знания, современную военную мысль знает и ею интересуется». Просьбу комбрига удовлетворили быстро. Будто только этого и ждали. Уже в следующем месяце был издан приказ НКВД об увольнении П.И. Смирнова «за невозможностью использования». А еще через два месяца — арест.

О подробностях того страшного дня рассказал сын комбрига

Смирнова — Владимир Павлович.

Это был День авиации. Павел Иванович с сыном пошли в Парк имени Горького. Было очень весело и радостно на душе. Погода стояла великолепная. Ничего не предвещало трагедии...

Едва пришли домой, как раздался стук в дверь. Открыл отец. На пороге стояли молодые, крепкие ребята с бритыми затылками. Одеты были по тогдашней моде: широченные брюки, двубортные пиджаки, кепки с квадратными козырьками. Время, когда чекисты выезжали на задание в форме, с приходом в НКВД Берии уходило в прошлое. Теперь оперативники маскировались под простых советских граждан.

Один из неожиданных визитеров, видимо старший, предъявил ордер на арест.

— Собирайся, — бросил он отцу. — С собой брать ничего не надо. Скоро будешь дома...

Павел Иванович, как был в летних полотняных брюках и украинской вышитой рубахе, так в этом и ушел в сопровождении энкаведистов. Домой он уже не вернулся... Никогда...

В чем же обвинялся бывший первый начштаба дивизии имени Дзержинского?

Поднаторевшие в подобных делах ретивые следователи установили, что Смирнов якобы «являлся участником антисоветской заговорщической террористической организации и занимался подготовкой к свершению террористических актов». Разумеется, главными объектами террора были Сталин и его ближайшее окружение. Его также обвинили в том, что будто бы вместе со своим другом и сослуживцем комбригом Кобелевым «готовил части войск Московского округа для вооруженного выступления против советской вла-

сти». Осуществить свои коварные планы заговорщики должны были прямо на Красной площади во время очередного торжественного мероприятия. Причем силами внутренних войск Московского гарнизона, неизменно обеспечивавших порядок и безо-

Снимок из следственного дела по обвинению П.И. Смирнова

пасность массовых манифестаций на главной площади страны.

Абсурдность подобных обвинений могла поставить в тупик кого угодно, только не их авторов. И вот Смирнов, доведенный до отчаяния измышлениями следователей, обращается с заявлением в Прокуратуру СССР: «Я уже почти полгода сижу в тюрьме. В результате диких издевательств, оскорблений, унижений, жуткого мордобоя, зуботычин и пр. прелестей средневековья я не вытерпел — подтвердил клевету, наклеветал сам на себя и — самое страшное — кажется, помог Кобелеву оговорить также ни в чем не повинных людей... Мою честную работу подтвердят сотни командиров».

Но подобные заявления в те времена никто не рассматривал. Не до них. Вокруг столько врагов. Успеть бы обезвредить...

На состоявшемся 24 января 1940 года суде Павел Иванович отказался от ранее данных показаний, полученных незаконными методами следствия, то есть под жесточайшими пытками. Так мог поступить только очень мужественный человек. Но суд не посчитал нужным учесть это обстоятельство. Он полностью признал П.И. Смирнова виновным в никогда не совершаемых им преступлениях. Приговор был однозначным — расстрел...

Эхо трагедии больно ударило по семье. Жену — Елену Яновну, сержанта госбезопасности, изгнали из органов. Сын — Владимир, так и не смог получить высшего образования. Ни в институты, ни в военные училища под различными предлогами не принимали. Даже после войны. Не брались в расчет ни боевые награды, ни безупречные характеристики командования. Так и отработал Владимир Павлович более полувека простым связистом в учреждениях и на предприятиях Москвы.

Абсурдные обвинения сняли с комбрига Павла Ивановича Смирнова в 1956 году. Посмертная реабилитация вернула нам имя первого начальника штаба ОДОНа, но еще долгие годы на нем лежало табу. Вспоминать тех, кого в годы массовых репрессий расстреляли под шумок борьбы с «врагами народа», стеснялись. Было не принято. Теперь пришло время, когда комбриг П. И. Смирнов должен занять достойное место в истории ОДОНа и российских войск правопорядка.

Полковник
Николай СыСОВ

И гордость, и пример

СНАЙПЕРЫ «БОЛОТНОГО» ФРОНТА

Юность, опаленная долгой кровопролитной войной... Для одних это затертый литературный штамп. Для других — частица жизни. Такая суровая участь была уготована и ярославскому пареньку Леониду Суслову.

В 1933 году Леня, окончив семилетку, перебрался из родного деревенского приволья в Ярославль. Пришел на завод «Красный маяк», где на профессиональных курсах освоил токарное дело. Работал на совесть, ходил в передовиках. Но вот в бригадах довелось ему поработать всего-то пару месяцев. Летом 41-го назначили, и тут — война... Уже в августе девятнадцатилетний новобранец был в Новосибирске, где постигали азы науки побеждать бойцы войск НКВД. Оттуда осенью 41-го их перевели в казармы 3-го полка Отдельной мотострелковой дивизи

зии особого назначения имени Ф.Дзержинского. Полк располагался у Покровских ворот, в патриархальном уголке Москвы. Но обстановка в столице была отнюдь не спокойная и благостная — враг стоял у ворот Москвы. Все было подчинено главному: ее обороне. То на одном участке, то на другом возникало напряжение, туда требовалось срочно направить подкрепление. Дзержинцы нередко и становились той силой, которая была способна сдерживать яростный натиск фашистских войск на советскую столицу.

Однажды командир полка сообщил подчиненным волнующее известие: несмотря на крайне тревожную обстановку, 7 ноября в Москве пройдет традиционный праздничный военный парад, и дзержинцы пройдут на нем своим расчетом.

В прославленной дивизии хорошо усвоили армейскую истину: красив в строю — силен в бою. Ведь отменная выправка — еще одно подтверждение боевой выучки бойца. В военное время больше занимались огневой, инженерной, тактической подготовкой, но тут уж и на строевую выкроили дополнительные часы. Тренировались на строевом плацу в Лефортове, на набережной у Каменного моста через Москву-реку. В морозный день 7 ноября красноармеец Суслов прошел по припорошенной снегом брусчатке Красной площади со своей винтовкой, которую чистил любовно не только для парада...

В конце 42-го попал Леонид на снайперские сборы в деревню Новая под Балашихой. Далее группу самых метких стрелков направили под Ржев. Оттуда, набравшись

боевого опыта, вернулись в Москву на доподготовку, чтобы в августе 43-го отправиться на Волховский фронт.

Эшелон, в котором ехали две-три снайперов-дзержинцев, за трое суток кое-как дотащился до станции назначения. Ближайшая деревня, куда дошли пешим маршем, уже была разбита немецкой авиацией. Вокруг ни души, еще догорали развалины, ветер разносил окрест едкий черный дым.

Полуночью за снайперами прислали колонну «студебекеров». Извилистый путь пролегал по болотистой местности, где первопроходцам Волховского фронта пришлось замостить топкие перешейки деревянными настилами. Несколько раз на колонну налетала вражеская авиация. Бойцам приходилось укрываться по обочинам в зарослях кустарника. Остановились в полутора километрах от передовой, неподалеку от Ладожского озера. Дзержинцев тепло встретили старожилы «болотного» фронта. Но на разговоры и расспросы о Москве времени не было — снайперов сразу распределили по подразделениям.

Рядовые Суслов, Прима и Колкунов в числе первых оказались в окопах на самом передке. К последнему судьба оказалась немилосердной — он погиб на третий день. Завернув в плащ-палатку, его похоронили у самой Ладоги. Желание отомстить фрицам за погибшего друга настраивало их на серьезную охоту за врагом. Первым заданием Леонида Сулова и Петра Примы было уничтожить фашистского «коллегу», стрелявшего через нейтралку. Две ночи подряд омсдоновцы, замаскировавшись-затаившись на нейтралке, выслеживали немца, но безрезультатно. На третью ночь, едва забрезжил рассвет, Сулов заметил через свой двенадцатикратный бинокль, советского, между прочим, производства,

как один из чахлах кустиков чуть колыхнулся. Но ветра-то не было!

Еще через десяток минут тот же куст двинулся влево, опять чуть-чуть, на какие-то сантиметры. Леонид, затаив дыхание, выстрелил. Казалось, втемную стрелял, наудачу. Но просчитал те самые сантиметры правильно, не промахнулся — кустик завалился как подрубленный. Достала пуля гада фрица!

А сутки спустя друзья-дзержинцы снова охотились с нейтралки. Обнаружив наблюдательный пункт врага, враз сделали по прицельному выстрелу. Шороху навели! Гитлеровцы в ответ забросали нейтралку минами. Едва ли не до вечера просидели Леонид с Петром в большущей воронке от авиабомбы, заполненной водой почти вровень с краями. На их счастье, из сотен осколков, свистевших вокруг, ни один их не задел. Когда впотьмах выбрались к своим, мокрые, заочневшие, ротный только рот открыл в изумлении: «Ну вы даете, братцы! Мы уж решили, что вас и не увидим».

На другой день разведка доложила точно: переполох немцев был неслучаен — наша снайперская пара сработала отлично, и две пули достались двум старшим офицерам вермахта, находившимся на наблюдательном пункте.

На Волховском фронте снайпер Леонид Сулов довел свой боевой счет до восемнадцати уничтоженных гитлеровцев. Тогда же перед строем комдив объявил, что ефрейтор Сулов будет награжден орденом Красной Звезды. Однако...

Однако награда в тот раз ему не вышла — может, орденов в штабе дивизии в ту промозглую осень 43-го уже не осталось, может, документы просто затерялись по чьей-то неадаптивности. Но медали «За отвагу» и «За оборону Москвы» разве меньшее подтвер-

ждение боевого мастерства и мужества нашего дзержинца?

Когда вернулся он в Москву, столица выглядела уже по-фронтальному. Ефрейтора Сулова вместе с другими обстрелянными бойцами 3-го полка ОМСДОНА назначили на охрану важных государственных объектов, в числе которых были и правительственные здания на Старой площади, на Лубянке.

Безмерную гордость и неописуемую радость испытали фронтовики, когда пришла Победа. Невольно на глаза навернулись слезы. В тот день, который они приближали как могли, вспомнились смертельно опасные схватки с врагом, друзья, сложившие в тех боях свои головы...

А ему предстоял еще один парад на главной площади страны — Парад Победы. До 24 июня вновь пришлось не одни подметки стереть в строевых тренировках. Кому хочется в грязь лицом ударить на глазах всей страны! Ефрейтор Леонид Сулов был одним из тех воинов-дзержинцев, кто бросил знамена и штандарты поверженного врага к подножию Мавзолея. Такими разными были два его памятных парада: в 41-м — сурово-мужественный, настраивающий на решительный бой, в 45-м — празднично-бодрящий, вдохновляющий на добрые дела в мирной жизни...

Службу он не оставил — до осени 47-го находился в строю ОМСДОНА, а после перешел в органы внутренних дел. Дослужился до майора. Всю жизнь посвятил войскам и органам правопорядка, Леонид Пантелеевич Сулов всегда помнил, что эти два слова — «правопорядок» и «порядочность» — одного корня.

**Майор Александр ТАРАСОВ,
лауреат премии
Союза журналистов России**

Судьбы

Когда город Екатеринбург отмечал свое 275-летие, с газетных полос не сходили имена почетных горожан. Но, как говорится, трубами славы воспеты не все. Поэтому мой рассказ о тех, кто не попал в почетный реестр, но кто тоже оставил в жизни индустриального центра Урала свой след. Чья судьба, к тому же, так или иначе связана с внутренними войсками.

СТАРШИНА ИЗ ОМСДОНА

Солдат службу не выбирает. Правда, при призыве желание новобранца в какой-то степени учитывается. Вот и выбрал для себя Ваня Ничков, житель старинного уральского города Чердынь, вчерашний первокурсник Пермского госуниверситета, морскую пограничную охрану. Бескозырка, тельняшка, соленый ветер в лицо... Кто из юношей нашего довоенного времени не грезил морем?! Но судьба распорядилась иначе, и в конце 1939 года красноармеец Ничков начал службу Отчизне в Ростове, в мотострелковом полку войск НКВД. И привезли тогда уральских парней в недавно «освобожденный» город Белосток, входивший до того в состав панской Польши.

С тех пор, шутка ли, почти шесть десятилетий минуло, но

прочно засели в памяти Ивана Федоровича непохожие на российские дороги, островерхие черепичные крыши древнего города, недружелюбие польской части населения да мрачные своды Николаевских казарм, где разместились полк. И еще одна деталь, о которой он сегодня вспоминает с улыбкой:

— Стою я как-то на посту возле склада с боеприпасами. Вижу на стене надпись, сохранившуюся довольно четко: «Здесь нес службу улан полка Его Императорского Величества рядовой Ивановъ. 1912 годъ». Выходит, и при цареватюшке встречались грамотеи, желающие хоть таким образом увековечить свое имя...

Вскоре после окончания финской войны, 26 марта 1940 года, артиллерийский дивизион, где уралец служил разведчиком-наблюдателем, реорганизовали в

батарею, которую направили в Брест. Но двенадцать бойцов из ее состава откомандировали в Москву. В их числе оказался и Ничков.

— Еще в Белостоке подружился я с Колей Коноваловым. Он был тоже уралец, родом из города Ирбита. Ну а в армии землячество — великая сила, — говорит Иван Федорович. — В общем, с Николаем мы потом служили вместе «до звонка», демобилизовались, вернулись в родные края, поступили в Уральский индустриальный институт, окончили один факультет. Со временем Коновалов станет кандидатом технических наук, лауреатом Государственной премии, заслуженным изобретателем СССР. Но все это будет потом. А тогда... На Белорусском вокзале столицы нас встретили, и вскоре мы очутились в Покровских казармах, на

ДОСТОЙНЫ УВАЖЕНИЯ И ПАМЯТИ

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

зимних квартирах 3-го мотострелкового полка дивизии особого назначения имени Феликса Дзержинского.

Ничкова и Коновалова поначалу определили в четвертую стрелковую роту, которой командовал старший лейтенант Александр Иванович Сережников (по словам Ничкова, очень общительный, но без намека на панибратство командир, грамотный офицер). Пройдет много лет, прежде чем узнает Иван Федорович, что в октябре сорок третьего его бывший ротный, не без труда добившись направления в действующую армию, погибнет при форсировании Днепра, будет посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а одной из улиц Чернигова присвоят его имя.

— Прекрасно помню я и командира нашего полка полковника Забалуева, — говорит Иван Федорович. — Волевой, умелый офицер, к тому же с академическим образованием, что в ту пору встречалось нечасто. Забалуев принадлежал к числу тех командиров, чьему девизу «Делай, как я!» неизменно стремился следовать весь личный состав. Никогда не забуду тактического занятия, которое прошло у нас летом сорокового года. Семидесятикилометровый переход с полной выкладкой — это вам не фунт изюму. Тут молодому-то человеку нелегко, а каково тем, кому за сорок?! А Забалуев не только шел вместе с нами, он и поддерживал, и подбадривал подчиненных на марше.

Или вот еще случай. Хозяйственная рота на физзарядке. Один из поваров, этакий увалень, никак не может перемахнуть через коня. Проходивший мимо Забалуев подошел к виновато моргающему повару, затем к гимнастическому снаряду, хлопнул отполированную до блеска кожу и сказал:

— А ну-ка, смотри...

Затем подошел к бойцу:

— Сынок, соберись с духом! Одолеешь — поедешь в отпуск.

И ведь тот прыгнул. И отпуск получил!..

В стрелковом подразделении красноармеец Ничков провел девять месяцев. Как и все, раз в неделю заступал в караул, нес службу по охране правительственных объектов. Доводилось охранять здание ЦК ВКП(б). Прошел почти все посты в здании Наркомата внутренних дел на Лубянке.

Осенью сорокового в полку развернули артиллерийскую батарею, и Ничков с Коноваловым оказались в ней. Иван — разведчиком, а Николай — наводчиком. Начались упорные тренировки.

22 июня 1941 года дивизия собиралась отмечать свою очередную годовщину. А тут война.

— Помню, что у выступавшего на митинге комиссара нашего полка Костоусова в конце речи спазмы перехватили дыхание. Мы все разом посуровели, поняли, что испытания предстоят тяжелые.

Вся дивизия, а она негласно считалась военным резервом ЦК ВКП(б), целиком в боях не участвовала. Но некоторые части, подразделения, в том числе и артиллеристы, порошу понюхали изрядно. Сначала на дальних подступах к Москве, уничтожая отдельные группы просачивавшихся гитлеровцев, а потом в серьезных схватках под Малоярославцем, Зеленоградом, Звенигородом, Истрой...

— В истории Московской битвы октябрь был особенно напряженным месяцем, — вспоминает Ничков. — 14-го числа нас подняли по тревоге. Из Реутова своим ходом двинулись в столицу. Батарея заняла позицию неподалеку от Плехановского института. Орудия не расчехляли. Погода мерзкая — слякоть. В городе грязь, кругом кучи неубранного

мусора. На запад через Москву идут войска, а им навстречу по улицам гонят гурты скота. Шум, гам, неразбериха... На середину октября приходится, пожалуй, пик паники. Разного рода руководители бежали на машинах, в городе активизировались враждебные элементы, начались грабежи магазинов. Так что работы по наведению порядка и пресечению паники у нас было больше чем достаточно...

Сентябрь сорок второго артиллеристы Дзержинки встретили на Западном фронте. В оборонительных боях старший разведчик батареи Иван Ничков заслужил свою первую фронтную награду — медаль «За боевые заслуги». Через месяц пушкарей отозвали обратно в Москву, но не прошло и года непростой столичной службы, как походная труба вновь сыграла им «сбор». На этот раз путь лежал на Волховский фронт, в район печально известного Мясного Бора, где в сорок втором трагическая участь постигла 2-ю ударную армию.

На левом берегу Волхова на пятатке до января 1944-го занимала активную оборону артчасть, получившая после окончания боев почетное наименование — 1-й артиллерийский Новгородский полк НКВД. Старший сержант Ничков воевал в нем в новом для себя качестве — командиром взвода боепитания.

— Это была наша последняя вылазка на передовую, — рассказывает Иван Федорович. — Больше артиллеристов войск НКВД на фронт не посылали, хотя снайперы из мотострелковых частей дивизии Дзержинского не раз откомандировывались на войну и уничтожили в общей сложности более девятистот гитлеровцев...

По возвращении в Реутово они не ели хлеб даром: со всеми вместе несли патрульную службу, охраняли важные правительствен-

ные объекты, поддерживали порядок в столице.

Испокон веков дзержинцы участвовали во всех военных парадах на Красной площади. И не случайно, что честь представлять дивизию на параде Победы 24 июня 1945 года выпала и арtpолку, а значит, и старшине Ничкову.

В сорок шестом демобилизованный дзержинец переступил порог Уральского индустриального института. Два года проучился на металлургическом факультете, и вдруг вызов к ректору:

— По решению правительства у нас организован новый факультет — физико-технический. Родине требуются инженерные кадры для зарождающейся атомной промышленности.

Вот так бывший энкавэдэшник, а с ним еще тридцать один студент, в основном фронтовики, стали первопроходцами в этом ответственном деле.

Быстры, как волны, дни нашей жизни... В пятьдесят первом году получил Иван Федорович новенький, еще пахнувший типографской краской диплом. А дальнейшую свою судьбу связал с родным институтом (ныне это Уральский государственный технический университет). Старший преподаватель, доцент, профессор, проректор по учебной работе. Он и сегодня, несмотря на свои «далеко за семьдесят», в строю — доктор технических наук, профессор кафедры редких металлов, заслуженный деятель науки и техники России, продолжает готовить кадры для отечественной атомной промышленности. А, как сам выражается, «для души и сердца» возглавляет еще и университетский совет ветеранов войны, труда и Вооруженных сил. Когда я спросил, откуда черпает свою неугасимую энергию, Иван Федорович ответил:

— Это все заложено в юности.

Армия сделала из меня человека, закалила нравственно и физически. За те семь лет службы в войсках НКВД я получил правильное представление о жизни, четкую ориентировку в ней. Я научился не чураться любой, даже самой непрестижной работы, ведь белоручек у нас не любили. Не было у нас и пресловутых неуставных отношений, а по сути — казарменного хулиганства. Наоборот, старослужащий, вроде дядьки, опекал новобранца, передавал ему свой опыт. В общем, учили защищать Родину, не щадя живота своего. Об этом я говорю студентам, призывникам. А в 95-м, после парада, посвященного 50-летию Победы, говорил солдатам родной дивизии...

СЕРЖАНТ ОМСБОНА

ОМСБОН — отдельная мотострелковая бригада особого назначения. Эта аббревиатура многое говорит ветеранам войны. И особенно моему земляку Евгению Петровичу Якунину, единственному в Екатеринбурге ее бывшему бойцу, отмеченному памятным знаком «50 лет ОМСБОН».

Ядро того единственного в войсках НКВД, да и в самой Красной Армии, подразделения, созданного при горячей поддержке ЦК ВЛКСМ, составляли несколько сот спортсменов. Это были в основном воспитанники «Динамо», студенты и преподаватели Московского института физкультуры. Практически все они влились в бригаду добровольцами. В их среде было много ярких дарований — чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира, чьи портреты в довоенную пору не сходили с газетных полос. Это и прославленные мастера кожаной перчатки Н.Королев и Е.Огуренков, бегуны братья Серафим и Ге-

оргий Знаменские, борец А.Мазур, велогонщик В.Дайреджиев, гребец И.Рогачев, дискобол А.Исаев и многие-многие другие.

Как же оказался в такой замечательной компании девятнадцатилетний воронежский слесарь Женя Якунин? Да в общем-то довольно просто. Незадолго до начала Великой Отечественной он по путевке комсомола отправился в борисоглебский аэроклуб. Там-то и застала его война.

«Надо проситься поскорее на фронт, а то пока тут проучишься, боевые действия и закончатся», — так размышлял Евгений, и примерно с таким, чуточку наивным по содержанию рапортом обратился к начальнику аэрошколы. А тот, как ни странно, отпустил несостоявшегося военлета назад, в родной Воронеж.

В военкомате, куда Якунин обратился по прибытии, с ним провел беседу секретарь райкома комсомола: «Ты рвешься на фронт? Одобряю. Приходи завтра в обком, подыщем дело по тебе».

— Послушай, Якунин, ты парень ладный, крепкий. К тому же играл в хоккей за свой завод, входил в сборную района по волейболу, — начал их встречу заведующий военно-спортивным отделом обкома ВЛКСМ. — А в Москве создается особое подразделение. В него отбираются смелые, физически крепкие ребята. Ты по всем статьям подходишь. Это все, что пока могу тебе сообщить. Да, вот еще что... Туда зачисляются только добровольцев.

— Я согласен! — не раздумывая ответил Евгений.

В погожий августовский день 1941 года у ворот динамовского стрельбища, расположенного на окраине столицы, остановилась группа из двадцати пяти воронежцев. Там уже полным ходом шло формирование бригады.

— Я был зачислен в 1-й мото-

стрелковый полк сначала автоматчиком, потом стал командиром минометного расчета, — вспоминает Евгений Петрович. — Освидетельствовал мою пригодность к воинской службе полковой врач Г.Знаменский. Гоняли нас с подъема и до отбоя в хвост и в гриву. Усиленно изучалось также подрывное дело. Но мы старались, да и шутка ли — рядом с тобой до седьмого пота вкалывают Щербаков, Огуренков, Шатров, Правдин... Мы, вчерашние мальчишки, смотрели на этих людей как на богов.

В ОМСБОНе к тому же говорили так, перефразируя А.В. Суворова: «Каждый солдат должен знать только свой маневр». Помню, в полку было немало красноармейцев и младших командиров, старавшихся как можно отчетливее выговаривать русские слова. Чувствовалось — иностранцы. Но кто такие, откуда, почему и зачем? Спрашивать — упаси Господь! Только много лет спустя, прочитав книгу «Бойцы тихого фронта», которую написал бывший комиссар нашего полка болгарин Иван Винаров — разведчик-профессионал, сражавшийся еще в Испании и затем выполнявший ответственные поручения в странах Европы и на Дальнем Востоке, — я узнал, что за полк был наш 1-й мотострелковый. Оказывается, Исполком Коминтерна предложил ЦК ВКП(б) в составе создающейся бригады особого назначения сформировать интернациональный полк. В него Георгий Димитров стал направлять политэмигрантов, которые обрели в Советском Союзе вторую родину и благополучно пережили 37-й, 38-й годы.

Первоначально наш полк насчитывал около тысячи человек. В него входили триста испанцев (в том числе сын Долорес Ибаррури — Рубен, павший смертью

храбрых под Сталинградом и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза), более сотни болгар, много австрийцев, французы, итальянцы, финны, чехи, словаки, поляки, венгры, югославы, румыны, греки, немцы и даже шестеро вьетнамцев.

В октябре-ноябре сорок первого единственной задачей ОМСБОНа было участие в обороне Москвы. А уж потом, когда под ударами Красной Армии германский «блицкриг» начал превращаться в «блицкрах», появились новые. Бригада численно выросла вдвое, превратилась в одну из главных баз по подготовке и засылке во вражеский тыл разведывательных групп, в подлинный центр координации партизанского движения.

Но вернемся в сорок первый. Участок фронта, занимаемый бригадой, был невелик — всего около тридцати километров. Но он включал в себя часть и самой столицы. Передняя линия фронта в то время проходила у подмосковных деревень Химки и Бабушкино, а тыл упирался... в стены Кремля. В полосу обороны ОМСБОНа входили Большой театр, Дом Союзов и все государственные и общественные здания по Ленинградскому шоссе.

Свой первый бой сержант Якунин принял 15 октября в районе Волоколамска, неподалеку от позиций панфиловцев, стоявших чуть левее, за лесом. На своем участке батальон омсбонцев сумел остановить немцев. Потери были немалые. Через два дня уцелевших бойцов отвели на отдых и переформировку. Якунин же в составе тридцати лыжников был заброшен во вражеский тыл сперва под Козельск, а потом под Клин.

— Минировали дороги и мосты, уничтожали мелкие группы противника, склады боеприпасов и горючего, громили обозы. — В

общем, занимались самой обычной диверсионной работой. — поясняет Евгений Петрович и добавляет: — Командиром нашей группы был старший лейтенант Михайлов, чемпион СССР по плаванию, а моим взводным — бывший преподаватель института физкультуры Чикин. Михайлов вскоре погибнет, а вот с Чикиным я увижусь спустя десятилетия на встрече ветеранов бригады в 1974 году...

Зимой сорок второго сержант Якунин готовился к очередному рейду в тыл врага, а очутился... в Свердловске, в межкраевой школе НКВД. Полковник Винаров направил на учебу в ней, кроме Евгения Петровича, еще пятнадцать своих бойцов.

Через три месяца лейтенанта Якунина переправили через Ладожское озеро в осажденный Ленинград. Он стал оперуполномоченным Смольнинского райотдела НКГБ. 13 мая 1943 года в дом, где размещался отдел, угодила бомба. Якунин чудом остался жив, но был серьезно контужен.

После войны служил на Сахалине, затем в Свердловске. Уволился капитаном госбезопасности. Было это сорок лет назад. Сразу же стал работать на заводе резино-технических изделий помощником директора по гражданской обороне. И так до конца восьмидесятых, пока...

— Пока не шандарахнуло меня, — с грустной улыбкой замечает Евгений Петрович. — У войны руки длинные: контузия напомнила о себе, выбила из седла. А то ведь все последние годы был членом президиума райкома ДОСААФ, секретарем совета ветеранов войны, начальником оборонно-спортивного оздоровительного молодежного лагеря по подготовке допризывников... Сегодня я командую только внуком, — вздыхает ветеран. — Он ходит в секцию

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

самбо и собирается стать летчиком.

Что ж, и то дело. Жаль, правда, что ныне военно-спортивной подготовкой на государственном уровне практически не занимаются. А ведь еще древние греки говорили: народ только тогда бес смертен, когда у него растет здоровая молодежь...

ЛИСЬМО

АКАДЕМИКА ОРБЕЛИ

Если бы произошло чудо и покойный Иван Васильевич Кокарев мог посетить выставку «Эрмитаж спасенный», на которой были представлены на обзор екатеринбуржцев экспонаты в канун праздника Победы, ему не потребовалось бы выстаивать часы к билетной кассе. Больше чем уверен, что предъяви ветеран вот это письмо, и он стал бы не только почетным гостем выставки, но и оказался в эпицентре всеобщего внимания...

«Город Свердловск. Командиру дивизии войск НКВД полковнику Кокареву.

Считаю необходимым поставить Вас в известность о том, что команды майора Кучерявого и капитана Коваля прибыли 10 октября в Ленинград, доставив в полной сохранности вверенные их охране ящики с музейными ценностями Государственного Эрмитажа. Как во время погрузки ящиков, так и в пути следования и при разгрузке команды отлично во всех отношениях выполнили возложенное на них задание.

Прошу Вас передать командирам и бойцам, принимавшим участие в охране ценностей, благодарность от имени администрации Государственного Эрмитажа.

Директор академик Орбели. 11 октября 1945 года».

Это благодарственное письмо я держал в руках почти двадцать лет назад при нашей, увы, последней встрече с Иваном Васильевичем. Оно находилось среди многих других интересных документов.

Для людей старшего поколения Почетная грамота воспринималась как высокая награда, яркое свидетельство боевых и трудовых заслуг. Одна из первых, которой был удостоен Кокарев, относилась к 1925 году. 23 февраля перед строем кавалерийского эскадрона 37-го Самарского кавполка 7-й Самарской кавдивизии комэску И.В. Кокареву ее вручали от имени и по поручению ЦИК Белоруссии, «отмечая честную и преданную службу, в знак благодарности и с призывом и впредь самоотверженно охранять мирный труд трудящихся масс».

Революции шел восьмой год. И все это время Василий Кокарев был в строю. Октябрь семнадцатого запомнился ему, артиллеристу-фейерверкеру батареи трехдюймовых орудий, боями на станции Лосиноостровская. Потом — гражданская война, юг страны, самое пекло. С горсткой бойцов комвзвода Кокарев четыре дня удерживал подходы к железнодорожному мосту через Донец, потом воевал под Чугуевом, ходил в штыковые атаки под Изюмом, выбивал бежавших из Харькова.

В 1920 году в должности начальника штаба отдельного кавалерийского дивизиона он вновь убыл на фронт. Воевал, пока сыпняк не свалил. Неделю провалялся без сознания. Окончательно пришел в себя в Москве.

Неисповедимы военные пути-дороги. Едва поправившись, Кокарев получил назначение командовать эскадронами в 7-й Самарской кавдивизии. Здесь он

познакомился с командиром 39-го полка будущим Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. А в академии Фрунзе, куда его направили на учебу в 1931-м, сидел за партией вместе с еще двумя прославленными в будущем полководцами — главным маршалом бронетанковых войск П.А. Ротмистровым и маршалом артиллерии В.И. Казаковым.

Через четыре года в Свердловск в 23-ю бригаду НКВД прибыл новый комбриг. Здесь и застала Кокарева Великая Отечественная. Полки бригады, развернувшейся в дивизию НКВД, проявили себя в боях под Сталинградом, Калинином, в Румынии. Бронепоезд 85-го полка по охране железных дорог отличился, обороняя Киев.

Когда в начале пятидесятых полковник Кокарев ушел в запас, на его кителе красовались ордена Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды. Вот такой это был человек и командир, чьи подчиненные блестяще провели операцию по возвращению сокровищ Эрмитажа из свердловских хранилищ.

Русский философ Николай Федоров писал: «Музей — храм поминовения тех, кого должно и можно воскресить совокупными усилиями сынов, не забывших долга относительно отцов...» Хорошо бы, чтоб этим прониклись люди, приходя на свидание с прекрасным, чтобы в их благодарной памяти жили такие замечательные земляки, как комдив Иван Васильевич Кокарев. Они достойны всяческого уважения. И памяти.

Игорь СЕМЕНЧИК,
участник Великой
Отечественной войны

г. Екатеринбург

День памяти и скорби

Накануне очередной годовщины начала Великой Отечественной войны наш внештатный корреспондент встретился и побеседовал с участником войны ветераном-чекистом генерал-полковником в отставке Сергеем Саввичем БЕЛЬЧЕНКО.

«ВОЙНУ Я ВСТРЕТИЛ НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ...»

Родился С.С. Бельченко в 1903 году на Екатеринославщине в семье батрака. Солдатскую шинель надел в 1924 году — по комсомольскому призыву пошел служить в Красную Армию. По окончании в 1927 году Киевской военно-политической школы по распределению попал в войска ОГПУ, в Среднюю Азию. Был политруком маневренной группы, ликвидировал басмаческие банды в Каракумах, охранял госграницу на Памире.

В 1933 — 1937 гг. учился и преподавал в Высшей школе войск ОГПУ-НКВД. Затем около двух лет находился на руководящей работе в Главном управлении пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

Военная судьба Сергея Саввича резко изменилась в конце 1939 года. После присоединения к СССР западных областей Белоруссии ему предложили должность заместителя начальника только что созданного Управления НКВД по Белостокской области. В годы Великой Отечественной войны был заместителем начальника особого отдела НКВД Западного фронта, руководил организацией партизанского движения в тылу врага, после освобождения Белоруссии возглавлял республиканский Наркомат внутренних дел.

С 1953 года работал в центральном аппарате МВД СССР, командовал пограничными войсками Ленинградского округа, возглавлял Управление КГБ по Ленинградской области, а в последние годы службы, в 1956 — 1959 гг., являлся заместителем председателя КГБ при Совете Министров СССР.

— Сергей Саввич, война вас застала на западных рубежах нашей родины. Как вы там оказались и чем занимались до вторжения на нашу территорию гитлеровцев?

— В связи с подготовкой так называемого освободительного похода Красной Армии в Западную Белоруссию с целью присоединения ее к СССР меня откомандировали из войскового главка в состав специальной группы. Ее задачей являлось оперативно-чекистское обеспечение предстоящей операции.

В качестве заместителя начальника группы мне довелось принимать участие в боевых стычках с противником во время занятия нашими войсками Гродно. Затем был Белосток. Здесь-то неожиданно для меня я и был на-

значен заместителем начальника только что сформированного Управления НКВД по Белостокской области. Кто меня рекомендовал на эту должность, не знаю. Думаю, что это мог сделать заместитель наркома внутренних дел СССР И.И. Масленников. С ним мы вместе служили в войсках ОГПУ в Средней Азии, боролись с басмачеством, укрепляли пограничные рубежи на Памире. Потом наши пути разошлись. Но товарищеские отношения остались.

В Белостоке начальником у меня был Гладков, одновременно являвшийся замнаркомом внутренних дел Белоруссии. Он в основном находился в Минске, а в Белостоке появлялся наездами. Поэтому мне приходилось работать за двоих — за себя и за своего шефа. Но вскоре положение дел изменилось — меня назначили начальником УНКВД.

— Как вы думаете, почему именно вам, человеку военному, было поручено возглавить территориальное чекистское подразделение в только что присоединенной к Белорусской ССР Белостокской области?

— Сейчас трудно что-либо предполагать. Прошло столько лет. Возможно, не хватало квалифицированных кадров. Как известно, репрессии, словно коса, прошли и по чекистским рядам. А может быть, в верхах были другие соображения. Мне о них ничего не известно.

Перед самым отъездом в Белосток я был вызван на беседу к заместителю наркома внутренних дел СССР по кадрам С.Н. Круглову. Разговор носил обычный характер: оказано высокое доверие... предстоит важная работа... надемся на вас...

Однако я чувствовал себя не в своей тарелке и, уже будучи в Бе-

Группа чекистов Таджикистана (С. Бельченко — второй справа). 1932 год

лостоке, неоднократно просил наркома внутренних дел Белоруссии Л.Ф. Цанаву отпустить меня в войска. Ведь я служил в пограничных и внутренних войсках и во всех тонкостях работы оперативно-чекистских органов разбирался слабо. Но у замнаркома на все мои просьбы был один ответ: с обязанностями справляешься, а потому, сколько ни просишь, не отпустим.

— Какой была обстановка в западном приграничье накануне войны?

— Положение было очень напряженным. От границы до Белостока — областного центра — всего 70 километров. Чуть больше часа езды на автомобиле. По-

сле присоединения западных территорий сразу же пришлось вести тяжелую борьбу с националистическим подпольем, не принявшим новой власти. Проживавшие там поляки были неплохими подпольщиками и умели организовать партизанскую борьбу. А вскоре и немцы с сопредельной территории стали активно засыпать к нам в массовом порядке свою агентуру. Хочу отметить, что большую часть диверсантов нам совместно с пограничниками удавалось задерживать. Тех, кто пытался оказывать вооруженное сопротивление, уничтожали.

— А знали ли вы или, по крайней мере, догадывались о том, что гитлеровцы готовят вторжение в СССР и что в лю-

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

бую минуту может начаться война?

— Об этом нам нужно было знать по долгу службы. Естественно, мы располагали информацией, что немцы готовы на нас напасть, готовились к отражению агрессии. Гитлеровцы своих намерений не скрывали, на границе постоянно совершали вооруженные провокации, вынуждая нас давать отпор. В воздушном пространстве часто появлялись немецкие самолеты-разведчики. Но пограничникам и средствам ПВО было категорически запрещено их сбивать. Указания сверху были более чем странными — прорвавшиеся через границу группы диверсантов обезвреживать, но огнем на огонь не отвечать. Вот и думай, как тут быть.

— Но все же несмотря ни на что чекистско-войсковые операции проводились. И небезуспешно. Как вам в таких условиях удавалось их организовывать и проводить?

— Расскажу, пожалуй, только об одной из успешно проведенных нашими сотрудниками операций по ликвидации вооруженной националистической банды. Подготовились к ее осуществлению основательно. Но тут, как на грех, перед самым началом операции приехал замнаркома внутренних дел Белоруссии Духович. Видимо, для усиления. Ознакомившись с планом оперативных мероприятий, высокий гость предложил изменить расстановку сил по своему усмотрению. Но люди уже были на местах. До начала операции оставалось около трех часов, и изменить что-либо было просто невозможно. Поэтому мне, как руководителю операции, пришлось объяснять замнаркома, что его требования невыполнимы. Тогда Духович, рас-

сердившись на меня за строптивость, тут же по телефону доложил в Минск, в наркомат, что его здесь не слушают и чуть ли не игнорируют.

Однако его звонок уже не смог повлиять на ход операции. Она, к счастью, прошла успешно. Были захвачены около десятка бандитов, оружие, снаряжение и документы, подтверждавшие их связь с закордонными хозяевами.

К утру, когда операция уже была в стадии завершения, прибыл сам Цанава — нарком внутренних дел Белоруссии. Он приказал мне передать все дела Духовичу и следовать вместе с ним в Белосток. В облуправлении Цанава сказал мне, что отстраняет меня от должности начальника за невыполнение распоряжений вышестоящего руководства и переводит в заместители.

— После того как с вами обошлись так круто, что изменилось в вашей служебной карьере?

— Опала длилась недолго. В начале 41-го в чекистском ведомстве произошла серьезная реорганизация, в результате которой НКВД разделили на два наркомата — внутренних дел и государственной безопасности. Соответственно и в областных центрах вместо одного управления появились два.

Как-то вечером у меня на рабочем столе зазвонил телефон. В трубке раздался голос Цанавы. Нарком приказал завтра быть у него. Ночью ехать на машине было небезопасно. В лесах скрывалось немало националистических банд. Однако все обошлось благополучно, и утром я переступил порог наркомата, перебирая в голове вероятные причины вызова.

Цанава встретил приветливо. Поинтересовался, как доехал, не

опасно ли на дорогах, известно ли мне о разделении наркомата. Затем предложил вместе позавтракать. Стол был накрыт в смежной с кабинетом комнате отдыха. Среди закусок стояли бутылки с коньяком и вином.

После того как выпили по рюмке, Цанава без обиняков заявил, что хочет назначить меня на должность начальника Управления НКГБ по Белостокской области. Я сначала опешил. Ожидал от вызова худшего. Поблагодарив за доверие, вновь попросил откомандировать меня в войска. На что нарком тоном, не терпящим возражений, произнес: «Вопрос о твоём новом назначении уже решен. ЦК КП (б) Белоруссии дал добро». Как говорится, без меня меня женили. С мечтой о службе в погранвойсках в который раз пришлось расстаться...

— Сергей Саввич, где вас застало известие о начале войны?

— В ночь на 22 июня 1941 года наши оперативники захватили группу вражеских диверсантов при попытке перехода государственной границы. На допросе они сообщили, что утром начнется массированное наступление немецко-фашистских войск. Лаутчики были переодеты в красноармейскую форму и имели задание: вместе с отходящими частями Красной Армии продвигаться в глубь нашей территории, совершая при этом диверсионные акты — выводить из строя линии связи, взрывать мосты и дороги, уничтожать лиц комсостава, а также сеять панические слухи.

В 2 часа ночи я позвонил в обком партии и попросил срочно собрать членов бюро для важного сообщения. Уже через 15-20 минут они находились в зале совещаний. В гробовой тишине прозвучали мои слова: «Утром нач-

нется война». Тут же посыпались вопросы: не провокация ли это, на чем основаны такие утверждения? Выдержав паузу, я ответил, что все сказанное мною правда и за это я готов нести любую ответственность.

Члены бюро приняли решение об эвакуации населения, важной документации госучреждений, ценностей банка, другого имущества. А в 3 часа 15 минут начался мощный артобстрел и бомбардировка с воздуха. Однако эвакуация была так хорошо организована и проведена, что мы успели вывезти все самое ценное практически без потерь.

Гитлеровцы не стали брать Белосток с боем, а обошли его стороной. Видимо, город оказался вне направлений их главных ударов. К своим пробивались вместе с частями 10-й армии. Из окружения удалось успешно выйти и сосредоточиться в Могилеве. Здесь уже находилось все республиканское партийное и государственное руководство. Через несколько дней состоялось мое назначение заместителем начальника особого отдела Западного фронта.

— В чем заключались ваши новые обязанности?

— О деятельности военных контрразведчиков, на мой взгляд, по-прежнему написано мало и скупо. Будто бы они чуть ли не в каждом нашем бойце видели изменника или предателя. Однако это не так. Армейские чекисты были надежными помощниками и опорой военного командования всех уровней. Они успешно ограждали штабы фронтов, армий, соединений и частей от проникновения вражеской агентуры. Противодействие разведорганам противника было настолько успешным, что гитлеровцам почти не удавалось добывать достовер-

ные сведения о планах и замыслах советского командования.

— **Сергей Саввич, маршал Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» дал высокую оценку деятельности партизан в годы войны. В числе организаторов и руководителей партизанского движения он назвал и вашу фамилию. Расскажите об этой стороне вашей деятельности.**

— Еще в период отступления из Белостока я оставил в тылу противника две группы чекистов под руководством моих заместителей Сотикова и Юрина. Перед ними стояла задача — проведение разведывательной и диверсионной работы в тылу врага. Вскоре эти группы разрослись в партизанские отряды. Их смелые и решительные действия наводили на гитлеровцев ужас, сеяли в их рядах страх и панику.

Видимо, об этом стало известно в верхах. И в мае 1942 года меня назначили начальником западного штаба партизанского движения. А еще через год — заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения, возглавлял который бывший первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко.

ЦШПД был мозговым центром партизанской борьбы, координировал деятельность всех отрядов народных мстителей, действовавших на оккупированных гитлеровцами территориях.

Но партизаны не только уничтожали живую силу и технику врага. Они вели активную разведку, добывая важнейшие сведения о противнике. Так, например, народные мстители Брянщины сумели добыть ценнейшие разведданные о планах наступления фашистов на Курской дуге. Калининским партизанам удалось вы-

яснить, что в район города Холм скрытно была доставлена партия химических отравляющих веществ. Гитлеровские планы их применения против наших войск были сорваны.

— **В самом начале знаменитой операции по освобождению Белоруссии «Багратион» вы возглавили республиканский Наркомат внутренних дел. Как это произошло и кто рекомендовал вас на должность наркома?**

— В ноябре 1943 года был освобожден первый белорусский город — Новобелица, а спустя еще несколько дней — Гомель. И сразу же началось формирование республиканских органов власти. Меня вызвали и сказали, что я уже назначен наркомом внутренних дел Белоруссии. Тогда кадровые вопросы не принято было предварительно обсуждать с кандидатами на высшие должности. Вот и мне пришлось взять под козырек и безропотно отправиться исполнять свои новые обязанности.

Все приходилось начинать с нуля. Но опыт работы у меня уже был, еще по Белостоку. Белорусию неспроста называли партизанской республикой. Народные мстители, численность которых составляла более 400 тысяч человек, контролировали около шестидесяти процентов оккупированной гитлеровцами территории республики. Это обстоятельство очень облегчало работу.

По мере освобождения Белоруссии большинство партизан, вливаясь в ряды Красной Армии, продолжали громить врага. Однако в это же время в тылу наших войск стали появляться и активно действовать банды, подготовленные и оставленные немцами для подрывной работы.

Приказом НКВД СССР на меня

была возложена персональная ответственность за очищение республики от бандитизма. Для его ликвидации были задействованы все силы и средства: пограничные и внутренние войска и даже еще не расформированные некоторые партизанские отряды. Не говоря уже о сотрудниках наркомата, вынуждены были поставить всех под ружье, в том числе и технических работников.

Наши усилия увенчались успехом. К середине 1947 года практически все вооруженные банды, в том числе и уголовные, были ликвидированы. Но, к сожалению, ожесточенная борьба не обошлась без потерь. Известия о гибели наших сотрудников переживали очень тяжело. В апреле 1944 года от пуль бандитов погиб мой родной брат Петр Бельченко. Он попал в засаду во время проведения одной из чекистских операций.

— Каковы были причины перевода вас в Москву в МВД СССР в начале 50-х годов?

— После смерти И.В. Сталина в марте 1953 года произошло объединение МВД и МГБ в одно министерство. Поэтому на новом посту из двух министров — внутренних дел и госбезопасности — в республике должен был остаться кто-то один. Думаю, что первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Н.С. Патоличев предпочел кандидатуру М.И. Баскакова, возглавлявшего республиканское МГБ. Еще раньше они вместе работали в одной из областей СССР. Позже К.Т. Мазуров говорил мне, что на бюро ЦК он предлагал меня на пост министра внутренних дел БССР, но Патоличев настоял на своем. А мне пришлось уехать в Москву. Со мной побеседовал первый замминистра внутренних дел СССР С.Н. Крутлов и, так как вакантных должностей, соот-

ветствовавших моему рангу, не было, предложил возглавить 3-й спецотдел союзного министерства. Функции этого структурного подразделения были весьма специфическими. Его сотрудники занимались изготовлением оперативных документов. Иначе говоря, обеспечивая прикрытия оперработников, оформляли для них паспорта, выписанные на другие фамилии, изготавливали для негласных сотрудников всевозможные с учетом разработанных легенд удостоверения личности, дипломы, справки и т.д.

— Какое впечатление на вас произвело известие об аресте министра внутренних дел СССР Берия?

— Об этом мне стало известно на службе. В мой рабочий кабинет заглянул генерал-лейтенант А.И. Воронин (он возглавлял 6-й спецотдел) и сказал, что в Кремле арестовали шефа. Мы вышли в коридор. А там уже сотрудники шепотом передавали друг другу слухи об аресте то одного, до другого генерала. Все находились в состоянии шока. Некоторые даже сомневались: не провокация ли это?

Вскоре министром назначили С.Н. Крутлова, и разговоры о Берии улеглись.

— Как сложилась ваша дальнейшая судьба?

— Я уже говорил, что служба в пограничных была главным моим желанием. Наконец оно осуществилось. В конце 1953 года Крутлов предложил мне возглавить Ленинградский погранокруг. Я с радостью согласился. Но командовать пограничниками довелось недолго. В апреле следующего года мне позвонил председатель Комитета госбезопасности И.А. Серов и сообщил, что меня уже назначили начальником

Управления КГБ по Ленинградской области. Я пытался возражать, мол, если бы со мной предварительно переговорили, то я бы отказался от назначения. На что Серов заметил: потому и не переговорили.

Сформировав облуправление госбезопасности, я проработал его начальником до начала 1956 года. Мне повезло с кадрами. Деятельность ленинградских чекистов оценивалась нашим московским руководством положительно, что, видимо, повлияло на мое новое назначение — заместителем председателя КГБ при Совете Министров СССР.

В июле 1959 года я ушел в запас, прослужив в войсках и органах более 35 лет.

После увольнения работал в Советском комитете ветеранов войны, был членом правления обществ дружбы «СССР — Швейцария» и «СССР — Люксембург». Но годы брали свое, работать становилось все труднее. Ведь мне уже без малого 96 лет. Хотя ветераны, как известно, в запас не уходят. Вот и я по мере сил и возможностей стараюсь внести посильную лепту в пропаганду спорта — состою почетным членом общества «Динамо». Кроме того, регулярно встречаюсь с работниками российской службы безопасности, сотрудниками органов внутренних дел, военнослужащими пограничных и внутренних войск, выпускниками военных академий. Рассказываю им о боевых делах и славных традициях российских спецслужб, делюсь своим опытом и знаниями. Эти встречи помогают забыть о ветеранских недугах, дают возможность вновь почувствовать себя молодым, если не телом, то хотя бы душой.

**Беседу вел
Александр КОКУРИН**

К 200-летию со дня рождения
А.С. Пушкина

БЕССМЕРТНЕ ВЕСЕЛОГО ИМЕНИ

Ну конечно, Пушкин — «наше все». «Аукаться в потемках именем Пушкина» ныне снова особенно актуально.

Пушкин — белый свет, самый простой, очевидный и самый сложный из всех сложных. Пушкин — сама гармония и исходная солнечность мира и человека.

Однако в отношении нашего человека к Пушкину в последнее время наметилось и что-то особое; оно трудно формулируется, но попробуем.

Что там греха таить, будем откровенны: ну многие ли ныне усердно читают Пушкина? Имя — да, имя знают все. А сами произведения? Может, к юбилею что-то и прочтут; а впрочем, и сам юби-

лей идет под знаком того, что и вообще торжествовало эти десятилетия в отношении к Пушкину, да и к другим гениям. Все рылись в их биографиях, их любовях и не читали произведений. Эта настроенность широкой публики сказала даже в работе музеев. В одном из самых авторитетных экскурсоводы могли указать, где и когда висел сюртук Пушкина и к кому из дворовых девушек благоволил поэт, но не знали, что «Любимец моды легкокрылой» и «Себя как в зеркале я вижу» — строки из одного и того же стихотворения, что Арина Родионовна не могла быть с Пушкиным в Болдино и что строка «Я лиру посвятил народу своему», хотя и похожа на строки из «Памятника» и

содержит в себе любимое пушкинское слово «лира», но принадлежит Некрасову, а не Пушкину. Да и с «бытом» вышла неувязка. Говорили о ванне Пушкина и добавляли, что считали это слово вошедшим в русский язык в конце XIX века, а вот поди ж ты. Тогда как у Пушкина в «Евгении Онегине» преспокойно говорится: «Со сна садится в ванну со льдом». Причем это — из самых известных мест романа в стихах, ибо «со льдом» рифмуется с «Гарольдом» и во всех учебниках приводится как один из первых примеров составной рифмы в русской поэзии...

Вообще же при разговоре о Пушкине — письменном или устном — с третьей секунды на пятую возникает имя Натали (хотя

Пушкин куда чаще звал жену просто Наташей), и пошла писать губерния: был или не был роман с Дантесом. Будто великие стихи писал Дантес, а не Пушкин...

Все это — длинная и горькая тема, но я сейчас о другом. При нашем постыдном незнании текстов (а ведь «поэт этим и интересен!») все-таки отношение к Пушкину в народе безусловно положительное и даже эдакое радостное, веселое. При имени Пушкина у всех тотчас же улучшается настроение. Это точно подметил Блок: «Веселое имя — Пушкин...» А в последнее время к этому добавилось даже нечто как бы религиозное. Пушкин как идеал, идеальное начало...

Идеал чего? Идеал в каком смысле?

Есть вот это — трудно обозначимая аура Пушкина, которая даже при незнании текстов действует на душу.

В атмосфере ненормальной, сдвинутой жизни, в атмосфере крушения привычных светлых, положительных основ бытия наш Пушкин воспринимается как нормальный, здоровый, солнечный человек, который как бы с улыбкой, просто и ясно сразу ставит все на свои места.

Это как если бы в сумасшедший дом, в палату для самых тяжелых, где все рычат, стонут, бормочут, пытаются отвязаться от кровати, громко провозглашают себя Бонапартами, Ротшильдами, Гомерами, пришельцами из космоса и где сам врач, долго находясь среди всего этого, уже думает про себя: «Так может, они правы? Может, это я нездоров, это я сумасшедший, а эти люди и есть то, что надо?» — вот в эту палату вдруг входит человек с морозца, здоровый, пышущий снегом, паром и всей нормальной и свежей жизнью, и говорит врачу:

— Здорово, брат! Еле нашел тебя. А на улице-то как хорошо!.. А

это твои больные?.. Здрасьте, ребята! Да вы не бойтесь, я ничего...

И больные все затихают, как бы вспоминая о чем-то; а врач обнимает приятеля:

— Ну слава Богу, что ты пришел.

Врач среди больных — это каждый из нас, внутренне, втайне здоровых; а приятель с улицы — это наш Пушкин.

В нормальности, в здоровье Пушкина есть одна черта, которую вспоминают, к сожалению, реже других, а между тем именно она сейчас особенно актуальна. Это мужество. То, чего не хватает нынешним русским мужчинам. То, чего не хватает всем...

Забывают, что в жизни, в быту Пушкин был необыкновенно мужественным человеком. Он был русский дворянин не по названию только... Тут есть свои трагические, трагикомические эпизоды. Тяжело раненный Пушкин еще *стрелял* в Дантеса и — *попал*, притом хорошо попал, и если бы не пресловутая пуговица или что там было на самом деле...

Пушкин умирал мучительно и знал, что умирает. Но вел себя достойно и сам утешал окружающих. Об этом дружно говорят и В.И. Даль, дежуривший у постели, и прислуга, и прочие. Пушкин много участвовал в дуэлях, и считается, что только стреляли по нему семь раз. Один из стрелявших был близкий, милый друг Кюхельбекер. Эти пушкинские «Вильгельм, прочти свои стихи, чтоб мне заснуть скорее...» и «Так было мне, друзья мои, и кюхельбекерно, и тошно» довели Кюхлю, он потерял терпение...

Но Кюхля есть Кюхля. Он, конечно, промазал: пуля попала в шляпу Дельвига, который стоял в стороне и держал ее в руке. Но какова мгновенная реакция Пушкина: «Дельвиг, встань на мое место, здесь безопаснее!» А ведь считанные секунды назад по нему стре-

ляли, и он не знал, что промажут...

Не успев попасть «на линию» в действующей армии Паскевича, Пушкин схватил пику, вскочил на коня и помчался в сторону турок. И турки, и наши, надо сказать, опешили и не знали, что же это такое? Наконец казаки проснулись, догнали и завернули Пушкина. А то оборвалась бы его биография не в 1837, а в 1829-м.

Это духовное мужество видно и в стилистике Пушкина, особенно в прозе. Проза Пушкина необыкновенно собранна, динамична; фраза держится на глаголе — на действии. Недаром русские писатели двадцатых годов нынешнего века, ища средств для выражения динамичной и катастрофической эпохи, обратились к пушкинскому опыту. Долой длинные описания и психологизмы, да здравствует собранная пушкинская фраза!..

А стихи... Вот, например, Ленский над «загадкой» нашей жизни:

*Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.*

Точка. А что еще знает человек о своей жизни в мире этом?! Хотя... Другой бы на месте Пушкина выдал «еще один» трактат о ней в стихах или прозе. Но Пушкин есть Пушкин.

Мужество...

Как необходимо нам оно ныне. И тут наш учитель — Пушкин. Тот самый веселый Пушкин. «Вперед, к Пушкину!» — это правильный афоризм.

Но тексты, а если вернее, если по-русски — произведения Пушкина перечитайте все-таки.

Легче и — веселее станет...

Владимир ГУСЕВ,
председатель правления
Московской организации
Союза писателей России,
доктор филологических наук

Владимир КОСТРОВ

Владимир Андреевич КОСТРОВ — замечательный русский поэт, родился в 1935 году, окончил Московский государственный университет, выпустил девятнадцать поэтических книг, а также свыше двух десятков книг переводов с языков народов СССР и мира. Он лауреат многочисленных литературных премий, в том числе Государственной премии России. Только в минувшем году Костров был отмечен литературной премией им. А.Т. Твардовского и премией мэрии города Москвы.

Он является председателем Международного комитета по проведению праздников поэзии, членом Государственной юбилейной комиссии по празднованию 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

ОБЕЩАЯ ПРОЩАТЬ И ЛЮБИТЬ

Бедное сердце болит спозаранку
В горьком сознание беды
и вины.

Чудится,
будто играет шарманка
Песню
времен англо-бурской войны.
Видно, старухи не зря голосили.
Век начинался — слепое дитя.

Песня с шарманки
прошла по России,
В пьяных застольях
все жили крутя.

Стакан в стакан!
Споем, друзья,
О дальней стороне.
«Трансваль, Трансваль,
страна моя,
Ты вся горишь в огне!»

Земец и пахарь.
Купец и карманник.
И с револьвером
убойный студент.
Точка поставлена.
Умер шарманщик,
Но продолжает
играть инструмент.

Давняя музыка Родины милой,
Душу она берedit до сих пор.
Бурская пуля. Афганская мина.
Очередь из автомата в упор.

Прощай, любовь.
Прости, семья.
Погасни, свет в окне.
«Трансваль, Трансваль,
страна моя,
Ты вся горишь в огне!»

Вздрыбились нации
с именем Бога
В год Обезьяны,
а может, Змеи.
Стали уже убивать у порога
И распинать на глазах у семьи.
Снова обиды, плевки
и проклятья —
Это шарманка поет на износ.
Снятся мне душу
продавшие братья.
Каин и Авель.
Пилат и Христос.

Нальем, споем,
терпеть нельзя.
Утопим боль в вине.
«Трансваль, Трансваль,
страна моя,
Ты вся горишь в огне!»

Время гудит
над дорогой метельной,
Словно не хочет тепла и добра.
И надеваю я
крестик нательный —
Каплю надежды из серебра.

Морозным вздохом белого пиона
Душа уйдет
в томительный эфир...
Молитвою отца Серапиона
Я был допущен
в этот горький мир.
Был храм забит —
меня крестили в бане,
От бдительного ока хороня.
Теленок пегий теплыми губами
В предбаннике поцеловал меня.
И стал я жить,
беспечен и доверчив,
Любил, кутил
и плакал на износ.
Но треснул мир,
и обнажилась вечность.

Я вздрогнул и сказал:
«Спаси, Христос!»
«Спаси, Христос!»
Кругом одна измена,
Пустых словес густые вороха.
Свеченье молока и запах сена
Смешались
с третьим криком петуха.
Ликует зверь...
Спаситель безутешен,
Но верю, что не отвернется Он,
Все знающий:
кто праведен, кто грешен.
Он воронье
отгонит от скворешен...
Тяжел твой крест,
отец Серапион.

О Господи, какие цены
На смену брюк и смену вех,
На эротические сцены,
На чох и чих, на мех и смех,
На спички, соль
и кружку кваса,
На вид красивый из окна.
И лишь на фунт живого мяса
Безбожно падает цена!

Спят депутаты,
и спят депутатки.
Лунное золото капает с крыш.
Чу! Над столицей
в черной крылатке
Гоголь взошел,
как летучая мышь.

Нос крючковатый.
Глаза как у Вяя.
Веко слезою висит на краю.
Молит он, чтоб осадила Россия
Осатанелую тройку свою.

Не усидел
в своем сумрачном сквере,
В небе парит, не таясь никого.
Перекрестите все окна и двери,
Шепчут разбитые губы его.

— Плохо, видеть,
вы друг друга любили,
Мало просили «прости и спаси!»

Бричка разбита,
и лошади в мыле,
Срезало напрочь чеку на оси.
Все заברי,
только душу не трогай.
Все прокляни,
но конца не желай.
Гоголь проснулся.
Да здравствует Гоголь!
Не улетай из Москвы, Николай.

НОВЫЙ РОМАНС

Все по-прежнему:
светят окошки,
И привычно горят небеса.
И точеные плечи роскошны.
Полны чувственной влаги глаза.
В чистом поле все та же дорога,
Бесконечно бегущая вдаль,
И такая же в сердце тревога,
На погосте все та же печаль.
И в стихах моих
рифмы все те же.
И все та же в оврагах вода.
Может быть,
только реже и реже
Надо мною восходит звезда.
Так же море вгрызается в сушу.
Так же волны туги и вольны.
Но как будто бы вынули душу
Из тебя, из меня, из страны.
И покорное, слабое тело
Опустело, хоть криком кричи.
Словно некое черное дело
Совершилось однажды в ночи.

Памяти Г.В. Свиридова

Незримы и невыразимы,
Лишенные телесных пут,
Рождественские серафимы
Теперь Свиридову поют.
О тесноте земной юдоли,
Где каждый звук его зачат,
В морозном небе,
в чистом поле
Распевы горние звучат.
И хора сладкое согласие,
Мерцающее в звездной мгле,

Так внятно говорит о счастье,
Еще возможным на земле.
И как пророк в сухой пустыне,
С надеждой глядя в небеса,
Почти оглохшая Россия
Внимает этим голосам.
Молись и верь, Земля родная,
Проглянет солнце из-за туч...
А может быть, и двери рая
Скрипичный отворяет ключ.

Полон взгляд тихой боли
и страха,
Что тебе я могу обещать?
На пространстве

всеобщего краха
Обещаю любить и прощать.
Всей судьбою своей окаянной
Обещаю не прятать лица.
Обещаю любить постоянно,
Обещаю прощать до конца.

Ты в глазах у меня не седея,
Ты смеешься, беду отводя,
Вся желанная, вся молодая
В тонких линзах
из слез и дождя.
Прогони эту злость
и усталость.
Нас вдвоем и судьбе не избыть.
Все пропало, а сердце осталось,
Обещая прощать и любить.

Не обольщаясь иностранством,
Особняком в своем краю,
Вы гулким дышите
пространством,
Полоску пашете свою.
Бог в помощь вам!
Ни кровь, ни сажка
Не вытравят такой посев.
Вы —

часть знакомого пейзажа,
Его родной напев.
Пусть годы не переиначат
Вас на пути потерь и мук.
Вы сами знаете, что значат
Прямая речь и верный звук.
В нерадостной концовке века
Да будем вместе мы верны
«Самостоянью человека»
Воспетой Пушкиным страны.

Повесть

5.

Ночь ступила непроглядная. Без надежды жгли три костра в ряд: разглядеть их с большой высоты да еще в туман — дело очень даже сомнительное.

Шум самолета слышали около двух часов ночи — как раз костры запылали вовсю, заставив главных поджидающих на свету Упыря, Молотка и Стрижа отойти в сторону. Поодаль от них держались простенько одетые Фоменко с Шевчуком и несколько оперативников — «боевики».

Прошел час томительного ожидания, потом дру-

гой. В гаснущие костры больше не подбрасывали веток. Слух обманчиво притупился. Затухали, изредка вспыхивая коротким пламенем, будто пытаешься еще сослужить пользу, сигнальные огни. И они все же сработали где-то за пределом возможного ожидания, когда со стороны подлеска донеслось негромкое, даже вроде несурзное:

— Стой! Пропуск?! Волынь!

Необходимо было моментально сообразить, кто подал голос: встречающий с соседнего поста или объявившийся боевик Яремы? А тут через мгновение снова:

— Ну, выходи на ствол!

— Самбор! Погодь трохи! Ждем спереди, а ты... — Первым среагировал Шевчук, успев резко подтолкнуть Упыря, дескать, пошли, и действуй, пока «залетный» не открыл огонь. Но тот уже и сам пришел в себя:

— Емельян? Ты ль, простуда хрипастая, — встретил он пришельца восторженным возгласом и шагнул было к нему, но остановился, строго позвал: — Ну-ка, шагай сюда!

Донеслись чуть слышные шаги. Поближе к Упырю сместились Молоток со Стрижом, а по другую сторону Фоменко с поспешающими за ним молодыми оперработниками из местного райотдела.

— Где остальные? — начальственно поинтересовался Упырь, различив в нескольких шагах приземистую фигуру парашютиста.

Тот подошел ближе, выкрикнул: «Извиняй, дружка» — и мгновенно осветил лицо Упыря.

— Будь здоров! Слава Богу, свои сошлись... Надо же, по голосу меня распознал! — с явным облегчением вырвалось у Емельяна. — Пошли, Ярема ждет. Двоих хлопчиков взять разрешил. У него свои есть. Нечего, говорит, на рассвете толпиться.

— Со мной зверьники Молоток и Стриж, у них своя охрана, отсекай ее неучтиво да и не в моей власти. Пошли! — Упырь зашагал, увлекая за собой Емельяна.

Фоменко остался доволен услышанным и на ходу шепнул Шевчуку:

— Живо две-три опергруппы за нами вплотную. Предупреди, они — охранники Стрижа и Молотка. Действовать по обстоятельствам.

А у Шевчука мелькнуло: «Как этот Емельян не напоролся на кого-нибудь из засады?!» Откуда ему было знать, что посланец Яремы обязан был так подгадать, чтобы из леса выйти напрямик к костру.

Продвигались по опушке подлеска, потом стали огибать западный его край, когда начал сереть рассвет. Переговаривались:

— Ну и занесло вас...

— Куда метили, туда и сели.

— Кто сел? Самолет?

— Ты что? Мы кучно попадали. Чуток не там, где ждали. Сошлись на свой костерок. Вон светлячок мигает.

Сбоку негромко донеслось:

— Стой! Кто?

— Свои! Вольты... — отозвался Емельян. — Дружка Упырь рядом.

Через несколько минут, услышав спокойный говорок, Ярема сам шагнул навстречу поближе к заходящему костерку, бросил в него пучок веток. Ему не нужно было приглядываться ни к Упырю,

ни к Молотку, ни тем более к Стрижу — давнему своему соратнику, появление которого, как видно, и изумило, и перебило мысли. Он лишь мельком глянул на сопровождающих «боевиков», удовлетворенно воскликнул:

— Уважил, дружка Упырь! Уважил. Я опасался, что ты загнанным кобелем с какой-нибудь сучкой сюда явишься. А ты, шустряк, старую кадру извлек братьев встречать... Не обижайтесь, мы в сторонке приземлились. А то, думаю, притащит нечаянно за собой хвост мой левофланговый помощник... — Ярема глянул на восток: — Ого, светать повело. Пусть поскорей снимут с дерева парашют, застрял у нас один. Емельян укажет... Закопать амуницию надо... Лодки добыли? Тогда пошли к реке.

Упырь с Яремой и двое его охранников впереди, Молоток со Стрижом следом, за ними Шевчук с Фоменко. Замыкали цепочку четверо оперативников.

Поработать с Емельяном остались трое молодых ребят. За них у Фоменко беспокойства не возникало — мигом скрутят мюнхенца. Совсем другая ситуация сложилась здесь, в основной группе захвата. Выдай сейчас Упырь Яреме, кто сопровождает его, тот мигом приведет в действие своих бывалых стрелков, да и сам навскидку не промахнется.

На удачу достаточно посветлело, туман оказался не плотен.

— Нужно действовать, пока Упырь не сорвался, — тихо сказал Фоменко Шевчуку. — Мы с тобой берем Ярему, Упырь пособит. Двоих его боевиков повяжут наши четверо. Давай предупреди ребят и живо за мной. Я отвлеку Ярему.

Прибавив шаг и не спуская глаз с идущих впереди, Фоменко подумал: «Шмальнуть бы разом этих боевиков... и без хлопот». Он оглянулся и, увидев подходящего Шевчука с молодыми здоровыми оперативниками, обошел Молотка со Стрижом и уже в двух шагах от Яремы воскликнул:

— Дружка Упырь, левее к реке бери, а то упремся... — Он не договорил, с ходу всем корпусом сбил Ярему с ног и сам тут же навалился сверху: «Только бы удержать, не дать выхватить пистолет».

Однако головной эсбист оказался здоровее и ловчее Фоменко. В яростной злобе он рывком сбросил с себя напавшего врага, но большего сделать не смог. Подоспевший Сухарь, не дав ему подняться с земли, заломил руку назад и сдавил горло.

Рядом борьба длилась тоже считанные минуты. Было видно: отвыкли боевики от решительного отпора. Им и Яреме связали сзади руки и повели к дороге, на которой с полуночи поджидал автобус.

Ярема был настолько ошарашен стремительностью происшедшего, что никак не мог поверить в

случившееся. Озираясь, он, казалось, хотел удостовериться, был ли в самом деле рядом Упырь и что с ним.

А тот как шел, так и продолжал шагать, не пожелав присутствовать при аресте своего зверхника. Шагал, пока Шевчук не окликнул его:

— Притормоси чуток, подотстали гости.

— Веди меня вперед, прошу, не кажи на глаза Мирону сразу-то, не могу... — только и ответил Упырь.

Генерал Майструк решил встретиться и поговорить с Яремой в тот же день, едва арестованный оглядится в одиночной камере львовской тюрьмы. Времени на обработку контрразведчика имелось немного: в Мюнхене должны были своевременно получить от него первую весть.

Начальник управления пригласил присутствовать при беседе с Яремой Фоменко и Шевчука.

Отдавая распоряжение начальнику тюрьмы доставить в управление арестованного, Майструк заинтересовался, как «высокий гость» ведет себя, и услышал:

— Объект в одиночной камере, ничем себя не проявил. Сидит за столом, думает. Обед не тронул. Дважды пил воду. Что-то часто потирает руки, будто ладони у него зудят.

Ярема вошел в кабинет понурый, с выражением отрешенности на усталом лице. Однако при виде генерала за столом подтянулся (чтят, соображают, с кем имеют дело!) и остановился, не обратив внимания на предназначенный ему стул справа в углу. Он бросил взгляд в сторону сидящих на диване оперативников и будто бы слегка усмехнулся, шагнул без приглашения к приставному столику, сел на него.

— Все верно, Мирон Васильевич, будьте как дома, — запоздало указал на уже выбранное Яремой место Майструк и сам откинулся на спинку кресла.

— Я и есть дома. На Украине. А вам бы, насколько мне известно, уместнее было восседать в Кишиневе, — спокойно ответил бандеровский головной эсбист, явно настроенный на словесную дуэль, что само по себе уже нравилось генералу.

— Почему обязательно в Кишиневе? Там ваш брат хохол правит, генерал Ревенко. У нас тут — дружба народов.

— Какая дружба?! Подлющая политика угнетения. Ретивый хохол безжалостно сажает в тюрьму молдаван, в Белоруссии распоясался садист гру-

зин Цанава, в Казахстане свой российский вешатель. Куда ни кинь... И это дружбой народов провозглашается? По-моему...

— Погодите, не мешайте кислое с пресным, — остановил его Майструк. — Преступников преследуют и карают всюду.

— Да вы сами делаете из людей преступников в этих эмгэбэшных стенах! Сколько же в них сгнуло праведного люда!

— Вы и себя к нему причисляете? — навалился грудью на стол генерал.

Ярема, выждав немного, ответил:

— Дело, за которое ОУН борется, национально праведно. Мы патриоты батьковщины.

— Так и будьте ими. Только открыто, а не занимайтесь терроризмом из-за угла. Это не патриотизмом называется, а бандитизмом. Его-то мы и искореняем.

— По-вашему — бандит, а по-нашему — революционер. Ваш Ленин — революционер?

— Оставим Ильича в покое... Ответьте лучше, по какому праву лично вы безоговорочно вершили суд над людьми? И всем выносили единый окончательный приговор: «Осудить на кару смерти!»

— Кара предателям едина! А вы-то не отменили смертну казнь?

— Что значит «не отменили»? Мы — государство с избранной народом властью, утвержденными законами. А вот подпольная бандеровщина — вне закона!

— Придем к власти, будет и закон... — что-то не договорил Ярема, будто не так выразился и сразу пояснил: — Были и у нас ошибки, и немалые, поправлять вот явился...

— Мы вас поджидали.

— Я это понял, да слишком поздно.

— Очень хорошо. — Майструк снова откинулся на спинку кресла. — Тогда незачем терять время, крутить вокруг да около... Мы ведь фактически прекрасно осведомлены друг о друге. Что вам грозит за все содеянное, вы знаете. Как сохранить себе жизнь, а в дальнейшем, наверное, с вашими-то познаниями и возможностями и свободу, пояснять не требуется.

Ярему аж передернуло:

— Нет гаже возможности, чем так покарать себя, — простонал он, обхватив ладонями опущенную голову, и вдруг взмолился, перейдя на «ты»: — Слушай, осуди меня поскорей на кару смерти, краше будет душе моей. Подумать только, кто сдал меня! Упырь! Упырь с чекистами заодно! Спелись. Нашли общий язык. Что же тут не так-то? Сволочь к сволочи липнет. И меня туда же тягаете. Не-ет уж,

вы прежде посадите передо мной этого недоноска, славшего депеши Степану Бандере, а значит, и мне, болтаясь у вас на крючке!.. Послушайте, а может, все не так и я чего-то не разумею? Тащи сюда Упыря, без него продолжать разговор не стану!

Майструк внимательно и с любопытством выслушал арестованного и почти что в тон ему воскликнул:

— Да будет вам, Мирон Васильевич! Не унижайте себя. Ничего очная ставка вам не даст. Упырь без того скулит да трусит.. И не в нем, строго говоря, дело, а в вас самом. Да, да, прежде всего! Неужели вы сами не видите или делаете вид, что не представляете, какие жалкие оуновские ошметки трепыхаются на батьковщине? И потом, кого вы представлять прилетели? С вами даже самозванный центральный проводник Лемеш, и тот говорить не желает.

Было заметно, что последние слова больно заделали головного эсбиста ЗЧ ОУН, однако он моментально взял себя в руки и самодовольно ответил:

— Я и прилетел разобраться с ним. Это была моя забота — оставить его или...

— У вас есть возможность проверить правдивость моих слов: не станет Лемеш сходиться с вами. Ему уже известно, что вы по его душу едете. Едете, чтобы занять место Шухевича. Так-то вот.

— Опять этот Упырь...

— Да при чем тут он? — решил закружаться Майструк. — Давайте лучше потолкуем о ваших друзьях англичанам, укреплении вашего сотрудничества с ними, ради чего нельзя терять время. Когда они ждут от вас первых вестей?

Ярема промолчал.

— Продумайте все до завтрашнего утра. Советую, как следует обмозгуйте ситуацию. Прежде всего это вам необходимо.

Поручая Шевчуку пройтись с Яремой на утренней прогулке, и не в боксе, а вывести его в просторный тюремный двор и попытаться разговорить, Фоменко порекомендовал:

— Постарайся расположить его, заинтересовать. Думаю, он не останется безразличным при упоминании Стрижа, Хмурого и прочих, поладивших с нами... Сухаря лучше обойди. Если сам не спросит. Закинь удочку насчет англичан — почему бы ему их не нагреть. Тут проиграл, там наверстал — и живи. Пока не все еще потеряно...

Александр Агафонович встретил Ярему на выходе в тюремный двор, в глубине которого возвыша-

лась беседка по соседству с цветочной клумбой, где чернела взрыхленная земля.

— Здравствуйте, Мирон Васильевич! — как давнего знакомого, поприветствовал головного эсбиста Шевчук. Потом признался: — Предложили погулять с вами, отвлечь, так сказать, от неприятных дум.

Ярема внимательно посмотрел в лицо подосланного попутчика, ответил со взаимностью:

— Благодарствую. Только зачем же отвлекать меня? Генерал при тебе, по-моему, вчера прописал мне хорошенько подумать. А какие же могут возникнуть мысли с конвоиром под локтем?

— Так разве я конвоир?

— Оскорбился, опер...

— Старший оперуполномоченный, — живо уточнил Шевчук.

— И награды есть?

— Представили, говорят, к ордену за успешную операцию по выманиванию и захвату головного эсбиста.

— А «выманивание»-то с какого боку приптели? Приписчики! Гибель Комара и особо, разумеется, Шухевича, царствие им небесное, вынудили меня явиться сюда. Так что на орден никак не тянете. Медальку за сомнительные заслуги еще можно бы навесить. Выслужили! С помощью гниды Упыря.

— Вы вот говорите — Упырь... А Хмурый, Стриж, тот же Рысь, выдавший, кстати, постой Комара, да мало ли их... Они что, все гниды-недоноски? Между прочим, Стриж успешно преподает в институте и вышел в доценты. Наверняка профессором станет. Вот бы и вам проявить себя полной мерой, дать выход писательскому дару, например.

Насчет литературных своих увлечений распалившийся Ярема не откликнулся, его слишком задело известие о роли Рыси в печальной судьбе Комара.

Они остановились возле беседки, свежее окрашенной в небесный цвет. Ярема шагнул к клумбе и размеренным шагом обошел ее.

— Ты знаешь, кто придумал и натаскал землю для этой клумбы? — вдруг спросил Ярема и сам же ответил: — Военнопленные в сорок первом пилотками носили и ссыпали сюда земельку. Под оркестр из военнопленных же.

— Вы не сказали, кто затеял это? — заинтересовался Шевчук.

— То был не наш человек, даже и не вашей породы... Вон там, за этим каменным забором, через дорогу на холме, ты знаешь, цитадель была. Туда тогда сгоняли пленных. Сортировал их помощник коменданта Якушев Андрей, ровесник мой, с четырнадцатого года, оренбургский, помню, бывший

старший лейтенант Красной Армии. Пройдет, бывало, вдоль строя и безошибочно повыдергивает командиров, евреев, политработников. Глаз имел приметливый, нюх собачий. Наши от него тоже пострадали... Так вот он, этот Якушев, благоустраивал и этот дворик. Я бывал здесь в ту пору, своих вызволял.

— А теперь бы вас кто вызволил? — перекинул мостик Шевчук, рассчитывая перейти к разговору о том, что головному эсбисту следовало бы делать, добиваясь желанной свободы. Ответ же бандероца его прямо-таки ошарашил:

— Кто бы... а бы!.. Да я и сам, коли надо, скользну меж рук, а ты только луп-луп глазами... Пошли-ка!

Ярема обошел кустарник, потом ускоренным шагом двинулся вдоль забора и остановился у края асфальтового покрытия, указывая рукой на чугунную крышку люка, ведущего в канализационный колодец:

— Давай ломиком откроем.

— Зачем? Что, так можно уйти? — догадался Александр Агафонович.

— Запросто! Могу указать и еще две-три дыры попроще и понадежнее. И учти, что все они по пути от моей камеры до подъезда. Так что можете усиливать охрану. Только... Только незачем все это.

— Нет уж, вижу, надо позаботиться.

— Незачем, говорю! Бежать не стану. Хочу убедиться, пойдет Лемеш со мной на контакт или нет. Так что скажи своему начальству, мол, согласен я с вами на сговор. Мне надо уяснить, что к чему. А там будет видно.

— Вам теперь куда ж бежать-то? Сами утверждали: сбежать от МГБ невозможно, да и бессмысленное это занятие. Значит, отпустили, рассудят ваши же соратники, проданся нам... А предателю — смерть.

— Все верно. В противном случае где взять людей следить за каждым?

Время уходило, а удобный момент, чтобы задать самый важный вопрос, так и не наступал. И тогда Шевчук не стал юлить, а спросил напрямую:

— Когда у вас выход на связь с англичанами?

Яреме не понравилось «на связь с англичанами», потому он резковато бросил:

— Внебрачных связей я не признаю! Мой контакт с центром ЗЧ ОУН подразумеваешь? Доклад Степану Бандере?

— Прежде всего, иначе и быть не может, — поддакнул Шевчук и раскрыл карты: — Мы внимательно изучили послание Бандеры зверьникам ОУН на батьковщине и пришли к выводу: есть смысл передать его наказ о необходимости уходить

от бессмысленного террора. Ну и про союзников ваших там внятно сказано: их интересует глубокая разведка. Мы поможем вам с информацией, от которой англичане будут если не в восторге, то очень даже довольны. Орден от них заработаете.

— Я беру деньгами, — вовсе не шутливоотреагировал Ярема и вдруг заговорил совершенно о другом: — Ты знаешь, старший опер, что у тебя сейчас под ногами? Под этим асфальтом? Не ведаешь... А мне известно. Немцы в сорок втором, кажется, свезли сюда с еврейского кладбища мраморные памятники и вымостили ими, почитай, весь тюремный двор. Вы же, надо понимать, заасфальтировали потом. Такие вот дела.

Ярема неожиданно заложил руки назад, нахмурился и напрямик направился к тюремной двери.

* * *

Запланированная на утро встреча Майструка с Яремой откладывалась. Переваривая доклад Шевчука, раздумывали над тем, каким образом организовать встречу головного эсбиста с новообъявленным центральным проводником Лемешем: пусть Ярема удостоверится в нежелании того общаться с ним. При этом, разумеется, главное — исключить всякую возможность побега.

Теперь в самый раз было спросить Ярему о том, как он собирается выйти на Лемеша. Ведь в любом случае ему надо выполнять поручение Степана Бандеры, оскорбленного новой вспышкой конфронтации с ЗЧ ОУН.

Этот вопрос Майструк прежде всего и задал Яреме. Тот не замедлил с ответом:

— Я предполагал, что Упырь протоптал-таки дорожку к Лемешу. Теперь вижу — это не так. Ну и слава Богу, Упырь не ведал о постоях моих личных порученцев. Так что есть у меня, кому шнырнуть к этому заважничавшему типу. Только уговор: ни одного моего посредника потом не трогать. Они активного участия в наших делах не принимают, используются в пожарных случаях. К тому же, если кого и задействую на этот раз, то больше по вашей же надобности.

— С кем первым из порученцев свяжетесь? — спросил Майструк.

— С Лыцарем.

— Это фамилия?

— Нет, псевдоним. Так что пусть ваши помощники сряжаются, поедем к Лычаковскому кладбищу. Там рядом в переулке хатенка... Давненько я туда не захаживал. Кстати, чтоб никто из приставленных ко мне якобы охранниками и звука там не про-

ронил. При мне им в любой разговор вступать не положено!

— Они свою роль знают, — поспешил заверить Фоменко.

— Во-во! При своем генерале болтать можете, а при моем разговоре — чтоб ни-ни! Уважай мой ранг, а то загубишь дело.

— Сколько сопровождающих к вам приставить? Трех хватит?

— Двоих достаточно. Вот этих прыгучих: старшего опера и его товарища, — Ярема указал рукой не глядя.

— Этот товарищ — начальник отделения капитан Фоменко Федор Никифорович. Со всеми вопросами впредь, пожалуйста, к нему... Третьего охранника мы все-таки приставим. Это не считая прикрытия. За вами, пожалуй, и в шесть глаз не углядишь...

— Опять вы за свое! Подумайте сами, что толку, если я стану, как волк, по камере метаться? Лемеш в отрыв от ЗЧ ОУН пошел, мне это совершенно ясно. В любом случае мои действия на пользу всем. А оуновское движение и без таких, как Лемеш, не пропадет...

— Хорошо, будь по-вашему. Если все гладко пройдет, переведем вас под конспиративную крышу поближе к радисту. Завтра ваш выход на связь. Что намерены сообщать?

— То, что нароботаем нынче и завтра до восемнадцати часов.

— Тогда приводите себя в порядок. Некоторые бумаги вам вернуть, прежде всего послание Бандеры. И в путь! — завершил встречу генерал Майстрок. Затем он попросил Фоменку задержаться и, когда все вышли, предупредил:

— Подозреваю, что-то коварное задумал Ярема. Хотя... Его намерения предугадать несложно.

— Предпримем все меры, — только и сказал в ответ Федор Никифорович.

Садясь в «Победу», Ярема приметливым глазом засек в фургоне полуторки оперативников в гражданском и насмешливо заметил Шевчуку с Карпенко:

— Вы как на облаву сготовились. Поди, и пушкой у кладбища понатыкали?

— Береженого Бог бережет, — мягко отреагировал Александр Агафонович.

— Як тревога, так до Бога. Сами ж, черти, служат дьяволу, — будто про себя молвил Ярема, а когда рядом с шофером сел Фоменко и машина тро-

нулась, добавил: — С тремя ангелами-хранителями...

— Куда к Лычковскому кладбищу подрулить? — спросил шофер.

— Не доезжая до центрального входа, сворачивай налево... Я подскажу, — будто таксисту, пояснил Ярема и, вздохнув, добавил: — Батьков своих так и не навещу, видать.

Фоменко на лету подхватил:

— Почему же? Дело обладим и заглянем.

— Вы?! Со мной?! Да их кости в гробу загромыхают. Проклятье пошлют на мою голову, — вспыхнул Ярема, но вдруг утих и до нужного поворота больше не проронил ни слова.

Машину остановили у крайнего двухэтажного дома и дальше отправились пешком: впереди Ярема с возвращенной планшеткой, по правую руку от него Шевчук, а немного приотстав, переговаривались Фоменко с Карпенко. Миновали квартал, свернули за угол, вошли через калитку во двор и проворно отступили: гремя цепью и старчески хрипло гавкая, навстречу выскочил лохматый волкодав. И тут же на крыльцо выбежала бойкая, довольно пышная женщина лет сорока, шумно отогнала кобеля, и вдруг черные густые брови ее подпрыгнули вверх: признала Ярему. А тот уже направился к ней с такой приветливой мягкостью на порозовевшем лице, что, видать, позабыл об оставшихся позади чекистах:

— Нила Павловна, дорогуша! Радешенек застать тебя в прежней красе и здравии! Будь ласка, пригласи в хату.

— Прощу... Батюшки мои, проходите! И я покойна в благодати зреть тебя, — обнялась и расцеловалась она с гостем, отогнав первоначальное смятение.

Проходить в передний угол Ярема отказался — мартовская грязь на ногах. Присели в прихожей. Кивнув в сторону Фоменко с Шевчуком (Карпенко остался в сенях), головной эсбист предупредил:

— При них можно все. Где твой Трифон-то?

— На работе, где же ему быть, — заметно успокоившись, жеманно ответила хозяйка.

— Ну и ладно, — заметил Ярема. — К Лемешу нынче дорогу найдешь?

— Завтра.

— В какое время?

— Добраться надо. К утру буду.

— Обрати когда?

— Вечером к темноте и вернусь.

Ярема раскрыл планшетку, быстро полистал бумаги с машинописным текстом и передал их Ниле Павловне:

— Как никогда укрой и доставь. Поручение Кон-

сула! — вскинул он вверх указательный палец и добавил: — Пусть Лемеш назначит место встречи в ближайшие два, ну самое крайнее три дня. Пожелай ему от меня доброго здоровья на большие дела.

...В тюрьму Ярема больше не вернулся: сочли возможным перевести его на конспиративную квартиру поближе к радисту Марьяну, занимавшему комнату на первом этаже возле караулки. Для Яремы оборудовали комнату на втором этаже. Ранее она была проходная с той, где теперь содержался Упырь. Прикрыли на защелку дверь, свинтили поворотные ручки, а затем всю стену заново оклеили обоями. Таким образом, Упырь оказался в другой половине дома, занимая просторную комнату с отдельным выходом. Содержать теперешних заклятых врагов в одном месте было необходимо, пока мало-мальски не наладилась задуманная радиоигра с англичанами.

Фоменко предложил Яреме:

— Давайте отработаем текст первой вашей радиogramмы в Мюнхен. Пока сообщите, что возможно... Все равно ж не подоспеть Ниле Павловне с вещами от Лемеша.

— Дайте бумагу, ручку и предоставьте место, — с готовностью согласился Ярема, наблюдая, как Фоменко достает из кармана пиджака ключ от сейфа, кладет его на стол. Потом извлекает из другого кармана две пачки денег...

Что дальше проделывал начальник отделения, Ярема не видел. Он вцепился взглядом в сверкающий никелем ключ.

—...Так и укажите: послание передано с порученцем, обговариваем день встречи, — настаивал капитан.

— Сообразу уж... — отозвался Ярема, заметив в сейфе пистолет ТТ. И вдруг высказал неожиданную просьбу: — Дали бы мне свежие газеты. Подивлюсь, что в них брешут. — А немного погода добавил: — Еще бы ножницы, ногти запустил, совсем заскорузли.

— Ладно, поищем, — пообещал Фоменко, закрывая сейф.

— Не в службу... — подхватил Ярема, — может быть, у вашей супруги старый какой, ненужный маникюрный прибор същется. Я привык с ногтями возиться, в порядке содержать. Лемеш эту мою слабость знает.

Фоменко глянул на овальные, словно отполированные ногти Яремы и пообещал выполнить просьбу. Затем он велел Шевчуку отвести нового жильца в его комнату, ознакомить с условиями быта и дать ему просмотреть газеты.

— Плядишь, обратим в свою веру, — между прочим заключил он.

Последние слова Ярема пропустил мимо ушей, о другом размышляя. Недоуменно спросил:

— Отчего меня никто не спросил о ЗЧ ОУН, о Степане Бандере, как и что главное в нашей мюнхенской жизни? Да мало ли...

— Прежде займемся неотложным, не станем расплываться, — пояснил Фоменко. — Ну а о вашем мюнхенском бытии много чего Молоток порасскажет, кое-кто еще...

— Я и поболе всех ведаю, — справедливо и несколько щепетильно вставил Ярема.

— Не сомневаюсь, Мирон Васильевич, об этом побалакаем еще, о многом вас порасспросим... Говорю же, для нас важнее всего теперешнее ваше занятие. К тому же дает показания Стефан Дидык. Он явился с повинной. Да и разговорился другой Стефан...

— Мудрик?! Он же в Польше!

— Польские товарищи передали его нам.

— Ну да... конечно... одна контора...

В тот же день Ярема представил Фоменко текст радиogramмы в Мюнхен: «Норма плане встреча центральным не может гарантирована быть днями, подробности следующем сеансе привет Ярема». Читая и перечитывая его, Федор Никифорович сперва обратил внимание на запятую после «днями», тогда как других знаков препинания нигде не стояло. Это и понятно: не нужны они в радиogramмном тексте. И потом, кому это шлет привет головной эсбист? Англичанам? Не может быть. Тогда Консулу? Едва ли он позволит в его адрес фамильярничание. Да и сам смысл какой-то несуразный: «встреча... не может гарантирована быть днями».

Прежде чем проконсультироваться у дешифровщика, Фоменко захотелось проверить свои подозрения. Он отпечатал на машинке логично исправленный текст: «Норма плане встреча центральным возможна днями подробности следующем сеансе Ярема». И сам отправился к подопечному в его комнату.

От скрипа неожиданно открывшейся двери головной эсбист слегка вздрогнул. Перед ним лежал принесенный из дома Федором Никифоровичем маникюрный набор.

— Вот отпечатал, прочтите и подпишите бумагу, Мирон Васильевич. — Фоменко положил перед ним лист.

Прочитав содержимое, Ярема бросил взгляд на оперативного работника:

— Это не мой стиль, Консул поймет правку.

Услышанное Фоменко дословно передал в беседе с дешифровщиком, представив тому оба текста возможной радиограммы. Тот малость поколдовал над сброшенными словами и заулыбался:

— Вы, Федор Никифорович, вместе с водой ухитрились выплеснуть и эмгэбэшного ребенка.

— Какого «эмгэбэшного ребенка»? — не сразу сообразил, в чем дело, Фоменко. — Ну-ка растолкуйте.

— Что же здесь объяснять? Простой прием: смысл в начальных буквах подобранных по смыслу слов. Читайте: «... может гарантирована быть». Подчеркиваем первую букву «М», вторую «Г» и третью «Б». Получается «МГБ». Выходит — нахожусь в застенках госбезопасности, пишу под диктовку... А вы, бдительный начальник отделения, похерили секретную подоплеку. Похвально!

Всю дорогу обратно на конспиративную квартиру Федор Никифорович пытался понять, чего ж все-таки добивается Ярема. Ну, коли стремится известить центр ЗЧ о провале своей миссии, значит, лопается вся затея организовать с ним сотрудничество и ни о какой радиоигре нечего думать. Получалось, арестованный эсбист высокого бандеровского ранга стремится извлечь все возможное для своей пользы, пока чекисты строят радужные планы с его непосредственным участием. Да, пожалуй, главный расчет Яремы сводится к единственному стремлению — вывести контрразведчиков на Лемеша и убрать выскочку чужими руками. Лихо и, главное, разумно задумано. Для этой цели он не пожалел засветить верную помощницу свою, по всему видать, когда-то близкую ему и не отходившую от дел. Он, поди, злорадствует, уверенный, что эта Лыцарь утащила за собой хвост и, по меньшей мере, ориентиры подхода к Лемешу стали известны.

«Впрочем, для нас и это польза, — пришел к выводу Фоменко. — Пусть Ярема мудрует со своими посланиями в Мюнхен. Мы поглядим, понаблюдаем, сделаем вид, что все идет путем... Ведь что-то он задумал еще помимо устранения Лемеша... Что ж, посмотрим — увидим».

Вернувшись на конспиративную квартиру и не заходя в рабочий кабинет, Фоменко снова резко, как и прошлый раз, распахнул дверь в комнату Яремы, остановился у порога. Невольник преспокойно стоял возле окна, скрестив на груди руки. Занавеска, скрывающая от наружного наблюдения тюремную решетку, оказалась раздвинутой. Не говоря ни слова, Федор Никифорович сдвинул легкую ситцевую материю и вопросительно взглянул на арестованного.

— Что на меня пялитесь? — не выдержал Ярема и пошел к столу. Увидев маникюрный инструмент, вспомнил, должно быть, для чего просил принести его, и демонстративно занялся своими ногтями. Полнобпытствовал:

— Как вам удалось Комара-то накрыть? И где?

Фоменко сел за стол напротив, отвечать не торопился.

— Ну что, в самом деле, уставились? — опять занервничал Ярема, отворачиваясь. — Не хотите рассказывать, не надо.

— Почему же не сказать, пожалуйста, — отозвался наконец Федор Никифорович. — Здесь его грохнули, во Львове, на временном постое возле Стрыйского рынка. Связная указала...

— Брешешь! Его ж Рысь выдал!

— Мирон Васильевич! — с официальной вежливостью заговорил вдруг Фоменко. — Так дело не пойдет. Кончайте кренделя вертеть! Обрубим мы начатую с вами работу, прямиком под суд отправим. И давайте к этому вопросу больше не возвращаться. Понятно?

— Вполне, — тихо ответил Ярема.

— Вы сами запрашивали Упыря: кто, где, когда убрал Комара? Я ответил...

— Да, да, кажется, в Нововолынске, слышал... Я ж в Англии тогда находился, поотстал от событий.

— Нет, то было до вашего отъезда. Стефан Дидык указал нам день и даже час вашего отъезда... У нас есть возможность перепроверять вас. Не давайте повода... Сотрудничать с нами будете?

— Я, по-моему, трохи склоняюсь. Иль не видно?

— И одновременно даете знать в центр, что сидите под колпаком МГБ.

— В таком случае мы не понимаем друг друга. Вы чуеете подвох в каждом слове, знаке, а мы, может, с Консулом всего лишь начальную букву обговорили в первом слове! Зря корежите текст. Зачем самим-то вам наводить тень на плетень? — Ярема наконец оставил в покое свои ногти, не спеша поднялся и с твердостью в голосе заявил: — Судом не страшайте. Не я со смертью, она со мной заигрывает... Всею свое время.

Сказанное прозвучало с такой спокойной укоризной, что у Фоменко поневоле возникло сомнение: а и действительно, не чересчур ли он подозрителен? Однако разубеждать себя не стал, приняв единственно верное в такой ситуации решение: дать радиограмму от имени Упыря. Пусть тот сообщит о встрече Яремы, что головной эсбист укрыт в Самборе, что вывихнул, к примеру, ногу при приземлении, но уже помаленьку действует: передал Лемешу почту с посланием, обговаривает встречу в ближайшие дни.

Обдумав и вчерне набросав текст радиограммы, Фоменко успокоился, кое-где поправил депешу, которую Марьяну еще необходимо было зашифровать и в шесть вечера отстучать в эфир.

А потом предстояло отправиться за ответом к Лыцарю. Оцепление осуществляют с темнотой. Сбежать Яреме не дадут..

Однако все предостережения на этот счет оказались вроде бы ни к чему. Во дворе Лыцаря их снова встретила цепная собака, затем, как и в прошлый раз, выбежала хозяйка, еще не переодетая после поездки, и, увлекая к крыльцу, сообщила:

— Все передала, Мирон, и предложение о встрече сделала. Лемеш ни в какую! Почту взял, а повидаваться не захотел. Потом уж, чтобы отвязаться, наверное, пообещал отыскать тебя, если нужда придет.

— И все?! — посуровело лицо Яремы, готового к отказу более дипломатическому, со ссылкой на обстоятельства, но тут... Это же форменное оскорбление!

— Занервничал он, я заметила, — продолжала Нила Павловна. — Работы, сказал, невпроворот. Ну я и обратно с Семкой, он меня и доставил. — Лыцарь поднялась на крыльцо, открыла дверь с приглашением: — Проходите, гости дорогие!

— Да нет уж, нам тоже некогда. Ты мне на ухо шепни, где он торчит. На всякий случай, — и Ярема обнял хозяйку на прощание.

— Так в каком месте сховался Лемеш?

— В Рудки забрался, говорит Лыцарь. Это на полпути в Самбор. Там рядышком в Ралевке его зимний постой содержался.

«Все верно, Лыцарь ездила в Рудки, — удовлетворился ответом Федор Никифорович. — Засекли и Семку. Можно подумать, пацан какой-то. А он с бордищей седой, опирается на клюку, бывший польский офицер».

Однако голова у Яремы работала четко. Он быстро принял решение:

— Давайте помогу скрутить Лемеша, с него начнем. Однако не засвечивайте меня, иначе не верховодить вашему слуге в подполье. Думайте! Придетесь и Упыря для вида эсбистом к себе пристроить...

Предложение совпало с намерениями оперативников. Только о подобной спарке они не помышляли.

— Едва ли она состоится у Яремы с Упырем, — сразу усомнился Александр Агафонович. — Все на-

до взвесить-прикинуть, прежде чем давать добро. Рысь вон собирается занять место Комара...

— То дело другое... В общем, ближайшие дни многое определят, — подвел итоги Фоменко.

Наступила передышка. Часа по два ежедневно с Яремой занимались то Фоменко, то Шевчук. Они расспрашивали его не столько о тонкостях жизни и работы ЗЧ ОУН в Мюнхене, сколько о связях с английской и американской разведками. С захватом Лемеша решили повременить: никуда он не денется. Лыцарь знает к нему подходы. К ней теперь вхожи и Фоменко, и Шевчук.

А Ярема то ли с какой-то целью, то ли просто от безделья и бессонницы каждое утро удивлял новыми предложениями: то сводить его в ресторан, то отвезти на кладбище навестить родителей...

Отобедать в ресторане ему отказали, а на кладбище свозили и наблюдали за ним со стороны. Было трогательно смотреть, как Мирон Васильевич опустил на сырую землю и, стоя на коленях, долго молился, отвешивая усердные поклоны.

А нынче он и вовсе озадачил чекистов, пожелав поговорить с Упырем.

— Для дела, задумка возникла, — пояснил он.

— А в чем суть? — поинтересовался Александр Агафонович.

— Приведи Упыря, послушай, узнаешь.

— С чего это вы взяли командовать, Мирон Васильевич? — возразил Шевчук.

Ярема пожал плечами.

За тонкой перегородкой Упырь, конечно же, слышал весь разговор. Потому Шевчук не удивился, перейдя на другую половину дома и поднявшись в комнату Упыря, когда тот со страхом на лице замахал руками, сторонясь и шепча: «Не пойду! И не просите!»

Старшему оперуполномоченному пришлось чуть ли не силком привести Упыря к Яреме.

— Проходи, друже! Привет тебе от Марты... Теперь растолкуй, как ты залез в энкавэдэшный ошейник? И меня тянул за собой. И это после всего благого.

— Не предавал я! Это Марьян скурвился. Он сразу мог предупредить. Никто не знал, кроме него, под каким напряжением работает рация. Опер схватил его за руку, когда он вам ответил, что напряжение в сети на десять вольт выше. Оказывается, так было условлено: мол, работаю не под диктовку. А мне, курва, потом пояснил, якобы забыл сразу сообщить эту тонкость...

— Наивничаешь!.. Почему ж ты в тексте радио-

граммы условного оборота не проставил? Не получилось сразу, вклинь при следующей передаче... Нет, переоценил я твою злобу на Советы. А вернее — не вполне учел мелкую душонку твою!

Упырь сидел потупившись, не отвечал.

— Ну что же, мы оба оказались в плену, — как бы подытожил учиненный допрос Ярема. — Да это, наверное, и поделом: ослабли, пообескровились братья на батьковщине. Против них мы с тобой идти не должны. А вот англичанам, думаю, подложить порося следует. — Ярема помолчал и вновь оживился: — Может, нам сподручней вышло бы с тобой в фальшивой спарке сойтись? Я — центральный проводник, ты у меня голова службы безопасности, а? Ну и натворим мы делов, если прежде ты не грохнешь благодетеля... А развернуться можно. Помнишь, как в сорок четвертом враз против немцев повернули? А на сей раз мы бы с тобой, втихоря подготовив братьев, бросили бы их в последний, решительный бой против Советов. В подходящий момент... А? Или лучше под суд?

Как ни коробила Шевчука эта речь, все же он дал Яреме возможность высказаться до конца, внимательно наблюдая за тем и другим оуновцами и запоминая сказанное, чтобы затем все подробно записать и утром доложить Фоменко.

«Хорошо бы эти наброски завершить до десяти вечера, когда прибудет сменщик, — думалось Александру Агафоновичу. — Чтоб не заниматься служебной писаниной и дома».

И он тронул Упыря за плечо, давая понять, что встреча с бывшим зверхником окончена, путевого от нее и ожидать было нечего, пора закругляться.

— Не-ет, не хочу под суд! — крикнул Ярема вслед уходящим и еще громче добавил: — Поладим!

6.

Чуть свет Фоменко и Шевчука поднял телефонный звонок. Упавшим голосом Карпенко известил: — Беда! Сбежал Ярема. Скорей приезжайте! Дежурный по управлению за вами машину послал.

«Что за чертовщина! Как ему удалось? Там же около десятка охранников. Уснули, что ли, все разом?.. Упустили!.. Кого прошляпили?! Ужас!.. Что же теперь будет?» — роились одинаковые мысли у обоих оперативников.

Потрясенные случившимся, они и не заметили, как пронеслись по просыпающемуся городу. Карпенко встретил их во дворе, скороговоркой на ходу протараторил:

— В пять сорок двое охранников доложили мне

об исчезновении Яремы. Я бросился к нему в комнату, думая, может, недоразумение. Ан нет! Он и дверь к Упырю, замаскированную обоями, вскрыл. Я туда... — Карпенко указал рукой на ту самую дверь, что теперь пестрела обрывками обоев, и пропустил сопровождающих вперед.

Фоменко аж за голову схватился: на постели с разинутым ртом, застряв головой меж трубок кровати спинки, лежал мертвый Упырь.

Подняв с пола подушку и бросив ее на стул, Федор Никифорович коснулся холодной руки убитого и посмотрел на часы: без десяти семь.

— Через уборную ушел Ярема, доски раздвинул, — пояснил Карпенко. — Я в пять сорок...

У Фоменко сдали нервы:

— Ты!.. Пять сорок!.. За каким хреном тебя здесь с охраной оставляли?! Труп-то давно холодный, почти окоченел... Пять сорок! — Он в сердцах махнул рукой и выскочил в коридор. Рядом лестничная площадка и вход в уборную, пристроенную сбоку дома. Сунулся меж раздвинутых досок наружу и удостоверился: внизу на земле остался след от падения беглеца.

— Где находился наружный охранник? — спросил капитан у Карпенко и уточнил: — После полуночи.

— Я не проверял...

— Где тебе, храпуну! Какие меры по розыску принял, кроме доклада дежурному по управлению?

— А что же еще-то я могу? Побегали вокруг, поискали... Дежурный прислал сюда на розыск своего помощника, он прихватил милиционеров. Приметы я описал... Нужно размножить фотографию Яремы поскорее...

Резко повернувшись, Фоменко направился к телефону, а по дороге бросил Шевчуку:

— Нам с тобой, Александр Агафонович, тоже мало не покажется...

Капитан стремительно вошел в комнату и с ходу снял телефонную трубку. Но вдруг швырнул ее на стол и метнулся к сейфу, судорожно ухватился за торчащую из замочной скважины железяку — то ли отмычку, то ли подобие самодельного ключа.

Что творилось в душе Фоменко, не обнаружившего в своем сейфе ни пистолета ТТ, ни десяти тысяч рублей, знал только он, тяжело осевший на стул, бледный, с обескровленными губами. Слава Богу, в спешке беглец не тронул папки с бумагами, которые, в общем-то, сейчас ничего не значили, но среди них находились и его собственные фотографии...

Придя в себя, Фоменко отобрал подходящий для опознания фотоснимок, сунул его Шевчуку и велел немедленно везти в управление, чтобы размно-

жить для начала хотя бы в сотне экземпляров, а там... Он сам подъедет, организует рассылку.

Ухватившись за торчавшую железку и не сумев выдернуть ее из замочной скважины, Фоменко только теперь заметил на ней два стандартных отверстия под шурупы, и ему все стало ясно. Вернувшись в комнату Яремы, он сразу отыскал то, что и хотел увидеть: с оконной рамы снят металлический угольник, в коробке с маникюрным набором отсутствует короткая пилка для ногтей.

«Да неужели он ею воспользовался и сделал отмычку?... Фантастика!»

Фоменко сунул руку в карман, проверил, на месте ли ключ от сейфа, и внимательно рассмотрел его. Потом глянул на распахнутую дверь в комнату Упыря, которого уже унесли приехавшие санитары. Свеженаклеенные обои, высохнув, контурно обозначили под собой дверь. Ярема, видать, тем же оконным угольником прорезал обои и отжал защелку запора.

Проверяя содержимое сейфа, Фоменко обнаружил и еще одну пропажу: на месте не оказалось коробки с патронами для пистолета. За этим занятием его и застал телефонный звонок — настойчивый, требовательный. Капитан снял трубку и, не успев как следует представиться, услышал неприлично резкий голос генерала Майструка:

— Немедленно ко мне!

— Ну что вы заладили: «виноват да виноват»?! — Начальник управления перебил Фоменко. — Вы более чем виновны! Всех троих судить будем... если не изловим Ярему. Вас бы и сейчас следовало отстранить от работы, да ведь других-то необходимо будет посвящать в суть дела... А у нас времени не то что в обрез, его просто нет. Кроме вас к тому же некому опознать в толпе беглеца. Так что немедленно направьте Шевчука с Карпенко на поиски по вокзалам. Фотографии уже частью отправлены милиции, военным патрулям... Дожили, армию подключили на поимку проспавшего нами!.. А я вас, ротозеев, к орденам...

— Разрешите идти?

— Я не кончил!.. У Яремы, безусловно, есть надежные люди помимо Лыцаря. К ней он едва ли сунется. Проверьте состоящих на учете агентов, всех симпатизирующих ОУН, сориентируйтесь. И наладьте контакт с милицией, военной комендатурой, подключайте армейскую разведку. Побольше задействуйте розыскников... А собаку пустили по следу?

— У нас ни одной вещицы Яремы нет, а в доме всюду наследили, все залапали...

— Ну знаете ли...

След Яремы не удалось взять ни в первый, ни во второй день поисков. Военные патрули заполонили весь Львов. Строжайшая проверка велась на выезде из города. Предупредили свою агентуру не только оперативники МГБ, но и милиция.

Марьян на очередном сеансе связи телеграфировал: «Центральный взял почту встрече Яреме отказал нога его поправляется Лемешу намерены принять меры Упырь».

Отправлять весть за подписью головного эбиста не стали из-за опасения выдать себя. Всякую тонкость на этот счет мог заранее обговорить Ярема с Консулом.

Вечером во Львовское управление прикатила комиссия из Киева и начала расследование «по поводу преступной халатности оперативных работников, упустивших из-под ареста матерого государственного преступника Мирона Матвиейко», благодаря чему головного эбиста ЗЧ ОУН не только избежал справедливого наказания, но и «получил возможность продолжать вместе с англо-американской разведкой подрывную работу против СССР».

Смысл этой формулировки и лег в приказ начальника Львовского управления об отстранении от работы Фоменко Ф.Н., Шевчука А.А. и Карпенко В.А. Чувствовалось, суровое наказание постигнет и начальство повыше «за самоустранение от служебных обязанностей и слабый контроль в деле государственной важности».

...На третьи сутки вера в неизбежность скорой поимки Яремы заметно поослабла. Обшарили, казалось, все, где только мог укрыться оуновец, — безрезультатно. Ярема как сквозь землю провалился. Впрочем, с оружием и огромными деньгами в кармане да при его разворотливости ничему удивляться не приходилось. Львовские чекисты готовились к худшему, и вдруг...

Проще простой и в то же время необычайно поразительной, прямо-таки невероятной оказалась развязка поисков сбежавшего из неволи главного бандеровского эбиста. К тому же событие это произошло неподалеку от конспиративной квартиры — в переулочке, выходящем на Донецкую улицу. Проходивший военный патруль — сержанта с двумя рядовыми — окликнул неопрятного вида небритый мужичок:

— Ребята! Это вы меня szukaете. Ведите в МГБ, — и отдал сержанту пистолет и патроны.

Сколько же вздохов облегчения вырвалось предвечерним часом в огромном сером здании управления госбезопасности Украины! С каким особым удовольствием повторяли по кабинетам: «Это вы меня шукаете...»

Генерал Майструк распорядился немедленно доставить к нему арестованного. Тот уже находился неподалеку в секретариате, потому сразу, как ни в чем не бывало, шагнул в знакомый кабинет.

— Здравствуйте! — поприветствовал Ярема генерала и остановился в нескольких шагах от приставного столика.

— День добрый! — ответил тот, стараясь скрыть, насколько действительно добрым оказался для него сегодняшней денек. Он предложил Яреме присесть на то самое место возле стола, где принимал его в прошлый раз. Неопределенно спросил: — Что же вы так-то?

— А что не «так-то»? — вопросом на вопрос ответил Ярема. — Ушел, не предупредив? Или вернулся не вовремя?

— Вернулись-то в самый раз... Объясните прежде всего напрямую, как с вами и ради чего толковать? Так изобретательно, даже с шиком сбежали и нате — вот он я! По правде сказать, не понимаю я логики вашего поступка.

— Я просто передумал тикать: нет никакого смысла. Заляпан со всех сторон эмгэбэшными руками... Было у меня время убедиться, что основательно попотрошили вы нашего брата на батьковщине, сильно обескровили. Теперь вот самолюбцы вырвались наверх. Борются с ними, утверждать себя, отстреливаясь от вас, — не для меня.

— Где вы укрывались эти три дня?

— В сарае на горнице среди хлама... Но не потому я сдался, что ни еды не было, ни воды. Да и ногу в расчет не берите: так, пустяки — подвернулась... Главное в нынешней, а не в завтрашней повинной. — Он показал рукой на настенные часы: — Остается двадцать семь минут до сеанса связи с центром. Пропускать его на этот раз нельзя, да и Упырь больше вас не выручит. Так что давайте бумагу. Скажите только, сколько запросить мне боевиков на подмогу?

— Пятерых, думаю, будет достаточно, — прикинул генерал.

— Запрошу двадцать. «Это в его натуре», — скажет Консул.

И все же, протягивая Яреме лист бумаги, Майструк возразил:

— И половины для начала хватит. Их же ловить надо.

— Зачем ловить? Я их строю могу привести, — совершенно серьезно парировал Ярема и быстро

набросал текст продуманной заранее радиограммы. Передавая его генералу, добавил: — Мне теперь поскорее в доверие к вам надо входить, да и им там нечего рожки наедать. Не зазря же на них гроши немалые угроханы в школе диверсантов.

— А где находится эта школа? — поинтересовался Майструк.

— В замке баронессы Ган. Это между Мюнхеном и Зальцбургом...

7.

В сопровождении Фоменко Ярему без промедления доставили на конспиративную квартиру, самую малость припоздав к сеансу связи с центром. Получасовой диапазон возможного опоздания выхода в эфир позволял изучить и зашифровать текст радиограммы. Федор Никифорович ознакомился с ним перед тем, как вручить радисту:

«Лемеш встречу нагло отклонил нужно сбить гонор шлите десять братьев оружием боеприпасами прошу двести тысяч рублей поклон Гене Ярема».

Пока зашифровывали текст, Фоменко спросил Ярему:

— Что за сигнал вы подавали прошлый раз в радиограмме? Ну первыми буквами. Вспомнили?

— Надеюсь, вы не отправили тех моих вестей? — в свою очередь спросил Ярема и тут же пояснил: — Никакого сигнала там не было. «МГБ» это вы за уши притянули. Я еще сам потом дивился, как это вышло? А «привет» означало: возникли трудности, преодолю, сообщу. Медлил я объявить, что под колпаком у вас, возникли сомнения. Следовало хорошенько подумать. А тут еще плевок Лемеша... Трудная шла борьба, — постучал он себя кулаком в грудь. — Верх брала прожитая жизнь. А она — сплошные метания. Все нескладно...

— Как же вы при таких сомнениях Упыря прикончили?

— А если он сам башкой в железки залез и придавил себе дыхало?.. — отвел обвинение Ярема, и вдруг лицо его посуровело, напряженнее заработала мысль, захотелось выразиться с предельной ясностью: — Прозрение бывает хуже смерти. Жил я и жил, ослепленный иллюзиями величия. А он, Упырь, поколебал и отнял у меня веру, надежду, цель! Без него вы бы меня не достали. Двупутная погибель вышла. От одной увернулся, другую сам выбрал. Я человек дела.

Из Мюнхена отбили ответную радиограмму. Яреме без дополнительных ориентировок предложили через три дня на четвертый, полночь

встретить в том же квадрате, где он сам приземлился с группой, все запрошенное. В конце стояло: «Потребности не ограничивай Консул».

— Бандера понял, что я собрался арестовать Лемеша. Словом, проявить власть, — пояснил Ярема Фоменко. — А для такого дела он добряк. Так что кормите меня получше.

Шутку не оставили без внимания, доложили генералу. Майструк по-своему отреагировал: перевести Мирона Матвиейко на больничный тюремный паек. Ему же дали бумагу, ручку и предложили начать собственноручные показания о тонкостях отношений с англо-американской разведкой, указывая адреса и фамилии сотрудников спецслужб.

В последний день перед встречей гостей — оравы бандеровских боевиков — Фоменко с Шевчуком свозили Ярему к Днестру за село Сусолов, прошли возле трех сигнальных кострищ, потом по подлеску обогнули западный завиток леса и отыскали по обгорелым головешкам место встречи Упыря с Яремой. Днем все виделось иначе, нежели в тот рассветный час...

— Велите сдвинуться к прежним кострам. Там же ночью и запалим новые. Побольше хворосту, коряжин пусть натаскают ваши люди, а потом смиренно сидят в автобусе, — распорядился головной эсбист и пояснил: — Мы ведь видели в прошлый раз ваши сигналы, да только я внес поправку на всякий случай чуть посторониться. Мало ли что... И верно рассудил, но на беду никудышно мы вас разведали.

Прошли, казалось, все допустимые сроки, а самолет не появлялся. Встречающие оперативники и армейский заслон были с опытом и на этот раз чувствовали себя уверенно, с меньшим напряжением. Давало знать и присутствие деятельного головного эсбиста.

Самолет продолжали терпеливо ждать, дожигая остатки хвороста. Пополнять его запасы не стали: уже не видели смысла поддерживать огонь, когда часа за полтора до рассвета услышали в отдалении слабый шум винтов. Дождались!

Поярче в кострах подпрыгнули языки пламени — остатки сушняка пошли в дело.

— Проспали они, что ли?.. Явились к самому рассвету, — вырвалось в недоумении у Шевчука.

— С Кипра по-над Грецией есть маршрут, оттуда, видать, и летели. Через Румынию, уходя от пеленгации. Путь неблизкий, потому небось просчет и вышел, — делился Ярема с Фоменко.

...Спускающиеся с небольшим разбросом парашютисты хорошо просматривались на посветлевшем небе. Решено было дать всем боевикам спокойно приземлиться и беспрепятственно добратся до обозначенного заранее места встречи возле костров у леса. Но ведь их могло и широко разбросать, стало быть, не исключалось, что кто-то напорется на внешний армейский заслон...

Тишина успокаивала. А когда стала различима идущая со стороны поля к слабеющему костеру первая темная фигура, головной эсбист крикнул:

— Проходи, Волын! Я — Ярема! Живей, братья!

Один за другим собрались шесть боевиков, все как один в коротких куртках с оттопыренными карманами. Было заметно, что присутствие Яремы сняло у них пережитые страхи, волнения и тревоги. Боевики не обеспокоились даже, когда головной эсбист сказал:

— Ну-ка, что там за оружие вам выдали? Немецкие пугачи, поди... Складывайте это дерьмо сюда, берите автоматы.

Бандеровцы послушно вытащили пистолеты и, поняв жест головного эсбиста — кладите оружие перед собой на землю, — исполнили требование.

— Не волнуйтесь, братья! — тем временем настаивал Ярема. — Все прибывающие у нас проходят карантин-проверку. Я его с вами в мюнхенском лагере не успел завершить. А мне надежная гвардия нужна... Подберите парашюты и всякую всячину. Груз, что сбросили с самолета, несите на полторку...

Фоменко не прочь был пригласить и самого Ярему в фургон на полторке под надежную охрану, но удержался, только спросил головного эсбиста:

— Почему не приглашаете их в автобус?

— Как почему? — подпрыгнули брови Яремы. — Пусть почуют батьковщину, подивятся на ридну землю.

И когда строй боевиков сбивчиво зашагал по дороге, Ярема глянул на Фоменко и развел руками, говоря:

— И я трохи прогуляюсь с ними для форсу. Автобус пусть не отстает. Почин в новую судьбину нехай вытанцовывают своими ногами. Жизнь-то продолжится...

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Да, жизнь Мирона Васильевича Матвиейко продолжалась еще тридцать семь лет. Ему, чрезвычайно противоречивому человеку, главе бандеровской службы безопасности, была дарована вторая, совершенно иная половина собственной судьбы, прошедшая безвыездно на Украине. Поначалу дея-

тельность его шла тайком, а затем совершенно открыто, на людях, с семейными радостями, а больше — с неудовлетворением и даже с отчаянием.

С самого начала радиоигры Ярема вместе с чекистами действовал изобретательно и тонко, поставляя «разведывательную информацию» англичанам, кстати, целиком и полностью доверявшим головному эсбисту. В конце концов те угрохали более 400 миллионов фунтов стерлингов на обеспечение мнимой разведывательной работы ОУН против СССР!

Матвиейко слали боевиков и вооружение, крупные суммы денег для активизации «крепнущей» на Украине бандеровщины.

От доставки боевиков по воздуху вскоре отказались. Оживили былые проходы через Польшу и Чехословакию. Органы госбезопасности строго контролировали их, но, вполне понятно, не перекрывали.

Во львовскую тюрьму к головному эсбисту постоянно прибывало пополнение выпускников диверсионной школы из замка баронессы Ган. Но пришло время, и 10 мая 1955 года «в целях более эффективного использования Матвиейко М.В.» с санкции Генерального прокурора он был освобожден из-под стражи.

Вскоре на подставной явочный пункт к нему прибыли бандеровские курьеры Малысевич и Нибесный. Для них зверхник, разумеется, оставался Яремой. Некоторое время оба выполняли его поручения, но подозревая, что разработаны те органами госбезопасности. От этих курьеров стало известно о сотрудничестве ЗЧ ОУН еще и с итальянской разведкой...

Надо сказать, что Матвиейко вовсе не был покладистым исполнителем воли сотрудников МГБ. При осуществлении заданий он частенько выходил за рамки дозволенного, пытался дискредитировать действия оперативных работников, прибегал к измышлениям и клевете. Его изобличали, стыдили, но все же терпели, пока в мюнхенский центр регулярно шла обработанная чекистами «развединформация».

Однако пробил час подумать о прекращении активной деятельности Яремы. Контакт Бандеры с ним в известной степени укреплял ЗЧ ОУН, позволял мюнхенцам спекулировать перед заинтересованными разведками масштабом проводимой работы, продолжать засылку агентов. С согласия КГБ при Совете Министров СССР было принято решение прекратить оперативную игру и одновременно нанести убийственный пропагандистский удар по закордонному центру ОУН путем публичного разо-

блечения — выступления М.В.Матвиейко в печати и на радио.

В первоначально подготовленном тексте своего заявления Мирон Матвиейко пытался хоть сколько-нибудь оправдать ОУН и свое многолетнее активное участие в националистическом движении, объясняя все негативное бездарностью Бандеры, Стецко, Лебеда и других руководителей. Впрочем, и тщательно отредактированные его пространные откровения сохранили богатый разоблачительный материал. Он использован в статьях Матвиейко, опубликованных в газете «Вести с Украины»: «Про так званий визвольный фонд», «Тень Бандеры», «Долларова афера» и других.

Как и предполагалось, эти статьи и радиовыступления Мирона Матвиейко окончательно подорвали престиж украинских националистов — одной из наиболее многочисленных и активных антисоветских организаций.

В 1961 году Матвиейко с помощью КГБ получил квартиру в Киеве, которую затем обменял на другую — в Луцке. Ему помогли пройти курсы мотористов, устроили на работу, но из-за неуживчивого характера и высокомерия он нигде долго не задерживался. В каждом сослуживце и новом знакомом видел агента КГБ. Случалось, дело доходило до драки. Однажды на него даже завели уголовное дело за нанесение побоев...

В луцкой квартире Матвиейко бывал наездами, больше жил на Волыни в селе Павлово Радеховского района. Там завел семью (сошелся с Марией Семченко, дояркой колхоза, которая была на семь лет его моложе и имела троих детей. С ним она нажила еще двоих сыновей).

Необходимого трудового стажа для ухода на пенсию у Матвиейко не оказалось. Его оскорбило тридцатипятирублевое колхозное вспомоществование. Львовское руководство госбезопасности пыталось выхлопотать своему бывшему секретному сотруднику, наработавшему государству миллионы фунтов стерлингов, персональную пенсию. Но тогдашний министр МГБ Украины Федорчук не стал решать «сомнительный для себя вопрос», чем заслужил осуждение своих же сотрудников...

18 января 1988 года, незадолго до смерти, Мирон Васильевич Матвиейко в последний раз выступил по украинскому телевидению. Передача была посвящена 70-летию органов ВЧК—КГБ. Как бы то ни было, чекисты считали его безусловно причастным к службе украинской госбезопасности и отдавали дань уважения человеку, обойденному судьбой.

Поэзии, как и любви, все возрасты покорны. Несмотря на нынешнее явно непозитивное время, она живет в России повсюду, врачует души, укрепляя веру, вселяя надежду. И сегодня, в день юбилея А.С. Пушкина, мы решили отдать журнальные страницы наравне с профессиональными литераторами своим читателям, сослуживцам, о которых принято говорить — любители.

Любители — это те, кто искренне и бескорыстно любит поэтическое слово. Любит, как говорится, без всяких претензий. Любит, как, к примеру, Татьяна Викторовна Каламбет, приславшая нам письмо из подмосковного Реутова: «Двадцать лет как я работаю в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск. Военнослужащая, рядовой. Может, и стихи мои тоже рядовые. Но об этом уже судить вам. В них то, что когда-то болело, мучило меня. Если понравятся, буду очень рада, нет — бросьте в корзину, рецензировать не надо. Но, может, это покажется кому-то знакомым и понятным?..»

Мы ничего бросать в корзину не будем. Пусть не во всем совершенны строки, публикуемые сегодня, но они искренни, в них живет живое человеческое чувство, а потому и посверкивают крупички истинной высокой Поэзии.

ОТ ЯСНОГО ДНЯ ДО НЕНАСТНОГО ДНЯ

Иван БОРОДАВКО,
ветеран
Великой Отечественной войны

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Я того беспокойного времени,
Что октябрьской бурей
мир потрясло.
Из того неумного племени,
Что на том буреломе взросло.
Я познал торжества
и трагедии,
Я и жертва войны,
и вершитель побед.
Не нажив никакого наследия,
Все же в жизни
оставлю я след.
Этот след
называется причастностью
К нашей славной Победе
в великой войне,
Тем, что в годы
смертельной опасности
Встать за Родину
выпало мне.

Сержант
Илья ТЕНЯКОВ

ПОМОЛЧИ...

Помолчи, помолчи...
Что ты знаешь о жизни?
У меня ж за спиной —
сотни огненных троп.
Там, под солнцем Кавказа,
мы служили Отчизне,
Где и домом окоп,
и могилой окоп.
Нам всего лишь по двадцать,
да и то самым старшим.
Вроде рано бы нам говорить
о пути в мир иной,
Но шальную слезу
не сдержать тебе,
если на марше
Поползет под откос бэтээр
за твою спиной.
За боями — бои,
за потерей — потеря,

И пилоты «тюльпанов»
привыкли ночами не спать.
И тебе, верный друг,
о тепле и постели,
Об уюте домашнем
приходится только мечтать.
Вновь с тобой автомат,
магазин, вещмешок
и терпенье,
И вперед по горам —
до мозолей, до рваных сапог.
А надежда одна —
поскорее добраться до цели.
Да и цель лишь одна —
это отчего дома порог.

То ли день, то ли ночь —
перепуталось все,
закружилось.
Трассера вышивают узоры
на небе чужом.
И ребята по жизни идут,
словно каждый двужильный,

ПОЭЗИЯ

Будто счастье лежит
вон за тем огненным рубежом.

Дан короткий привал.
Два глотка

из нагретой фляжки.
Полчаса на обед и на сон
ты сумей разделить,
И одну сигарету на всех —
то есть по две затяжки,
И вот так день за днем —
ненавидеть, мечтать
и любить...

Но однажды пробьет
час веселый и грустный —
разлуки.

Расставаться с друзьями,
ты знаешь, всегда тяжело.
А когда ты почувствуешь
теплые мамины руки,
Снова вспомнишь друзей:
им не всем,
как тебе, повезло.

**Подполковник в отставке
Виктор ПРОДУВАЛОВ**

Склонились ивы низко —
До мраморной плиты.
На ней у обелиска
Рассыпаны цветы.

Струится запах тонкий,
А кажется, в дыму
Несет цветы мальчонка
К солдатскому холму.

Отплакав горьким плачем,
Он трет глаза свои,
В бою спасенный мальчик.
Без крова, без семьи...

Сегодня в тихом крае,
Когда грустит душа,
Все чаще вспоминаю
Бойцов и малыша.

Мир дорого оплачен —
Безмерная цена.
Победною отдачей
Вошла в сердца она...

Склонились ивы низко,
Их сон нарушить — грех.
Россия в обелисках,
Пожалуй, больше всех.

**Прапорщик запаса
Людмила РОМАНЕНКОВА**

ВОРОБЬИ

Совсем не слывет
наша улица тихой.
С утра — шумный люд,
суета, колготня.
И только в ладу
воробей с воробыхой
Живут не таясь
под окном у меня.

Им все нипочем —
и морозы, и вьюга.
Завидную верность
друг другу храня,
Живут от беспечности
и до испуга,
От ясного дня
до ненастного дня.

Слегка бестолковы,
ничуть не лукавы,
Как терему, рады
простому углу.
И все им по сердцу,
и все им по нраву,
И ветер порывистый
им по крылу.

Чирикают, вторя
весенней капели.
Гляжу: воробей
с воробыхой опять
Почистили перышки
и улетели.
Вдвоем оно, право,
грешно не летать.

**Рядовой
Татьяна КАЛАМБЕТ**

Бывает в жизни так,
что не поймешь:
Какой дорогой и зачем идешь.

Но я иду
и мысленно кричу:
«Тебя делить ни с кем
я не хочу!»
И каждый день,
и так же, как и всем,
Мне окунаться в море
из проблем.
Но лишь одно главенствует
над всем:
Я не хочу делить тебя
ни с кем!
Наступит день,
и оборвется нить,
И мне придется
все самой решить...
Я знаю —
мне судьбу не победить.
Но не хочу
ни с кем тебя делить!

**Полковник запаса
Юрий ГАЙСЕНКО**

Что за вечер сегодня в Кусково!
Словно струны, поют провода:
«Под луною ничто не ново,
Над душою не властны года».

Ах друзья, вы меня извините,
Я завидую этой поре —
Пятьдесят —
это лето в зените,
Даже если оно в октябре.

На рассвете розовом,
Роца, говори,
Светом мне березовым
Душу озари
И листвою нежную
Прикоснись к щеке,
Чтоб любил по-прежнему
В дальнем далеке.

Дом родимый вспомнится,
За холмами — Русь...
Солнечная рощица,
Я к тебе вернусь.

Встреча для вас

Он все спешит за чудесами...

Сегодня вниманию читателей журнала мы предлагаем беседу нашего корреспондента с известным музыкантом, композитором, автором и исполнителем популярных песен народным артистом России Юрием АНТОНОВЫМ.

— Юрий Михайлович, всем хорошо известны ваши песни. Однако мы очень мало знаем вас. Расскажите, пожалуйста, откуда вы родом, где учились, как стали музыкантом?

— Родился я в Ташкенте, затем наша семья переехала жить в Белоруссию. Учился в городе Молодечно. В 1964 году меня призвали в армию. Служил в части внутренних войск в Минске. Начинал в обычной мотострелковой роте. Потом руководство полка выяснило, что я имею музыкальное образование, и меня перевели в оркестр.

— Интересно, на каких инструментах вам довелось играть в полковом оркестре?

— Играл я там на тарелках, на барабанах, пытался освоить флей-

ту. Хотя музыкальную школу закончил по классу баяна и аккордеона. Но поскольку в военных оркестрах не было клавишных инструментов, то пришлось играть на ударных. Плюс ко всему принимал активное участие в полковой художественной самодеятельности. Подключил даже свою сестру, которая в то время училась в музыкальной школе. Она и пела, и сама себе аккомпанировала. Так что мои армейские будни проходили с пользой для дела.

Но через некоторое время я вновь оказался в роте...

— Извините, Юрий Михайлович, если не секрет, почему вас перевели в обычную роту с такого, скажем прямо, тепленького местечка?

— Если честно, в молодости я

был очень шустрим парнем. Иногда любил в самоволочку через забор махнуть... Вот после очередного «самохода» меня и перевели в роту.

— И все-таки какие воспоминания остались у вас о службе во внутренних войсках?

— Очень хорошие воспоминания. Знаете, нам в то время даже незнакомо было слово «дедовщина». Не говоря уже о каких-то ее проявлениях. В полку служили представители различных наций и народностей со всего Советского Союза. Среди них были и такие, кто плохо знал русский язык. Помню, мы всем коллективом помогали им, старались сделать все, чтобы они не чувствовали себя ущербными. В роте была создана атмосфера доброжелательности, взаи-

мовыручки, братства, войскового товарищества.

Вспоминаю полковую столовую. Когда заступал в суточный наряд по кухне, для меня, например, было большой проблемой мыть солдатские кружки после киселя. Ой, это страшное дело! Старшина обычно приходил, проверял и говорил, будто отрубал: «Пе-ре-мыты!». И мы снова принимались отмыывать больше тысячи кружек. Еще помню, с каким трудом отчищали котлы от остатков перловой каши. Мы ее кирзухой называли.

У нас были очень хорошие повара, особенно один казах. Такой добрый парень! Он втихаря жарил для нас свежую свининку, картошечку на сале, с лучком...

— А потом, наверное, вы все это запивали холоденьким компотом с белым солдатским хлебushком?

— Да-да, точно. Компот из сухофруктов и мягкий, еще теплый хлеб. Но все это мы получали, как говорится, за кулисами.

...Еще вспоминаю, как мне постоянно ужасно хотелось спать. Засыпал на занятиях по политподготовке в ленкомнате, в учебных классах. В свободное от службы время я забирался в нижнюю часть открытых шкафов, где висели шинели, и там дрыхнул. Старшина, бывало, бегает, ищет меня, кричит: «Де Антонов? Антонов где, я спрашиваю?» А Антонова нет. Он спит незаметно для других в укромном уголке под прикрытием шинелей.

А как забыть утреннюю физзарядку! В 6.00 звучит зычная команда: «Рота, подъем!» Вскакиваем с кроватей и с голым торсом, в галифе и сапогах выбегаем на улицу. Причем в любую погоду! Иногда, правда, пытались увильнуть от зарядки. Очень уж не хотелось, особенно в сильный мороз, бегать ранним утром по плацу. Но порядок есть порядок, и мы старались поддерживать его во всем.

— Так уж и во всем, Юрий Михайлович?

— Ну сами понимаете... Дело молодое, хотелось чего-то необычного, оригинального.

На территории части в полуподвальном помещении у нас был маленький войсковой магазинчик. Там мы впервые попробовали огуречный лосьон «Свежесть». Налили его из пузырька в стакан, разбавили водичкой, и жидкость стала белой, как молоко. Да еще и с пеной...

— Тридцать пять лет прошло с тех пор. Наверное, и фамилии сослуживцев уже стерлись из памяти?

— Конечно. Хотя... Помню командира полка Бурунова. Очень энергичный был полковник. Такой подтянутый, живой. Настоящий образец для подражания.

— Какие задачи боевой службы выполняло подразделение, в котором вы служили?

— Мы несли службу в составе встречных караулов, вместе с милицией обеспечивали охрану общественного порядка в Минске. Помню, нас даже задействовали в операции по обезвреживанию особо опасных преступников. Несколько дней сидели в лесу в засаде, блокировали район прочесывания.

— Да, вам есть что вспомнить о службе...

— В то время у нас регулярно проводились учения с выездом в поле. Ночью поднимали по тревоге, вывозили за город в летние лагеря и гоняли до седьмого пота.

Никогда не забуду, как очищал от нагара после стрельбы холостыми патронами свой «калашников». Не дай Бог, если командир отделения или замкомвзвода обнаруживал хоть каплю грязи на автомате! Это преследовалось строго по уставу.

По ночам, когда находились в летних лагерях, драпали в самоволку к девчатам из соседней деревни. Как сейчас помню: пол-литровая бутылка самогонки, луковица и краюха домашнего ржаного хлеба, сдобренная щепоткой крупной соли, стоили всего один рубль.

— А солдаты, наверное, были потенциальными покупателями?

— Безусловно! Наш приезд в летние лагеря считался для сельских жителей настоящим праздником.

— Всем известно, как сложилась ваша дальнейшая судьба после службы в армии. Вы стали знаменитым музыкантом, автором и исполнителем прекрасных песен, которые пользуются огромной популярностью не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Скажите, Юрий Михайлович, а доводилось ли посещать родной полк после того, как вы получили известность?

— Да, я был в своей части. Несколько раз выступал в солдатском клубе с шефскими концертами. Меня там даже наградили знаком «За отличие в службе» двух степеней и грамотами.

Каждый раз, когда приезжал в Минск на гастроли (а в день приходилось давать не менее двух концертов), всегда находил время, чтобы встретиться с военнослужащими внутренних войск, спеть для них.

— Раньше были очень популярны и любимы ваши песни в сопровождении вокально-инструментальной группы «Аракс». Несколько слов о сотрудничестве с этим музыкальным коллективом.

— На фирме «Мелодия» мы совместно записали две пластинки...

— Большинство произведений с этого диска вошли в двухсерийный фильм «Берегите женщин».

— Да, но не все.

— Скажите, а помимо названного телефильма, в каких еще картинах звучала ваша музыка?

— Надо вспомнить... Например, в двухсерийном фильме «Приказ». А также в картинах «Прежде чем расстаться», «Салон красоты», «Хищники», «Дураки умирают по

пятницам», «Незнакомая песня» и других.

— **Итак, после срочной службы вы остались работать в столице Белоруссии. Где и кем довелось трудиться?**

— Я продолжил работу в минской филармонии. Был музыкальным руководителем у Виктора Вуячича. Там пробыл недолго, чуть больше года. После этого, в 1971-м, уехал в Москву. Сначала выступал с ансамблем «Добры молодцы», затем были другие коллективы, в том числе и мои. Например, я работал с ними в Московском мюзик-холле, в оркестре Анатолия Крола.

— **Когда состоялась ваша первая гастрольная поездка за рубеж?**

— Первые мои сольные концерты прошли в Венгрии, ГДР и Чехословакии. В то время артисты ездили по воинским частям, которые дислоцировались на территории соцстран.

Потом несколько раз летал на гастроли в Америку. Теперь же за границу езжу не как артист, а как турист.

— **В то время, когда вы находились на вершине творческого подъема, многие ваши коллеги, известные и талантливые музыканты, популярные эстрадные исполнители, перебирались на постоянное местожительство за рубеж. Если честно, не было ли у вас мысли в середине 70-х — начале 80-х уехать жить и работать за кордон?**

— Мысли, конечно, были всякие. Но потом я как-то отошел от стремления эмигрировать из СССР...

— **И все-таки, что вас заставило остаться в Советском Союзе?**

— Может, это и банальная фраза, но скажу: заставило остаться на Родине элементарное чувство патриотизма. В отличие от других людей мне очень дорого понятие «родная сторона». Поверьте, это не пустые слова.

— **Спасибо за откровенность, Юрий Михайлович. Тогда от-**

ветьте, пожалуйста, как вам сейчас трудится «под крышей дома своего»?

— Мне очень хорошо трудится. Вы наблюдали сегодня обычный рабочий процесс. У меня приличная студия, свой дом. Конечно,

есть некоторые бытовые проблемы, скажем так, мелкого масштаба. Они, безусловно, иногда раздражают, потому что являются составной частью жизни. Но тем не менее существенных, глобальных проблем, к счастью, нет.

— **Над чем вы работаете сейчас?**

— В настоящее время я заканчиваю запись альбома певицы Светланы Алмазовой. Осталось немного доработать предпоследнюю песню. В текущем году мы наеемся выпустить этот альбом.

Продолжаю также работать над двумя своими альбомами.

— **Вы подарите нам новые песни, или же мы услышим что-то из старого репертуара?**

— Мне хотелось бы записать

старые песни, большинство из которых никогда не выходили на пластинках. У меня их много. И конечно же, снова появятся песни, которые были хитами 20—25 лет назад. На мой взгляд, альбомы должны получиться достаточно интересными.

— **Наверняка песни прозвучат в новой аранжировке?**

— Совсем необязательно. Будет новая, высококачественная запись. Люди ведь привыкли к тому звучанию знакомой песни, которое было когда-то, к ее логическим и музыкальным оборотам. Что-то переделывать, а тем более создавать новое — это уже реминисценция. Поэтому нет смысла изобретать велосипед.

— **Кто вам помогает записывать альбом?**

— В основном я все делаю сам. А из музыкантов, которые приезжают работать со мной в студии, могу назвать Володю Преснякова-старшего. Он прекрасный, душевный человек, талантливый, просто изумительный саксофонист. Мне всегда приятно с ним общаться.

Остальные ребята вряд ли знакомы широкой зрительской аудитории. Среди них гитарист Аркадий Стародуб и звукорежиссер Сергей Долгушин.

— **Мне известно, что вы любите природу, рыбалку. И домашних животных. Я вот вижу в студии собачку, кошку. Сколько их у вас?**

— У меня пять собак и десять кошек.

— **И у каждого питомца есть имя?**

— А как же! Вот, например, студийная кошка Нюся. Я ее нашел на улице под забором, она с голоду подыхала. Подобрал, выкормил. Сейчас, видите, какая здоровущая красавица стала.

Дворняга Пашка (тоже подобрал его малюсеньким щенком) так и бегаёт за мной по пятам. Я в студию — и он тоже. Я на улице — и пес тут как тут. Если б вы видели,

как он через двухметровый забор прыгает!

— Где и как вы предпочитаете проводить свой досуг?

— У меня очень мало свободного времени. Если же оно появляется, то стараюсь выбраться на отдых за границу.

— Вам приходится много разъезжать, путешествовать. Не могли бы вы вспомнить какой-нибудь интересный, смешной случай, произошедший в дороге?

— Случаев разных было много. Вот, например, один из них. Ехали мы как-то втроем на машине: поэт Наум Олев, известный в прошлом композитор, джазовый музыкант, виброфонист Леня Гарин (он, к сожалению, трагически погиб в Сочи) и я. Много-много лет назад модно было плавать на теплоходах по Черному морю из Одессы до Сухуми и обратно. И вот мы на зеленом «жигуленке» второй модели рванули в Одессу.

Дорога дальняя. Автомобиль везли по очереди. В пути неожиданно выяснилось, что я забыл водительское удостоверение в Москве. А машина была Наума Олева. Он в то время носил шикарные черные усы, которые хорошо подходили к его вьющейся темной шевелюре. Словом, полная противоположность моей блондинистой внешности. На одном из постов ГАИ на Украине нас остановил инспектор. За баранкой находился я. Наум мне говорит: «Держи скорее мои права». Подходит маленького роста старшина милиции, представляется и требует предъявить «документ». Я ему отдаю водительское удостоверение Олева. Делаю серьезный вид, а сам готов вот-вот рассмеяться. Он смотрит на фото, потом на меня и говорит: «Шо цэ такэ? Так то ж не ты». «Как не я?! — парирую. — Я это. Мы артисты, едем со съемок, грим не успел снять. Торопимся очень». Инспектор смотрит и не поймет: «Да? Шо то нэ похож. Значит, Наум, говоришь, зовут тэбя?» «Наум, Наум», —

отвечаю, а сам уже хохочу. «Ну, добра, езжайте, хлопци». — Старшина вернул права и взял под козырек.

Отъехав чуть-чуть от поста ГАИ, я остановил машину. Несколько минут мы хохотали со страшной силой, животы надорвали...

А когда возвращались обратно, после круиза, произошло следующее. Остановились переночевать в мотеле. Рано утром проснулись и отправились в Москву. Проехав километров триста (уже до Смоленска рукой подать), вдруг вспомнили, что забыли забрать паспорта у администратора мотеля. Что делать? Повернули обратно. Это, конечно, был атас!

На том приключения в поездке не закончились. У нас неожиданно поломалась машина. Долго стояли на обочине дороги, пока не подъехал водитель на самосвале, которого мы остановили и попросили помочь. Этот здоровенный мужик взял монтировку, огромный гаечный ключ и начал им орудовать в моторе. Бедный «жигуль» аж ходуном заходил. «Что ты делаешь?!» — испугались мы. «Да не волнуйтесь, щас все будет в порядке», — лениво ответил тот. Действительно, он оказался настоящим мастером своего дела и в считанные минуты починил автомобиль.

Вот такая поездка с приключениями получилась у нас в то лето.

— 22 июня весь народ бывшего Советского Союза будет отмечать очередную скорбную дату — годовщину начала Великой Отечественной войны. В вашем репертуаре есть песни «Снегири», «Маки» и другие, в которых воспевается подвиг советских воинов, не вернувшихся с полей сражений. Скажите, Юрий Михайлович, а что для вас означает День памяти?

— Для меня, как и для всех нормальных людей, это святой день. Во-первых, мой отец воевал в Великую Отечественную. Дошел до Берлина. После войны продолжил службу в армии. Дослужился до

подполковника. Я помню, как мы всей семьей в торжественной обстановке отмечали светлый День Победы. Гордились мощью наших Вооруженных сил, которые поистине были «несокружимыми и легендарными». И в этом году 9 мая я вместе с друзьями за праздничным столом поднял рюмку за живых ветеранов и за тех, кто не вернулся с полей сражений.

Во-вторых, я очень переживаю то, что наши славянские народы почему-то разъединились и считают друг друга «ближним зарубежьем». Мне приятно, что президент Республики Беларусь Александр Лукашенко первым сделал шаг к объединению наших великих народов. Ведь русские и белорусы всегда жили вместе. Чего нам делить-то? История не раз подтверждала: когда славяне ссорятся, сразу на них обрушиваются все беды и несчастья. Яркий пример тому — нынешняя агрессия НАТО против Югославии.

— Что бы вы пожелали нашим ребятам в погонах, которые продолжают выполнять святой долг перед Отчизной в столь нелегкое для страны время?

— Прежде всего крепкого здоровья, счастья, благополучия. И пожалуйста, берегите себя, мужики! Вы ведь находитесь на самом остром событии, которые происходят сейчас в нашей жизни. Не забывайте, что дома вас ждут матери, жены, любимые девушки, друзья и, конечно, дети. Помните об этом всегда.

Надеюсь вместе с вами, что государство наконец-то повернется лицом к армии, которая сегодня (чего греха таить!) страдает незаслуженно.

— Благодарю за интервью. Желаю вам всяческих успехов и новых хороших песен.

— Спасибо.

Беседовал подполковник Геннадий ШАХОВ

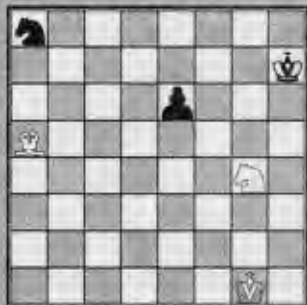
Фото автора

Пог редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Брильянты композиции

№ 26. А. и К. Сарычевы

Выигреш

№ 27. С. Лойд, 1859

Выигреш

28. Т. Горгиев, 1928

Выигреш

Брильянтами композиции называют обычно произведения с яркими, запоминающимися решениями и без утомительных анализов.

В № 26 черный конь «под арестом», и черный король спешит на выручку. **1.Ke5 Kpg7 2.Cd8 Kpf8 3.Kpf2 Kpe8 4.Ca5 Kpe7 5.Kpe3 Kpd6 6.Kpd4 Kc7.** Конь спасен? Увы, **7.Cb4X!** Мат в центре доски! Этуод опубликован в «Вечерней Москве» в 1930 году.

В миниатюре № 27 у черных беженая ладья. **1.Lc8+! Л:c8 2.Ка7! Лc1 3.Кс6+! Л:c6 4.Кр:c6 Кра7 5.Кр:c7** с выигрешем.

Секрет этюда № 28 наши читатели, надеемся, легко откроют сами.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить.

№ 29. Кра2, Ла1, Лd1, Cd4, Се6, пп. а3, f5, g5 (8) — Крс, Ch7, п. g6 (3), обратный мат в 5 ходов.

№ 30. Кре4, Фе3, Сс2, Сс7 (4) — Кре6, Cd1, Кb7 (3), кооперативный мат в 2 хода.

Короткие партии чемпионов мира

Многие из них входят в золотой фонд шахматного искусства и широко известны в шахматном мире. Публикуемая ниже партия всегда упоминается при показе тактической зоркости второго чемпиона мира.

Эм.Ласкер — В.Пирц, 1935. Сицилианская защита. **1.e4 c5 2.Kf3 Kc6 3.d4 cd 4.K:d4 Kf6 5.Kc3 d6 6.Ce2 e6 7.0—0 a6 8.Ce3 Фc7 9.f4 Ка5 10.f5 Кс4.** Черные отстали в развитии, и Ласкер эффектно это использует. **11.C:c4 Ф:c4 12.fe**

fe 13.Л:f6!! gf 14.Фh5+ Kpd8 15.Фf7 Cd7 16.Ф:f6+ Kpc7 17.Ф:h8 Ch6 18.К:e6+! Ф:e6 19.Ф:a8 С:e3+ 20.Kph1 и черные сдались.

А теперь предлагаем вашему вниманию короткую партию первого чемпиона мира, завершившуюся эффектным матом.

С.Хампе — В.Стейниц, 1859. Венская партия. **1.e4 e5 2.Кс3 Кf6 3.f4 d5 4.ed К:d5 5.fe К:c3 6.bc Фh4+ 7.Кре2 Cg4+ 8.Kf3 Кс6 9. d4 0—0—0 10.Cd2 С:f3+ 11.gf К:e5 12. de? Лучше было 12.Фe1 Фh5 13.Фg3. 12...Cc5 13.Фe1 Фc4+ 14.Kpd1 Ф:c3**

(На боевом посту, № 5, 1999)

№ 23. Крс5, Кg4, Кg7, пп. c2, e2, e3 (6) — Кре4, пп. e6, g6 (3), мат в 4 хода. **1. c4 e5 2. Kpb5 g5 3. c5! Kpd5 4. Kf6X!**

№ 24. Крb3, Се8, Cf6, Ке4 (4) — Кре6, Кb6, Кd6 (3), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. **1. Kd5 Ch5 2. Kf7 Cg4X!** **1. Kf5 Cb5 2. Kd7 Cc4X!**

№ 25. Крh6, Фа7, Лg6, Кd6, пп. b2, c5, h5 (7) — Крh8, Ка5, пп. b3, c6 (4), обратный мат в 3 хода. **1. Фе7! Кb7 2. Фd8+ К:Ф 3. Кf7+ К:f7X! 1...Кс4 2. Фе5+! К:Ф 3. Кf7+ К:f7X!**

**ПРОВЕРЬТЕ
СВОИ
РЕШЕНИЯ**

15.Лb1 Ф:f3+ 16.Фe2 Л:d2+! 17.Кр:d2 Лd8+ 18.Крс1 Са3+ 19.Лb2 Фс3 20.Сh3+ Крb8 21.Фb5 Фd2+ 22.Крb1 Фd1+! 23.Л:d1 Л:d1X!

В коротких партиях, как правило, больше поэзии, больше романтики! Поэтому они всегда привлекательнее партий, сыгранных по всем правилам теории.

Где вы, красивые партии?

Несколько лет назад наш журнал сообщал, что ФИДЕ создала комиссию по выявлению красивых партий и награждению их авторов призами. Комиссия эта получила романтическое название — «Джоконда», или «Мона Лиза». Первые призы за красоту (по 500 долларов) были вручены уже в 1998 году на Всемирной олимпиаде в Салониках. Один из них получила тогда еще 12-летняя Юдит Полгар (Венгрия) за эффектную партию с Ангеловой (Болгария).

Началось хорошо! Увы, «Джоконда» умерла в первые же годы своего существования. Каковы причины? Конечно же, главная — не в деньгах, а в отсутствии подлинных энтузиастов шахмат, ценящих их прежде всего как искусство! Красота всегда заслуживает поощрения, необязательно денежного. Красота забыта. Кто же вспомнит о ней?

ВСМАТКУ

☺ Во время русско-шведской войны король Густав осадил Нейшлог и потребовал от коменданта сдачи города.

На что капитан Кузьмин, потеврявший руку в боях с турками, ответил:

— Моя единственная рука занята шпагой, так что, ваше величество, потрудитесь сами открыть ворота. Если, конечно, получится...

Не получилось.

☺ День выдался жаркий, душный, и часовой, стоявший на посту рядом с Невой, не устоял перед соблазном искупаться. Только он забрался в воду, как у поста объявился царь Петр. Словно ошпаренный выскочил часовой на берег, схватил ружье и отрапортовал, что на вверенном под охрану посту все в порядке.

Петр погрозил пальцем:

— Сидеть бы тебе в карцере, ну да прощаю за то, что раньше подхватил оружие, а уж потом штаны!

☺ Суворов, любивший все русское и не устававший повторять: «Горжусь, что я русский», не терпел, если среди подчиненных появ-

лялись повесы, подражающие французам. Обычно такого низкопоклонствующего щеголя он осаживал вопросом:

— Давно ли изволили получать письма от родных из Парижа?

НТО Δ Ο Γ Ι Α
РМЕЙСКОГО
НЕБДОТА

☺ Старому генералу был неожиданно пожалован орден Андрея Первозванного. Все удивились, один только князь Меншиков заметил:

— Это за безупречную службу по морскому ведомству. Награжденный, почитай, уж лет десять как не сходит с судна-с!

☺ В разгар гулянья поручик Ржевский предлагает гусарам:

— Господа, давайте искупаем коней в шампанском!

— Да вы что, поручик, у нас и денег таких нет.

Поручик задумчиво:

— Ну тогда хотя бы кота пивом обольем...

☺ — Мне потребовалось сорок лет, чтобы убедиться, господа, что военными талантами не обладаю, — заметил в дружеском кругу вельможа, увешанный орденами и медалями.

— Не может быть! Но что же вы в таком случае сделали?

— Увы, что-либо делать было уже поздно — меня произвели в фельдмаршалы.

☺ Разговаривают две девушки:

— Я через месяц замуж выхожу!

Подруга заинтересованно:

— Это за лейтенанта, который за тобой полгода ухаживает?

— Да что ты? За его папу генерала-вдовца!

☺ Из сообщения ТАСС: «Вчера в Тихом океане столкнулась с айсбергом и затонула американская подводная лодка. Команда айсберга представлена к орденам и медалям».

НЕ ВЫРУБИТЬ ТОПОРОМ...

(Из рукописей, присланных в редакцию)

✂ ...О войне она не любила вспоминать, но звериный облик фашиста в стальном шлеме с автоматом в руках ярко запечатлелся в ее еще детском воображении, и она плотно прижималась к мужу, как бы ища у него защиты, когда им приходилось вместе смотреть кинофильмы, в которых изображались события минувшей войны. Муж в ее представлении был не только человек, мужчина, отец ее ребенка, которого она до глубины души любила, не только старший

друг, которого она всегда с уважением слушала, но прежде всего освободитель ее и всех советских людей, находившихся на оккупированной территории, от ужасов фашистского рабства.

✂ ...С приходом немцев в жизни лесничества произошло очень мало перемен. Вместо ушедшего в партизаны лесничего был немцами назначен новый...

✂ На поляне повсюду валялись трупы убитых и раненых...

✂ Она полчаса потратила на то, чтобы аккуратно расчесать локоны своих вьющихся каштановых волос, отрезанных всего два месяца назад.

✂ Если зажигательная бомба пробьет крышу, не надо терять голову, а надо сунуть ее в бочку и засыпать песком.

✂ И тогда она спросила: «Почему вы все время стоите ко мне спиной, когда я смотрю вам прямо в лицо?»

✂ Когда я был курсантом, очень хотелось читать. Я вставал после отбоя, брал книгу и шел в уборную...

Марина
НИКИТИНА-СЕХОВИЧ

БЮРО ОБМЕНА

Меняю краску стыда на польский лак.

Меняю безумное счастье на рассудительного мужа.

Меняю бальзаковский возраст на собрание сочинений Дюма.

Меняю временные удачи на постоянный заработок.

Григорий КОФМАН

СОВЕТЫ ПРОФЕССИОНАЛА

Чтобы отличить газовый пистолет от настоящего, нужно спровоцировать выстрел.

Если угрожают предметом, похожим на пистолет, отдайте предмет, похожий на деньги.

МЕЧТЫ

Одна женщина мечтала родить в воде. Но как назло на три месяца отключили воду.

Другая женщина тоже мечтала родить в воде. В роддоме прорвало трубы — и мечта женщины сбылась.

НА ПОЛЯХ ЖИТЕЙСКИХ

Автобиографию пишут при жизни, а биографию после смерти. Если автобиография короткая, значит, все еще впереди. А если автобиография длинная, значит, впереди биография.

Если в автобиографии есть белые пятна, то в биографии они станут черными.

Биографии учат. А автобиографии даже не читают. Вывод: своя жизнь интересна до смерти, а чужая — после нее.

Петр ДМИТРИЕВ

ПРОЩАНИЕ С ПЕГАСОМ

Прости, Пегас!
Мне жаль тебя до слез,
Но вынужден расстаться
я с тобою.

Слышал, поди:
подорожал овес,
Был кормом раньше,
нынче стал судьюю.

Не за горами зимняя пора,
И белые вот-вот нагрянут мухи...
Кормиться чем?
Беги, брат, со двора,
И дай Господь
иной тебе житухи.

Голодный волк авось не загрызет,
Прибьешься к ферме —
жизнь пойдет другая.
Тебя, мой друг, накормят наперед,
Там дело знают, в сани запрягая.

Дивиться станут
крылышкам твоим,
Но, не поняв причины оперенья,
Их обломают.
Ты ведь нужен им
Для нужд земных,
совсем не для паренья.

Так не страшись неведомой страды,
Служи, как прежде,
правдою и верой,
Взамен получишь за свои труды
Не горсть овса,
а самой полной мерой.

Не внял Пегас.
Ослушался Пегас.
Вернулся в стойло
и хрутит соломой...
Так и живем —
без корма про запас,
Совсем не сытой жизнью,
но — знакомой!

Евгений РЯБИНИН

Во время оно смело
Задиристо, остро
И день и ночь скрипело
Гусиное перо.

Российская словесность
Вставала на крыло.
Сим ширилась известность
И зрело мастерство.

Но век пришел железный
И — Господи прости —
Пернатые все реже
Гневаются на Руси.

Поток писчебумажный
Захлестывает Русь.
И ходит автор каждый
Вальяжно, словно гусь.

Николай КАРПОВ

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Я вспоминаю, как однажды —
Сама судьба меня вела —
Изнемогающий от жажды,
Я дотащился до стола.

Друзья, спасибо, усадили,
И время плавно потекло,
И содержимое бутылки
В другую форму перешло.

Веселье грело и не гасло,
Исчезли горе и печаль,
И потому из этой басни
Нетрудно вывести мораль:

Когда за столиком просторным
Комфорт, компания, уют,
Важней всего — была бы форма,
А содержание нальют!

Чайнворд «Наш Пушкин»

1. Герой повести «Капитанская дочка». 2. Повесть, в которой автор описал свою дуэль с Zubовым в 1822 г. в Кишиневе. 3. Юная артистка в драме «Каменный гость». 4. Стихотворение, написанное в духе обращения к Александру I. 5. Героиня поэмы «Руслан и Людмила». 6. Стихотворение о ядовитом дереве. 7. Незаконченное произведение, задуманное поэтом в противовес историческому роману М. Н. Загоскина «Русские в 1812 г.». 8. Незавершенная поэма о человеке, которого казнил Рюрик, захвативший власть в Новгороде в 862 г. 9. Раннее эпическое произведение, написанное поэтом в 14 лет (1813 г.). 10. Дочь полководца М. И. Кутузова, с которой поэт дружил и переписывался. 11. Жанр лирической поэзии, к которому часто обращался А. С. Пушкин. 12. Имя сестры Александра I, в честь бракосочетания которой поэт написал стихотворение «Принцу Оранскому». 13. «В дверях эдема ... неж-

ный/ Плавой поникшею сиял,/ А демон мрачный и мятельный/ Над адской бездною летал...» (стихотворение). 14. Героиня повести «Барышня-крестьянка». 15. Герой поэмы «Цыганы». 16. Директор публичной библиотеки и президент Академии художеств, на дочери которого поэт собирался жениться в 1828 г. 17. Конногвардеец в повести «Пиковая дама». 18. Ге-

рой произведения «Станционный смотритель». 19. Стихотворение, написанное в 1821 г. после получения известия о смерти Наполеона на острове Св. Елены. 20. Купеческая дочь в сказке «Жених». 21. Командир сводного уланского полка в 1829 г., упоминаемый в стихотворении «Путешествие в Арзрум». 22. Стихотворение, написанное в 1823 г. как намек Александру I, чтобы тот освободил поэта из ссылки. 23. Персонаж драматического произведения «Скупой рыцарь». 24. Русский композитор, пианист и дирижер, автор одноактной оперы «Алеко» по поэме «Цыгань». 25. Улица в Москве, на которой находится Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. 26. Русский скульптор, автор памятника великому поэту в Петербурге. 27. Чем старик ловил рыбу в море в «Сказке о рыбаке и рыбке»? 28. Секундант Пушкина на дуэли с Дантесом. 29. Стихотворение, написанное поэтом в 1814 г. 30. Самая известная женщина, которая вошла в культурную историю России благодаря встрече с Пушкиным. 31. «Глубокий сон в долине бранной;/ Одни мы мчимся в тьме ночной,/ Предчувствую конец желанный!/ Меня зовет последний бой!» (название стихотворения). 32. Персонаж произведения «Арап Петра Великого». 33. Звание, в котором брат поэта, Лев Сергеевич, вышел в отставку в 1842 г. 34. «... и Людмила» — поэма, на сюжет которой М. И. Глинка написал одноименную классическую оперу. 35. «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» (название стихотворения). 36. Имя главного героя повести «Гробовщик».

Составил
Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА СУПЕРКРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Траверс. 8. «Реквием». 10. Шкипер. 11. Антверпен. 14. Пароль. 15. Киев. 16. Корма. 18. Истра. 20. Ниша. 21. Поиск. 22. Картинг. 24. Пластов. 26. Героизм. 28. Москва. 30. Егоров. 32. Кат. 34. «Кольцо». 35. Экипаж. 36. «Дон». 38. Нобиле. 40. Иванов. 42. Рыкошет. 45. Туполев. 47. Слуцкий. 50. Ахмат. 52. Гесс. 54. Таран. 55. Агент. 56. Латы. 57. «Динамо». 59. Коновалов. 60. Лакомб. 61. Диница. 62. Равелин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Карпов. 2. Леер. 3. Эскадра. 4. Граната. 5. Окоп. 6. Микрон. 7. Тактика. 9. Малышко. 12. Туапсе. 13. Приказ. 16. Конус. 17. Микоша. 19. Адлер. 23. Тимошенко. 25. Суворовец. 26. Гальдер. 27. Меллит. 29. Кроки. 31. Осада. 32. Код. 33. Тэн. 36. Обойма. 39. Брест. 41. Налет. 43. Иवानин. 44. Ертаул. 46. Убежище. 48. Истомин. 49. Приклад. 51. Нервюра. 53. Сталин. 56. Лукулл. 58. Один. 60. Лава.

200 лет А.С.Пушкину

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная
тропа.

Вознесся выше он главою
непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа
в заветной лире

Мой прах переживет
и тленья убежит —

И славен буду я, доколь
в подлунном мире

Жив будет
хоть один пиит.

**Хлуднево. Небольшая
калужская деревня.
Здесь в январе 1942 года
приняли последний бой
воины из Отдельной
мотострелковой бригады
особого назначения
войск НКВД**

